

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мельничук Инна Михайловна

**РЕНОМИНАЦИЯ ЧУЖИХ РЕАЛИЙ ВО ФРАНЦУЗСКИХ
ПЕРЕВОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Фененко Н.А.

Воронеж 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Переводной художественный текст как источник исследования реноминативного потенциала реалий.....	18
1.1. Переводной художественный текст как объект лингвистического исследования	18
1.2. Национально-культурная маркированность реалии в переводном художественном тексте.....	28
1.2.1. Определение понятия «реалия».....	28
1.2.2. Критерии классификации реалий.....	40
1.2.3. Понятие «реаликона» художественного произведения	47
1.3. Реноминация и особенности ее реализации во французском переводном художественном тексте.....	59
Выводы по главе I.....	64
Глава II. Критерии выделения и категоризации художественного реаликона.....	66
2.1. Описание корпуса переводов литературы Молдавии на французский язык.....	66
2.2. Контекстуальные условия выделения художественного реаликона.....	71
2.3. Словарные маркеры идентификации художественного реаликона.....	75
2.4. Структура художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века.....	82
2.4.1. Группа R-реалий.....	83
2.4.2. Группа C-реалий.....	100
2.4.3. Группа R → C-реалий.....	105
2.4.4. Группа религиозных R-/C-реалий.....	108
2.4.5. Группа внешних L-реалий.....	114
Выводы по главе II.....	118

Глава III. Особенности реноминации реалий чужой культуры во французских переводных художественных текстах.....	122
3.1. Маркеры чужих реалий в переводном художественном тексте.....	122
3.2. Реноминация чужих R-реалий	131
3.2.1. Способы реноминации этнографических R-реалий	132
3.2.2. Способы реноминации ономастических R-реалий	148
3.2.3. Способы реноминации исторических R-реалий	154
3.3. Реноминация чужих C-реалий	161
3.4. Реноминация чужих R → C-реалий	165
3.5. Реноминация религиозных R-/C-реалий.....	168
3.6. Реноминация внешних L-реалий	180
Выводы по главе III.....	187
Заключение	192
Список литературы.....	202
Список лексикографических источников	226
Список источников примеров.....	228
Приложение 1. Структура художественного реаликона литературы Молдавии 60-х –80-х годов XX-го века.....	230
Приложение 2. Ядро художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века.....	231
Приложение 3. Периферия художественного реаликона литературы Молдавии 60-х –80-х годов XX-го века	232
Приложение 4. Реноминативный реаликон молдавской культуры во французских переводных художественных текстах.....	233
Приложение 5. Корреляция реноминативных форм чужих реалий и степени сохранения чужого колорита.....	234

ВВЕДЕНИЕ

В рамках настоящего диссертационного исследования рассматриваются особенности реноминативного потенциала французского языка в процессе интегрирования в текст реалий «чужой» культуры, а также анализируется корреляция реноминативных форм «чужих» реалий и степени сохранения «чужого» колорита во французских переводных художественных текстах.

Актуальность темы диссертационной работы определяется несколькими факторами, в том числе:

- потребностью современного языкознания в разработке специального методологического инструментария и более точных классификационных критериев для определения класса лингвокультурных реалий;

- необходимостью системного описания типологии лингвокультурных реалий с учетом их функциональной специфики в переводном художественном тексте;

- потребностью изучения реноминативных форм реалий молдавской культуры и особенностей их интеграции во французский переводной художественный текст;

- необходимостью исследования механизма реноминации как способа репрезентации «чужой» культуры в переводном художественном тексте и степени сохранения в нем «чужого» национального колорита.

Степень разработанности проблемы

Вопросами исследования реалий как национально-маркированных лексических единиц стали активно заниматься с середины XX-го века. Изучение природы реалии и выход в процессе ее анализа за рамки сугубо лингвистической дисциплины привели ученых к рассмотрению реалии как предмета различных научных направлений.

Отправной точкой в исследованиях культурномаркированной лексики, к которой относятся слова-реалии, послужили работы, проведенные в рамках лингвострановедения [Вайсбурд 1972; Веденина 2008; Верещагин 1980;

Томахин 1980], в трудах которых акцентируются познавательная, когнитивная составляющая реалий и их роль в освоении «чужого» языка и культуры. С этих позиций культурномаркированная лексика является накопителем и репрезентантом национально-культурной специфики определенной лингвокультуры. Во французской лингводидактике существует понятие «lexiculture» (lexique et culture) [Galisson 1991], образованное в результате слияния слов «лексика» и «культура», которое отображает концентрирование в лексических единицах языка национально-культурных сведений, известных носителям языка и являющихся предметом обучения иностранным языкам.

Сравнительное исследование языков и культур в рамках дидактической науки [Lado 1957] привело к развитию компаративного изучения национально-культурных особенностей различных языков. В работах по сопоставительной лингвистике [Гак 1998] основной задачей выступает сравнение реалий разных языков и выделение их индивидуализирующих и универсализирующих свойств, смысловых и номинативных соотношений.

С позиций лингвокультурологии [Вежбицкая 2001; Карасик 2002; Красных 2003; Benveniste 1966] реалия является свойственным одной культуре элементом, заключающим в себе информацию о специфичности и уникальности данной культуры. В рамках межкультурной коммуникации [Гер-Минасова 2007; Charaudeau 2009] реалия предстает как элемент, способствующий или противодействующий межкультурному общению и пониманию.

Серьезный вклад в изучение реалии внесли работы по проблемам лакунологии, в частности определение лакун, их классификация, способы их элиминирования [Быкова 2003; Сорокин 2010; Стернин 1998; Махонина 2019; Марковина 2008]. Данные исследования используют термин «лакуна» для обозначения расхождений на уровне национально-культурного восприятия двух культур и их отражения в языке. Лингвисты отмечают

двойственную природу лакуны, которая является «с одной стороны, результатом неконгруэнтности образов сознаний коммуникантов, а с другой стороны, препятствием для достижения взаимопонимания» [Марковина 2008: 13].

Теоретики перевода [Влахов 2006; Гарбовский 2004; Миньяр-Белоручев 1999; Федоров 2002; Швейцер 1988; Admiral 1990; Lederer 2004] изучают возможности языка перевода в целях достижения адекватности/эквивалентности значений реалии в тексте перевода, поиска эффективных способов декодирования значения реалий, стратегий делакунизации текста [Марковина 2006; Булгакова 2013]. Значительное внимание уделяется также проблеме типологии реалий на основе различных критериев, а также детальному описанию конкретных типов реалий [Гудий 2012; Кравцов 2008; Соловьева 2018].

В рамках лингвистической теории реалии, которая разрабатывается в русле теории реноминации [Фененко 2006; Кретов 2013], предпринимается попытка экспликации понятийных, типологических, функциональных характеристик реалий. В этом случае изучение реалий касается способов их реноминации, проблем лакунизации текста, обусловленных наличием в нем слов-реалий, и способов его делакунизации с помощью средств переводящего языка и метапереводческих комментариев [Зырянова 2011; Булгакова 2013; Козлова 2013].

Исследования, проведенные в русле перечисленных выше направлений, внесли заметный вклад в решение проблем, связанных с типологией реалий, отграничением слов-реалий от смежных с ними категорий и понятий, в частности терминов, в выявление и описание функций реалий в художественном тексте. Вместе с тем наметился круг вопросов, которые еще не получили достаточного освещения, хотя являются частью важнейшей проблематики теории реалии и могут стать предметом специального исследования. К ним относится необходимость разработки системного подхода, направленного на поиски единых дефиниционных

положений, принципов выделения типологических и структурно-функциональных характеристик реалий, а также специального методологического инструментария, призванного соотнести культурномаркированную лексическую единицу с категорией «реалии». Существенное значение имеет исследование процесса реноминации «чужих» реалий в переводном художественном тексте, которое позволяет выявить реноминативные возможности современного французского языка. Анализ реалий в таком ракурсе может служить перспективой для дальнейшего уточнения и развития формирующейся в современном языкознании лингвистической теории реалии.

Объектом диссертационного исследования являются реноминативные формы реалий, представленные в переводах на французский язык произведений молдавской литературы, отличающихся высокой степенью национально-культурной маркированности.

Предметом исследования выступают закономерности образования и функционирования реноминативных форм реалий, репрезентирующих молдавскую культуру во французском переводном художественном тексте.

Материалом исследования послужили переведенные на французский язык художественные произведения молдавской литературы 60-х – 80-х годов XX-го века: романы «L'église blanche» I. Droutse и «Le vol brisé» V. Bechleaga; сборники рассказов: «Dons» I. Droutsu, «Sougour-Mougour» P. Botsou, «L'orange» N. Essinencou, «Mes grands-pères» Gu. Voda. В общей сложности проанализированы два романа и 72 рассказа литературы Молдавии указанного периода объемом более 2000 страниц исходного и переводного текстов. Общее количество реноминативных форм реалий молдавской культуры составило 962 лексические единицы, с учетом вариантов реноминации одной реалии и повторяющихся форм количество словоупотреблений составило 5620.

Что касается обозначения примеров исходного языка нашего исследования, то здесь необходимо сделать следующую оговорку. Исследуемые художественные произведения литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века в период их создания написаны на кириллице, впоследствии переложены на латинский алфавит, вследствие этого примеры реалий молдавской культуры указываются нами в том и в другом вариантах.

Цель работы состоит в выявлении реноминативных форм реалий, описывающих молдавскую культуру, а также в определении степени сохранения их национально-культурного колорита во французских переводных художественных текстах.

В рамках сформулированной выше цели предполагается решение следующих **задач**:

- обосновать значимость переводного художественного текста как контекстуальной основы для лингвистического анализа реалий;
- дать характеристику корпуса произведений молдавской литературы 60-х – 80-х годов XX-го века, переведенных на французский язык;
- обосновать использование термина «художественный реаликон», уточнить его значение, аргументировать системный характер реаликона, выявив его структурные и семантические особенности, его ядро и периферию;
- описать типологию реалий, в составе художественного реаликона, переведенных на французский язык, произведений молдавской литературы 60-х – 80-х годов XX-го века;
- провести анализ реноминативных форм реалий молдавской культуры, используемых во французском переводном художественном тексте, и выявить взаимную обусловленность категориальных особенностей реалий и способов их реноминации;
- установить закономерности взаимосвязи между реноминативными формами и степенью сохранения «чужого» национального колорита при

интегрировании реаликона молдавской литературы во французский переводной художественный текст.

Научная новизна исследования основывается на следующих результатах:

- обосновано использование переводного художественного текста в качестве цельного репрезентативного материала для исследования реноминативных форм реалий, формирующих реаликон молдавской литературы 60-х – 80-х годов XX-го века, и выявления реноминативного потенциала французского языка;

- введено и аргументировано понятие «художественный реаликон», определяемый как совокупность реалий, функционирующих в тексте художественного произведения и выполняющих единую эстетическую задачу, выявлен его системный, национально-обусловленный и индивидуально-авторский характер;

- выделены ядро и периферия художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века, представленные соответственно реалиями молдавской культуры и «внешними» по отношению к молдавской культуре реалиями, участвующими в создании национального и исторического колорита художественного текста;

- предложен методологический инструментарий для идентификации реалий, функционирующих в составе художественного реаликона переводного художественного текста;

- установлены закономерности корреляции между реноминативной формой и степенью сохранения «чужого» национального колорита во французском переводном художественном тексте.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты:

- углубляют теоретические представления о типологических и функциональных характеристиках лингвокультурных реалий;

- расширяют понятийный аппарат теории реалии терминами «художественный реаликон», «реноминатив», «реноминативная форма», а также обосновывают принципы выделения и описания структуры и семантики реаликона художественного произведения;

- уточняют и углубляют типологию реалий, а также методику описания их функционирования во французском переводном художественном тексте;

- раскрывают характер корреляции реноминативных форм реалий со степенью сохранения «чужого» национального колорита во французском переводном художественном тексте;

- вносят вклад в развитие теории реалии и теории реноминации в романском языкознании.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы на практических занятиях по лингвистическому анализу художественного текста, в курсах по лексикологии и стилистике французского языка, на занятиях по теории и практике перевода и межкультурной коммуникации, в специальных курсах по проблемам теории реалии и теории реноминации. Результаты исследования могут также найти применение в сфере переводческой деятельности, связанной с передачей национально-культурных коннотаций при переводе национально маркированной художественной литературы. Результаты исследования могут послужить основой для составления словаря-реаликона молдавской культуры на языке другой (французской) лингвокультуры.

Теоретико-методологической основой исследования стал комплексный подход к изучению реалий, предполагающий их рассмотрение в тесной взаимосвязи значений, форм и контекста, в котором они функционируют.

Данный подход обусловил выбор как общенаучных методов (метод общенаучного анализа и синтеза, метод лингвистического наблюдения,

описательный метод, метод классификации), так и специальных лингвистических методов исследования (метод семантико-компонентного анализа словарной дефиниции, метод контекстуального анализа).

Теоретической базой исследования послужили работы в области:

- лингвокультурологии: [Воркачев 2007; Воробьев 2008; Карасик 2002; Маслова 2001; Телия 2011; Ballard 2005];

- взаимодействия языка и культуры, концептосферы культуры: [Аврамов 2012; Алефиренко 2002; Бабушкин 2010; Болдырев 2014; Вежбицкая 2001; Гулинов 2018; Кравцов 2008; Красных 2003; Попова 2007; Потебня 1999; Степанов 2004; Стернин 2006; Charaudeau 2009; Galisson 1991];

- теории художественного текста и текста художественного перевода: [Бахтин 1986; Виноградов 1959; Винокур 1991; Гальперин 2006; Лотман 1998]; [Виноградов 2001; Гарбовский 2004; Казакова 2001; Комиссаров 2002; Корниенко 2018; Левый 1974; Моисеева 2007; Попович 1980; Солодуб 2005; Федоров 2002];

- теории номинации: [Арутюнова 2012; Гак 1998; Колшанский 1980; Кубрякова 2004; Серебренников 1970; Bally 1955; Benveniste 1966; Guiraud 1967; Marouzeau 1969];

- теории реалии: [Влахов 2006; Гак 1998; Кравцов 2008; Кретов 2011; Томахин 1980; Фененко 2013; Lederer 1994];

- теории лакун: [Быкова 2003; Марковина 2008; Махонина 2019; Сорокин 2010; Стернин 1998].

Данное исследование базируется на положениях лингвистической теории реалии [Кретов 2011; Фененко 2006; 2007; 2013], согласно которой реалия предстает как комплексное понятие, включающее три стороны, которые отображают соответственно референтную соотнесенность с объективной реальностью (R-реалия), субъективное восприятие и осознание действительности (С-реалия) и языковое опосредование или

лингвистическую репрезентацию реалии (L-реалия). В этом случае, термин «реалия» сохраняется в качестве родового и определяется как парная лакуне категория, обозначающая наличие в одном языке «готовой номинации для обозначения сигнификата (а для денотатной лексики и денотата) на фоне отсутствия такой номинации (или части компонентов ее значения) в другом языке» [Французские и русские реалии ... 2013: 22].

Гипотеза исследования: анализ процесса реноминации реалий «чужой» культуры в переводном художественном тексте является эффективным инструментом, позволяющим: а) выделить и обосновать существование художественного реаликона как системно организованного идейно-эстетического культурнозначимого комплекса; б) выявить реноминативный потенциал принимающего (французского) языка при освоении и интегрировании «чужой» культуры, зафиксированной в лингвокультурных реалиях; в) определить степень сохранения в тексте «чужого» национального колорита посредством реноминативных форм реалий «чужой» культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реалии, отражающие наиболее значимые национально-культурные характеристики и функционирующие в художественной литературе Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века, составляют художественный реаликон – единый идейно-эстетический комплекс, участвующий в создании автором художественной действительности. Ядерную часть реаликона образуют R-реалии (натурфакты, артефакты), C-реалии (ментефакты) и транзитивные R→C-реалии молдавской культуры, которые являются наиболее частотными и национально-значимыми элементами художественного текста. На периферии реаликона находятся религиозные R-/C-реалии, а также L-реалии, номинирующие «внешние» по отношению к молдавской культуре реалии других (русской, турецкой) культур, которые

участвуют в создании художественной картины мира, отображенной в анализируемых текстах.

2. Реноминативный потенциал французского языка по интегрированию «чужой» культуры актуализируется специфически по отношению к каждому типу реалий.

Этнографический R-реаликон молдавской культуры реноминируется в тексте преимущественно средствами принимающего языка и предстает во французском тексте в виде разносторонних R-, C- и L- реноминаций. Доминирующими являются адаптивные номинации, представленные «своими» (французскими) R-реалиями и «своими» экспликативными C-реалиями. Менее частотны реноминативные формы в виде «своих» R-реалий, сопровождаемых «своей» экспликативной C-реалией, или этнически-нейтральные лексических единиц, отличающихся отсутствием национальной специфики. Наименьшую частотность обнаруживают реноминативные формы в виде «чужих» L-реалий, дополненных французскими C-реалиями.

3. Ономастический R-реаликон молдавской литературы предстает во французском переводном тексте в двух основных реноминативных формах – «чужих» L-реалий и «своих» L-реалий. Доминирующими являются «чужие» реалии, которые, будучи носителями «чужой» культуры, позволяют полностью сохранить во французском тексте самобытный колорит молдавской культуры. Реноминации, представленные во французском тексте в виде «своих» L-реалий, менее многочисленны. Они сохраняют «чужой» национально-культурный колорит частично или полностью нейтрализуют его при отсутствии соотнесенности реалии с «чужой» культурой.

4. Исторический R-реаликон молдавской культуры представлен во французском переводном тексте преимущественно «своими» R-/C-/L-реалиями. «Чужая» национально-историческая специфика сохраняется

благодаря использованию «чужих» L-реалий, которые могут быть дополнены «своими» C-реалиями в виде внутри- и внетекстовых комментариев.

5. Религиозный R-реаликон реноминируется с учетом сходства / различия национально-культурных особенностей реалий, принадлежащих православной и католической религиозным культурам. Сходство религиозных понятий предопределяет реноминативный выбор в пользу «своих» R-/C-/L-реалий. Различия религиозных понятий и связанный с этим лакунизированный характер «чужой» реалии фиксируется в принимающем языке реноминативными формами в виде «чужих» L-реалий, что способствует сохранению во французском тексте специфики православного колорита исходной лингвокультуры. Вместе с тем во французском тексте отмечаются реноминативные формы в виде этнически-нейтральных лексических единиц, сигнализирующих о полном стирании «чужого» колорита.

6. Реноминативные формы «чужих» *C-реалий* характеризуются незначительной вариативностью. Наиболее высокую встречаемость демонстрируют реноминативные формы в виде французских C-реалий, обусловленные сходством значения и сигнализирующие о частичной замене «чужого» национального колорита «своим». Значительную частотность обнаруживают французские этнически-нейтральные лексические единицы, свидетельствующие о полном стирании национального колорита текста. Другие реноминативные формы фиксируются крайне редко.

7. Реноминативные формы транзитивных *R→C-реалий* представлены в основном этнически-нейтральными лексическими единицами, подтверждающими отсутствие «чужого» национального колорита во французском тексте. Реже встречаются реноминативные формы в виде «своих» R-/C-реалий, акцентирующие наличие в тексте «своего» колорита.

8. *L-реалии*, «внешние» по отношению к молдавской культуре, репрезентируются во французском переводном художественном тексте

преимущественно реноминативными формами в виде «чужих» L-реалий, которые маркируют полное сохранение «чужого» национального колорита. Частично «внешний» компонент реаликона молдавской литературы представлен реноминативными формами в виде французских R-/C-/L-реалий, заменяющих инокультурную специфику «своей». Нейтрализация «внешних» L-реалий этнически-нейтральными лексическими единицами встречается крайне редко.

9. Французский язык осваивает и интегрирует особенности молдавской культуры дифференцированно и с различной степенью интенсивности. Реноминативные формы в виде «чужих» L-реалий фиксируют высокую степень сохранения молдавского национального колорита и составляют ядро художественного реаликона во французском переводном художественном тексте. Сложные реноминативные формы, включающие «чужие» L-реалии, эксплицируемые «своими» (французскими) C-реалиями, обеспечивают частичное сохранение «чужого» национального колорита и формируют ближнюю периферию художественного реаликона переводного произведения. Реноминативные формы в виде «своих» R-, C- и L-реалий определяют утрату молдавского национального колорита во французском тексте и его субституцию «своим» (французским) колоритом. Данная категория реалий составляет дальнюю периферию художественного реаликона молдавской литературы во французском тексте. Реноминативные формы в виде этнически-нейтральных ЛЕ приводят к полной утрате «чужого» национального колорита и остаются за пределами художественного реаликона французского текста.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 10 публикациях автора, 3 из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Результаты работы обсуждались на следующих конференциях: Международная научно-практическая конференция «Современная языковая ситуация в

Приднестровье» (Тирасполь, 2015 г.); Республиканская научно-практическая конференция (с международным участием) «Литература и журналистика в иерархии культурного пространства современной личности» (Тирасполь, 2017 г.); III-ий Международный научный семинар, посвященный памяти проф. В.Б. Кашкина «Дискурс. Интерпретация. Перевод. (Воронеж, 2017 г.); III-ья Всероссийская научная конференция «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2017 г.); Международная научно-практическая конференция НИЦ «ПНК»: «Научная мысль XXI века: результаты фундаментальных и прикладных исследований» (Самара, 2018 г.); научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, 2019 г.); Республиканская научно-практическая конференция (с международным участием) «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (Тирасполь, 2019 г.).

Структурно диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений. Введение нацелено на обоснование выбора темы, определение объекта и предмета исследования, формулирование цели и задач, обозначение актуальности и новизны, определение положений, лежащих в основе исследования, характеристику практической ценности и теоретической значимости полученных в ходе исследования результатов. В главе I рассматриваются основные теоретические положения и понятия, послужившие методологической основой исследования. Глава II посвящена анализу критериев выделения и категоризации реаликона произведений художественной литературы. В главе III рассматриваются способы реноминации реалий, входящих в состав исследуемого реаликона, определяются типологические характеристики реноминативных форм «чужих» реалий и степень сохранения национального колорита «чужой» культуры во французском переводном художественном тексте. В заключении

подводятся итоги исследования. Список литературы включает научные труды на французском, русском, румынском, английском языках, а также список лексикографических источников и источников примеров, насчитывающий 266 позиций. Приложения содержат таблицы и диаграммы, обобщающие результаты, полученные в ходе исследования.

ГЛАВА I. ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ РЕНОМИНАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕАЛИЙ

1.1. Переводной художественный текст как объект лингвистического исследования

Исследование реалий как маркеров национальной культуры в художественном ракурсе предполагает наличие источника, выступающего в качестве контекстуального обрамления, ведь именно в тексте «средства языка становятся коммуникативно-значимыми, коммуникативно-обусловленными» [Кольцова 2007: 9]. Таким базовым материалом, корпусом для исследования лингвокультурных реалий выступают наряду с художественными произведениями национальной литературы и переводные художественные тексты.

Многогранность и разнохарактерность структуры, содержания и функционирования художественного текста обусловили различные подходы к его трактовке как объекта исследования.

Значительное место в исследовании как художественного, так и переводного художественного текста занимает филологический подход, который опирается в основном на понимании текста как сложного, комплексного феномена, обладающего формой, структурой, содержанием и т.д. Основы этого подхода заложены в трудах многих исследователей [Бахтин 1986; Виноградов 1959; Винокур 1991; Гальперин 2006; Ларин 1974; Лотман 1998; Щерба 1974 и др.].

Ученые говорят о филологическом анализе текста как о совокупности литературоведческого и лингвостилистического подходов, объединяющих вопросы формы и содержания литературного произведения, где под формой понимается лингвистическая сущность текста, определяемая так называемым анализом языковых средств с целью выявления их роли и функций, а под

содержанием – его идейно-тематическая направленность, его проблематика и жанрово-видовая специфика.

Среди первых исследователей семантики и сущности художественного текста принято цитировать М.М. Бахтина, который предложил общетеоретическое понимание текста, определяемого как «первичную данность (реальность) и исходную точку всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин 1986: 297]. Подход к такому видению художественного текста обуславливает понимание текста, в том числе и как «эстетического объекта в его чисто художественном своеобразии» [Бахтин 1975: 17].

Ю.М. Лотман, основывающийся на множественности прочтений художественного текста, который «выдает разным читателям различную информацию» [Лотман 1998: 15], разрабатывает основы литературоведческого подхода, который предусматривает развитие интерпретативных компетенций реципиента художественного текста.

Наиболее обстоятельную дефиницию художественного текста предлагает И.Р. Гальперин, который видит его как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2006: 18].

О стилистической составляющей анализа художественного текста говорит и П. Гиро, отмечая, что «текст представляет собой структуру, замкнутое организованное целое, в рамках которого знаки образуют систему отношений, определяющих стилистические эффекты этих знаков» [Гиро 1980: 119, Guiraud 1967: 102].

Комплексный подход к анализу художественного текста, основанный на исследовании эффекта синергии языковых единиц текста, представлен в концепции Н.В. Меркуловой, которая считает, что «в ходе герменевтического толкования художественных текстов наблюдается необходимость объединения междисциплинарных практик лингвистического и литературоведческого анализа, а также подключения данных гуманитарных дисциплин (философия, история, культурология, психология, социология и пр.), что вполне созвучно актуальным тенденциям плюралистического подхода в герменевтике» [Меркулова 2018а: 21].

Коммуникативный подход к исследованию языковых явлений предопределил дефиницию художественного текста, представленного как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова 1984: 3]. С этих позиций языковые средства в художественном тексте воспринимаются как субъективно окрашенные, так как они отражают особенности восприятия мира автором. В этом случае в художественном тексте осуществляется не «личностное представление конвенционального смысла, а представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах» [Пищальникова 1999: 38].

Базовым свойством текста является «информативность», которая при всем многообразии различных видов информации, выделяется в художественном тексте «больше всего культурной пресуппозицией народа – сведениями об истории, традициях, духовной жизни данного народа, а также аналогичными сведениями из жизни иных народов, распространенными среди жителей данной страны» [Болотнова 2007: 138]. В этом случае художественный текст как сложная, многоплановая структура становится источником различных видов информации, среди которых особо важной в рамках нашего исследования предстает передаваемая им лингвокультурологическая информация о стране, «информация социального,

политического, экономического, культурного, географического, этнографического характера, выступающая «зеркалом» жизни и культуры народа» [Фирсова 2012].

Выполняя функцию отображения культуры, художественный текст представляет собой субъективный образ объективного мира в виде индивидуально-авторского ментального образования, выраженного языковыми средствами. В то же время художественный текст предстает как «важнейший источник сведений о мире, о культуре людей, живущих в определённом месте, в определенной среде, в определенную эпоху и в определенных исторических условиях, а значит, представляющих зависимость от всех этих разнообразных социально-культурологических и психологических факторов» [Кубрякова 2004: 505].

Национально-культурная доминанта художественных произведений приобретает конкретную характеристику, которая выражается как в образах, непосредственно отражающих «материальную обстановку и социальные условия жизни народа (в характере и поступках действующих лиц), так и в его насыщенности идиоматикой в широком смысле слова» [Фененко 2014: 153]. Разного рода тексты, в том числе и художественный, обладают определенными универсальными характеристиками, тогда как их «содержание характеризуется этнокультурным своеобразием» [Гулинов 2019: 184]. Данный факт говорит о национальной ориентированности различных типов текстов, включая художественных.

Представленные выше характеристики в полной мере можно отнести и к переводному художественному тексту, основная функция которого состоит в репрезентации различных аспектов «чужой» действительности: предметно-материального, социального, ментально-духовного, исторического и др.

Теоретики перевода придерживаются иного подхода к интерпретации переводного художественного текста, считая, что ключевым словом в терминологическом обороте «переводной художественный текст» является

слово *переводной*, что предопределяет направление исследования такого типа текстов. Переводоведческий подход к анализу художественного текста содержит различные опорные принципы исследования [Алексеева 2008; Гарбовский 2004; Казакова 2001; Мишкурин 2014; Попович 1980; Солодуб 2005; Федоров 2002], среди которых следует выделить сравнительно-сопоставительный, основывающийся на главной дихотомии перевода: наличие исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ).

Одни исследователи основывают анализ переводных текстов на сопоставлении лингвистических элементов (компонентов) текста [Федоров 2002; Швейцер 1988], другие – на литературоведческих принципах анализа художественного перевода [Чуковский 1968; Baker 2000].

Основополагающими проблемами переводного текста с этой точки зрения становятся понятия эквивалентности / тождественности / адекватности / аналогичности / соответствия переведенного текста оригиналу. Согласно мнению теоретиков перевода, художественный текст понимается как сложная лингвистическая и семантическая структура, характеризующаяся «общностью идейно-тематического содержания и эстетическим воздействием на читателя – своей основной функцией» [Солодуб 2005: 160].

Рассматривая текст художественного перевода как несомненную базовую основу сопоставительных исследований, И.С. Алексеева предлагает выполнять классификацию текстов перевода с позиций коммуникативного подхода, в рамках которого выявляются некоторые релевантные параметры, среди которых «коммуникативное задание и вид передаваемой текстом информации; характер источника и характер реципиента; объективная мера переводимости текста как вторичного», что привело к идее о сохранении «ядра коммуникативного задания исходного текста» при «переносе текста в другую культуру и другую языковую среду» [Алексеева 2013: 186].

Развитие новых научных парадигм лингвистических наук привело к расширению спектра исследований переводного художественного текста, среди которых «апробация идей функциональной и коммуникативной грамматики в анализе переводного материала» [Уржа 2017: 12], применение принципов когнитивистики и антропоцентризма в переводе, когда «переработка информации при переводе носит когнитивный характер, поскольку трансформирующей инстанцией является когнитивная система человека» [Фесенко 2002: 68]. В продолжение мысли об антропоцентрической обусловленности рецепции текста поднимется вопрос о «творческом процессе его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания – к такого рода когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта» [Кубрякова 2004: 518].

Учеными отмечается, что особые формы и темы произведения способствуют активизации «ценностных ориентаций читателя, и прежде всего тех, которые, вне всякого сомнения, являются ядерными в картине мира: человечность, порядочность, толерантность, значимость традиционных семейных уз, что способствует в конечном итоге (пере)структурированию картины мира у читателей романа» [Гришаева 2017: 20].

О связи исходного и переводного текстов сквозь призму восприятия реципиентом говорит Н.М. Нестерова, обозначившая такие отношения термином «аффирмативная связь», основным принципом которой является реализация «аффирмативного отношения к первоисточнику, свидетельствующее о зависимости перевода от оригинала», что отражает верное, соответствующее оригиналу понимание исходного текста в противовес «контроверзному», включающему «деструктивный элемент» [Нестерова 2017: 63], выражающий негативное, полемическое отношение реципиента.

Интересной представляется идея Э.Н. Мишкурова, предлагающего рассматривать переводной художественный текст с позиций

герменевтической парадигмы перевода, которая предстает как «системно выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философо- / филолого- / герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелагания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на вышеуказанных уровнях» [Мишкурор 2014: 222].

Размышления некоторых зарубежных исследователей о природе переводного текста и о его месте в национальной литературе приводят к выводам, что, несмотря на некую недостаточность (*défektivité*) переводного произведения и отсутствие «творческой свободы оригинального текста» (*la liberté créatrice de l'œuvre originale*) (Здесь и далее перевод цитат с французского языка наш. – И.М.) [Lombez 2012: 267], переводной художественный текст заслуживает быть предметом исследования в плане «содействия (или противодействия) переводной и национальной литературы» (*étudier la nature des synergies (ou des oppositions) que les textes littéraires traduits entretiennent, en diachronie et synchronie, avec la littérature «nationale»*) [Lombez 2012: 269]. Несмотря на развитие идей и концепций об оценке и сущности художественного перевода, все они остаются в русле компаративной теории, где неотъемлемым принципом остается сопоставительное изучение ИТ и ПТ.

Исследования переводной литературы последних десятилетий выходят на экстралингвистический уровень, когда о художественном переводе говорят как о ретрансляторе чужой культуры, почерпнутой из культуронесущего исходного текста. С этой точки зрения перевод рассматривается как «сложная межкультурная эстетическая коммуникация, диалог великих культур, отражающий взаимодействие не только различных национальных языковых картин мира, но и художественных моделей мира,

созданных авторами оригинальных произведений и авторами их переводов» [Оболенская 2006: 335].

С обозначенных позиций художественный текст предстает как «révélateur de contextes historiques, politiques et sociaux, il ouvre des portes, à travers une conscience individuelle et une écriture singulière, sur des modes de pensée, des modes de vie, des rapports au monde, autant de révélateurs d'un imaginaire social et culturel collectif» (источник исторических, политических и социальных сведений, отображающий, посредством индивидуального осознания и уникального творческого почерка, иные способы мышления, образы жизни, отношения с миром) [Gohard 2004: 7].

Все чаще именно культурная составляющая переводного художественного текста становится предметом переводоведческих обсуждений, что приводит к теоретизации данного вопроса, когда «теоретические положения художественного перевода частично проясняют его культурную обусловливаемость» [Fournier-Guillemette 2011: 93].

Исходное и переводное произведения находятся в так называемом культурном диалоге, способствующем взаимодействию и взаимовлиянию соприкасающихся в процессе перевода языков, а непосредственно процесс перевода предстает как «некоторые каналы переключения произведения из одного языка (культуры) в другой» [Базылев 2000: 7]. Вследствие такого переключения переводная литература, «проникая в другую лингвокультуру, в значительной степени способствует и ее обогащению и развитию» [Николаев 2016: 115].

Немаловажным звеном взаимодействия лингвокультур предстает переводчик, который «решает сразу две задачи: «расшифровывая» чужие новые слова и создавая собственные, он познает потенциальные лингвокреативные возможности, как языка оригинала, так и своего собственного» [Нестерова 2016: 56].

В рамках теории перевода значительным условием деятельности переводчика является понимание, которое является и условием перевода, и его конечным результатом, и «частным случаем процессов и результатов смыслового восприятия текста и его оценки» [Базылев 2000: 12]. С этих позиций «переводной художественный текст является не чем иным, как рядом проекций, структура и качество которых зависит от психотипических особенностей переводчика, сопряженных, конечно, с его сознательными установками» [Сорокин 2008: 34].

В то же время необходимо учитывать тот факт, что переводной художественный текст становится частью принимающей лингвокультуры, образуя некий литературный, культурологический континуум, который способствует отражению «чужой» картины мира «своей» комплексной языковой системой. Особенно ярко лингвокреативные возможности языка проявляются при ассимиляции культурномаркированных лексических единиц, когда принимающий язык «выступает в роли их хранителя и даже обогащает их, насыщая новыми культурными смыслами, расширяя тем самым горизонты культурной памяти» [Мед 2017: 198].

В нашей работе особое внимание уделяется пониманию переводного художественного текста как результата процесса перевода вне зависимости от качественных характеристик эквивалентности / адекватности текста перевода исходному тексту. Данный тезис был обозначен М. Ледерер, которая, размышляя о положительных и отрицательных свойствах переведенного художественного текста, отмечает: «La traduction, bonne ou même mauvaise, est toujours un élément positif, un enrichissement pour les lecteurs en particulier et pour la culture d'arrivée en général» (Перевод, независимо от того, хороший он или плохой, – всегда есть явление положительное, т.к. служит духовному обогащению каждого читателя в отдельности, и принимающей культуры в целом) [Lederer 2004: 74].

Будучи итогом переводческих действий, переводной художественный текст отражает дихотомичность межкультурного взаимодействия: представление «чужой» лингвокультуры и модификаций «своего» лингвокультурного контекста.

С этой точки зрения изучение переводного художественного текста как вторичного текста, который отличается «своим предназначением — служить **полноправной заменой** (выделено Н.М. Нестеровой) первичного текста, представляет несомненный интерес. Статус текста перевода позволяет цитировать по нему оригинал, судить о качествах последнего и даже оценивать язык и стиль автора оригинала» [Нестерова 2005: 16].

Таким образом, текст перевода является языковой единицей, способствующей соприкосновению двух лингвокультур, обогащение и развитие которых являются обоюдным, взаимным. С одной стороны, он «открывает доступ к культурным, литературным, историческим достижениям других народов и выступает средством передачи видения мира представителями иной культуры» [Межова 2014: 108]. С другой стороны, претерпевая культурологическое влияние, принимающая лингвокультура подвергается преобразованиям, глубина которых находится в прямой зависимости от степени взаимопроникновения и взаимодействия.

В результате отмечаем, что как исходное художественное произведение, так и переводной художественный текст, помимо того, что они воспринимаются как продукт художественного творчества, являются отражением языковой картины мира, которая видится как «определенная интерпретация мира и интерпретация знаний о мире в сознании человека» [Болдырев 2014: 120], отражаемая посредством субъективного миропонимания. С точки зрения дефиниционных и имманентных характеристик переводной художественный текст следует рассматривать как полноценный и самостоятельный объект лингвистического исследования.

1.2. Национально-культурная маркированность реалии в переводном художественном тексте

Художественный текст, обладающий в той или иной степени национально-культурной маркированностью, содержит определенное количество языковых элементов, отражающих его этнокультурную принадлежность.

Весомую группу таких элементов составляют реалии, которые являются «важным средством раскрытия и «выведения на поверхность» через знаковые формы национально-культурной специфики, закодированной в тексте» [Сорокина 2011: 34-38]. В художественных произведениях реалии (лингвокультурные реалии) выступают яркими выразителями «своей» и «чужой» культуры, их адекватное декодирование обеспечивает реализацию межкультурной коммуникации, осуществляемой в рамках переводного текста. Смысловое содержание реалии обуславливается, с одной стороны, сопутствующими экстралингвистическими знаниями, с другой стороны, – дискурсивными характеристиками художественного контекста.

1.2.1. Определение понятия «реалия»

Основным условием повышенного интереса к изучению реалий является проблема взаимосвязи языка и культуры, поскольку реалии считаются наиболее яркими выразителями национально-культурной уникальности народа-носителя языка, отображая предметы, явления, факты культуры, которые предстают как культурнозначимые явления действительности. Посредством реалий можно изучать картины мира других народов, поскольку исторический опыт определенной нации, ее менталитет, ее культурные традиции отражаются в единицах, составляющих ее язык, который «является средством воплощения всего мыслительного содержания человеческого сознания, культурных, социальных, исторических, эстетических и других ценностей...» [Колшанский 1980: 38].

В современной лингвистической литературе, несмотря на все более возрастающий интерес к проблеме реалий, нет единой точки зрения относительно, во-первых, определения, раскрывающего понятие «реалии», во-вторых, однозначности и сферы применения самого термина «реалия» в лингвистике.

В лингвистических исследованиях не наблюдается унифицированной терминологии для обозначения культурномаркированной лексической единицы, что объясняется многообразием подходов к ее определению. Среди наиболее встречаемых терминов культурнозначимой лексики отмечаем:

- экзотизмы [Крысин 1989; Жеребило 2016]) – (гр. *exotikos* чуждый, иноземный) *лингв.* заимствованные слова, обозначающие реалии другой страны или иного культурного сообщества (наименования денежных знаков, жилищ, кулинарных изделий и т. п.). Ключевым в предложенной дефиниции выступает слово «заимствованное», т.е. «элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс такого перехода» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 158]. Таким образом, экзотизм обозначает иноязычную лексику, и отсылает к реалии, освоенной принимающим языком, знакомой носителю принимающего языка;

- варваризмы [Крысин 1989] – обозначают заимствованные слова и выражения, которые чаще всего не соответствуют грамматическим нормам принимающего языка. Варваризмы сближаются с лексическими средствами, «засоряющими речь и нарушающими ее чистоту, в том числе с жаргонизмами» [Головин 1981: 18-19];

- локализмы (местное слово, провинциализм) – «слово (или выражение), употребление которого ограничено такой-то областью, таким-то городом и т.п. и которое неизвестно в литературном образце данного языка» [Ахманова 2004: 215]. Термин «локализм» отражает скорее особенности

территориальной дифференциации языка, нежели национальную принадлежность, обозначаемого им понятия;

- алиенизмы – введенный В.П. Берковым термин для «обозначения реалий – явлений быта, социальных отношений, природы и т.п. – специфических для иного языкового коллектива и чуждых для данного языкового коллектива» [Берков 2004: 60]. Ученый считает целесообразным использовать термин «алиенизм» наряду с терминами «экзотизм», «варваризм»;

- безэквивалентная лексика рассматривается как таковая преимущественно в рамках теории перевода, для обозначения «слов, служащих для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, ... а также слов, не имеющих перевода на другой язык ...» [Верещагин 2005: 53].

С. Влахов и С. Флорин затрагивают проблему безэквивалентной лексики, включая в ее разряд «лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов» [Влахов 2006: 42] в ПЯ, но ученые считают понятие безэквивалентной лексики более широким по своему содержанию, которое включает и реалии, отчасти наряду с терминами, междометиями, экзотизмами и т.д. А.В.Федоров же считает, что «явление безэквивалентности в чистом виде, встречается относительно редко, т. к. отсутствие точного соответствия тому или иному слову не означает невозможность передачи его смысла на другой язык» [Федоров 2002: 152];

- инокультурный субстрат [Кабакчи 2007], под которым понимается «национально-специфичная составляющая, отраженная в вербальном знаке и идентифицирующая данную лингвокультуру» [Кабакчи 2007: 95–101].

В зарубежной лингвистической традиции национально-культурная маркированность языковых знаков рассматривается в основном на уровне

взаимодействия языка и культуры в целом, и характеризуются такими обозначениями, как:

- *divergences culturelles et métalinguistiques* [Vinay 1971]. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, затрагивая проблему передачи культурного компонента языка в целом, указывают на межкультурные и экстралингвистические различия, которые следует учитывать в процессе перевода;

- «*problèmes dits culturels*» [Lederer 1994: 122]. М. Ледерер говорит о лингвокультурологических трудностях, возникающих при интерпретации слов, которые обозначают предметы и понятия, не имеющие лексических соответствий в принимающем языке, связывая эти трудности с когнитивным контекстом, в котором актуализируются элементы языка и с когнитивным багажом реципиента «чужого» языка и культуры;

- «*aspects culturels*» [Cordonnier 2002: 40]. Ж.-Л. Кордонье рассматривает культурные аспекты перевода с точки зрения передачи культурных коннотаций и признаков на язык перевода;

- «*éléments*» culturels [Gambier 2008: 180], *mots désignant des réalités culturelles spécifiques* [Brandolini 2011: 481] – выражения, которые, по мнению авторов, характеризуют материальную действительность культуры, обозначая предметы, явления, факты культуры определенного народа носителя языка;

- «*pérégrinisme*» [Manoli 2017], обозначивает наличие в принимающем языке, заимствованных элементов «чужого языка». Речь идет о «заимствованиях на различных уровнях языка: фонетических, грамматических, лексических формах, в том числе на уровне значений и коннотаций» [Manoli 2017: 381];

- «*désignateurs culturels, ou culturèmes*» - «культурные знаки» или «культуремы», термины, которые предлагает использовать М. Балляр, обращаясь к плану выражения лингвистического знака [Ballard 2005: 126], и

который трактуется им как знак, языковая номинация реальных предметов и явлений культуры народа.

Каждая наука оперирует рядом терминов, служащих исследованиям исключительно в рамках этой определенной науки, но существуют термины, которые используются многими научными дисциплинами. К таким терминам относится и термин «реалия».

Считается общепризнанным, что первыми обратились к термину «реалия» основоположники лингвострановедения – раздела лингводидактики, который изучает язык в тесной взаимосвязи с культурой народа-носителя данного языка. Значение слова, согласно лингвострановедческой теории, является «вместилищем» знаний об экстралингвистической действительности и состоит из лексического понятия и лексического фона, который представляет собой «активный инструмент просеивания, отбора и хранения коллективного опыта» [Верещагин 2005: 63]. Вот почему анализ реалий в лингвострановедении базируется на кумулятивной функции языка, связанной с «отражением, фиксацией и сохранением в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [Верещагин 2005: 30].

Исследователь проблематики лингвострановедения Г.Д. Томахин вводит в предложенный им понятийно-категориальный аппарат термин «реалия», различая «денотативные реалии» и «коннотативные реалии» [Томахин 1988: 41]. При этом сам Г.Д. Томахин исследовал как раз «чужие» (американские) реалии, национально-культурная специфика которых раскрывалась в результате сопоставления американского варианта английского языка и русского языка. Эти исследования свидетельствуют о том, что основным методом лингвострановедения является метод сопоставления, применение которого позволяет выявить лингвокультурные особенности, выраженные языковыми реалиями, при исследовании сопоставляемых языков и культур. В зависимости от языка, выбранного в

качестве объекта лингвострановедческих исследований, изучаются либо «свои» реалии, либо «чужие» [Томахин 1988: 69].

В целях формирования лингвострановедческой компетенции, предлагается «выделить лингвистический компонент лингвострановедческой компетенции, куда войдут лексические единицы, наиболее ярко отражающие национальные особенности культуры народа – носителя изучаемого языка: реалии (обозначения предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой)» [Шаклеин 2012: 56].

Таким образом, исследование реалий с позиций лингвострановедения (как области лингводидактики) имеет целью знакомство с особенностями «чужой» культуры, а также представление и декодирование ее компонентов в лингвострановедческих словарях.

Изучая язык и культуру в аспекте лингводидактики (*didactique des langues et des cultures*), французский лингвист Робер Галиссон также подчеркивает, что лучшее средство, способствующее познанию культуры – это язык, потому что именно язык является одновременно «посредником, продуктом и выразителем культуры» [Galisson 1991: 118]. Ученый высказывает мнение, что все слова языка в некотором роде относятся к культуре, т.к. они наделены «дополнительной культурной смысловой нагрузкой, которая незнакома иноязычным коммуникантам» [Galisson 1991: 120].

В рамках сопоставительной лингвистики, цель которой – «изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 239], проблема реалии подробно рассматривается в трудах известного отечественного романиста В.Г. Гака.

В.Г. Гак считает реалии составными элементами культуры, включающей в себя как материальную, так и духовную сторону, и

определяет культуру как «совокупность определенных знаков (культурем)» [Гак 1998: 142]. Ученый отмечает тесную связь между реальией и культуремой, но подчеркивает, что они не тождественны друг другу. Если под реалиями ученый понимает всё, что относится к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения, то культурема – это языковой знак, который вмещает формальную и содержательную стороны и который служит для обозначения определенного элемента действительности – реалии [Гак 1998: 142]. С этой точки зрения, сопоставление культурем может производиться на уровне формы (M), содержания (S) и реалии (R).

Термин «реалия» находит применение также в различных концепциях, объединяемых понятием лингвокультурологии, которая базируется на изучении «проявлений культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 9]. Лингвокультурологические исследования нацелены на выделение «ядерных ценностей культуры» как «специфического «устройства» культурного пространства, являющегося выражением того или иного типа культуры» [Гулинов 2018: 57]. С этих позиций изучение культуронесущих элементов основывается на понимании процесса лингвокультурологических исследований как раскрытия «целостной структуры единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания» [Воробьев 2008: 37].

О символической составляющей языковых единиц, отражающих культурные особенности народа, рассуждает французский лингвист Э. Бенвенист, который, рассматривая определение культуры, отмечает: «... qu'est-ce donc sinon un univers de symboles intégrés en une structure spécifique et que le langage manifeste et transmet ?» (... что же это может быть, если не мир символов, составляющий особую структуру, которая представлена и передается при помощи языка?) [Benveniste 1966: 29-30].

Исследование реалий в рамках лингвокультурологии и межкультурной коммуникации делает акцент на изучении системы ментефактов как

«единицы содержания сознания» [Красных 2012: 4], культурных коннотаций как «способов воплощения культуры в языковой знак» [Телия 2011: 146], «социокультурного фона языковых явлений» [Тер-Минасова 2000: 186]. Термин «реалия» употребляется авторами указанных работ только по отношению к предметам и явлениям действительности. С точки зрения межкультурной коммуникации обоюдное знание реалий говорящим и слушающим является основой языкового общения, залогом успешности межнационального / межкультурного коммуникативного акта. Данную мысль подтверждает и французский лингвист П. Шародо «... ce ne sont ni les mots dans leur morphologie, ni les règles de syntaxe qui sont porteurs de culturel, mais les manières de parler de chaque communauté, les façons d'employer les mots, les manières de raisonner, de raconter, d'argumenter ...» (...трансляторами культуры являются не морфологические свойства слов и не синтаксические правила, а манера общения каждого конкретного культурного сообщества, особенности включения слов в свою речь, в свои рассуждения, в свои высказывания и т.д. ...) [Charaudeau 2009: 15].

Значительное количество исследований реалий проведены в рамках теории перевода в связи с необходимостью перевода на другой язык слов, обозначающих или указывающих на уникальные свойства иноязычной культуры. В основе проблемы дефиниции реалии стоит референциально-номинативное противоречие: что есть реалия: предмет или слово? Исследованию реалий как языковых номинаций посвящены труды С. Влахова, С. Флорина, которые трактуют их как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другого» [Влахов 2006: 47]. Рассматривая реалии как «непереводимые» элементы текста, которые «можно и должно перевести», авторы намечают перспективы решения целого ряда проблем, таких как: связь реалий с другими лексическими и фразеологическими внеязыковыми элементами текста, их способность

переходить в другие категории и совмещать в себе разные категории, а также новые возможности воспроизведения реалий в переводе [Влахов 2006: 11].

Мнение о том, что реалии необходимо исследовать как языковые номинации, разделял В.С. Виноградов, который подчеркивал, что «знания фиксируются в понятиях, у которых одна форма существования — словесная» [Виноградов 2001: 19]. Аналогичной точки зрения придерживается и Т.А. Казакова, которая характеризует реалии как «именования национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре» [Казакова 2001: 32]. В этом же русле Л.Л. Нелюбин трактует реалии как «слова и словосочетания, обозначающие предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы» [Нелюбин 2003: 118].

Другие исследователи разделяют мнение о том, что реалии – это предметы, явления действительности. Так, А.В. Федоров считает, что «реалия – понятие экстралингвистическое» [Федоров 2002: 171], а Н.К. Гарбовский говорит о «так называемых «реалиях», т.е. предметах реальной действительности, существующих в мире исходного языка и не имеющих точных аналогов в культуре языка переводящего» [Гарбовский 2004: 232].

Существует и третья позиция по вопросу определения реалии, которая заключается в том, чтобы рассматривать реалию как обозначение и самого предмета, и его номинации. Этой точки зрения придерживаются В.Г. Гак, Р.К. Миньяр-Белоручев, которые считают, что это «предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями также называют слова и словосочетания, обозначающие их» [Миньяр-Белоручев 1999: 172].

Сторонники и разработчики лингвистической теории реалии [Кретов 2013; Фененко 2006; 2007; 2017] отмечают, что в последнее время тенденция применения термина «реалия» для обозначения и предмета

действительности, и его языковой номинации существенно возросла [Кретов 2011; Фененко 2018].

Авторы считают, что, несмотря на многочисленные исследования в области реалий, остается ряд спорных вопросов, связанных с определением термина «реалия», с установлением границ реаликона (подсистемой национально окрашенных лексических единиц внутри лексической системы языка), с дифференциацией термина реалия и его отграничением от терминов близких по значению, с определением функционального потенциала реалий в дискурсе и в художественном тексте и т.д. [подробнее см.: Французские и русские реалии... 2013: 9-21].

Согласно этой точке зрения, реалию следует рассматривать как трехстороннюю структурную модель лингвистического знака (означаемое, означающее и референт). Исходя из этого, анализ реалии должен базироваться на следующих теоретических предпосылках: во-первых, «существуют реальные артефакты и натурфакты, составляющие среду обитания конкретного социума»; во-вторых «существует культура как идеальный эквивалент среды обитания социума, включающая кроме объективной реальности, также субъективную реальность»; и, наконец, «существует язык, располагающий средствами номинации» [Фененко 2002]. Такой подход к трактовке термина «реалия» позволил авторам выдвинуть идею о необходимости «терминологизации каждой из сторон реалии, выделении их «в чистом виде» и использовании для их обозначения специального термина» [Фененко 2007: 7].

Предлагается каждую сторону реалии обозначить терминами:

- R-реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт);
- С-реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт, ментефакт);

– L-реалия реалия как средство номинации культурного концепта [Кретов 2013: 10].

Таким образом, R-реалия, относится к категории фактуальности, «вещности» и обозначает объекты, наделенные национально-культурной спецификой. По мнению Н.А. Фененко, R-реалии способствуют «расширению номинативных возможностей и денотативного пространства языка перевода» [Фененко 2007: 8]. В художественном тексте R-реалии создают определенный пространственно-временной континуум и отражают его этнокультурную уникальность.

В свою очередь C-реалии как выразители «идеального эквивалента», наряду с культурными концептами народа – носителя языка транслируют и «содержащиеся в них скрытые смыслы», тем самым формируя группу «ассоциативных реалий» [Воронкова 2011: 7]. C-реалии в тексте перевода «расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке-реципиенте» [Фененко 2007: 8] и оказывая влияние на принимающий язык. C-реалии, отражающие идеальную сторону действительности, выполняют также функцию моделирования общенационального концепта произведения, являясь носителями идейно-эстетического намерения автора.

Рассматривая L-реалии как средство номинации культурных концептов, авторы считают, что L-реалии «расширяют словарь языка перевода за счет новых лексем, заимствуемых из языка оригинала» [Фененко 2007: 8]. Чаще всего в переводной язык проникает не только сама номинация – L-реалия, но и новое понятие, а вместе с ним денотат R-реалия (натурфакт, артефакт) или сигнификат C-реалия (ментефакт).

Как видим, понятие «реалия» в рамках теории реалии определяется как «языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью

денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета» [Кретов 2013: 10].

Таким образом, исходя из определения структуры, которая предстает как «взаиморасположение и связь составных частей» [Большой толковый словарь русского языка], реалия видится как структура, обладающая унитарным смыслом, декодирование которого основано на понимании сущности каждого элемента структуры, осмыслении отношений целого и его частей, особенно соотношения С-реалий и R-реалий исходного языка и их соответствий в принимающем языке, а также на выявлении функционального потенциала реалии с новыми компонентами структуры в ПЯ. Реалия предстает как сложное структурное образование, семантика которого состоит из денотативного и коннотативного компонентов, когнитивного содержания, состоящего из экстралингвистической информации (фоновых знаний) и прагматического значения, которое рассматривается как «выводимое в процессе получения информации в конкретном контексте» [Хутыз 2018: 390].

Подводя итоги изучения истории вопроса, необходимо сказать следующее. Проблема дефиниции термина «реалия» остается актуальной, хотя мнение о единстве лексической номинации, концепта и внеязыкового референта превалирует в исследованиях последних лет. Остаются нерешенными вопросы о «функционально-семантической» значимости реалий в художественном тексте, о взаимосвязи реалии и контекста, о структурных компонентах реноминированных форм реалий и т.д.

Проведенное исследование теории вопроса позволяет прийти к выводу, что на сегодняшний день отсутствует единство в подходе к фактам, которые объединяются понятием «реалия», что оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие теоретических положений теории реалий.

1.2.2. Критерии классификации реалий

В научной лингвистической литературе широко обсуждается проблема систематизации реалий, существуют и упоминания о делении реалий, и полные, обоснованные классификации. Многообразие предложенных классификаций объясняется тем, что при типологизации реалий авторы основываются на различных категориальных признаках, среди которых отмечаем семантические, тематические, пространственно-временные и др.

Первые попытки классифицировать лексические единицы, обладающие национально-культурной спецификой, были предприняты в рамках лингвострановедения Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Взяв за основу материал русского языка, ученые выделили десять групп слов:

- советизмы – слова, появившиеся в результате перестройки общественной жизни в России после Октябрьской революции;
- наименования нового быта, которые тесно связаны с советизмами;
- наименования предметов и явлений традиционного быта;
- лексика из состава фразеологических единиц;
- историзмы, слова обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов;
- фольклорные слова;
- антропонимы;
- топонимы;
- коннотативная лексика;
- национально-специфическая лексика [Верещагин 1980: 198-199].

В качестве основы системного подхода к анализу лингвострановедчески ценной лексики (в состав которой входят и слова-реалии) Г.Д. Томахин предложил экстралингвистический (тематический) принцип, согласно которому ученый выделил несколько типов реалий: политические и экономические реалии; топонимы и антропонимы с культурным компонентом значения; реалии литературы, мифологии,

фольклора, культуры и искусства; реалии национального быта – названия блюд, напитков, одежды, домашней утвари, транспортных средств и т.п. [Томахин 1988: 38].

Проанализировав перечисленные выше группы, Г.Д. Томахин предлагает объединить их в более широкие категории: ономастические реалии и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой; к этим категориям, по мнению автора, относятся и реалии афористического уровня – цитаты, крылатые слова и выражения. Подробно описывая эти группы, исследователь признает сложность определения границ данного класса слов, подчеркивая, что «отбор реалий представляет известную трудность» [Томахин 1988: 24].

В основе классификации предложенной В.Г. Гаком, лежит понятие «пространства культуры» [Гак 1998: 139], в котором выделяются сферы (артефакты, организация, идеология, поведение) и аспекты культуры (искусство, религия, право, питание, одежда и т.п.). Культурема как языковой знак является обозначающим, а реалия – обозначаемым, при этом в категорию реалий входит все то, что относится «к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т.п.» [Гак 1998: 142].

На основе критериев соотношения реалий во французском и русском языках В.Г. Гак предлагает классифицировать реалии следующим образом:

- реалии, свойственные французской культуре и отсутствующие в русской;
- реалии, свойственные русской культуре и отсутствующие во французской;
- реалии, присутствующие в двух сопоставляемых культурах;
- реалии, отсутствующие в двух сопоставляемых культурах [Гак 1998: 143].

В этом случае обнаруживаются факты асимметрии культурем в различных языках, которые проявляются в трех планах:

- семиотическом – речь идет об отсутствии одного из компонентов языкового знака – означаемого или означающего;
- парадигматическом – обнаруживается расхождение реалий на уровне объема, формы, функций и многозначности номинаций;
- синтагматическом – континуальность предметного ряда различается разными социумами [Гак 1998: 150].

Данная типология реалий отражает основные виды отношений в структуре языкового знака внутри одного языка, а также типы межъязыковых несоответствий культурем и реалий. Такой подход позволяет «сопоставлять реалии двух культур и их словесные обозначения в соответствующих языках» [Гак 1998: 150]. Термин «культурема» («лингвокультурема») используется также в работах некоторых других ученых-романистов как «маркер лингвострановедческой лексики» [Веденина 2008], как «культурно-национальный элемент художественного текста» [Моисеева 2007].

На основе латиноамериканского материала, проблему классификации реалий рассматривает В.С. Виноградов. Проанализировав лексические единицы, которые передают фоновую информацию, ученый подразделяет их на ряд тематических групп [Виноградов 2001: 55]:

1. Лексика, называющая бытовые реалии;
2. Лексика, называющая этнографические и мифологические реалии;
3. Лексика, называющие реалии мира природы;
4. Лексика, называющая реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические);
5. Лексика, называющая ономастические реалии;
6. Лексика, отражающая ассоциативные реалии.

Отмечаем, что В.С. Виноградов рассматривает реалии как предметы, явления действительности, вот почему ученый классифицирует слова, т.е. лексические единицы, называющие реалии-референты. Исходя из этого, он делает вывод, что какая бы не была классификация, она все равно не будет

полной, и это демонстрирует, насколько «глубоко уходят в народный язык и как широко разветвляются в нем корни национальной культуры» [Виноградов 2001: 60].

С. Влахов, С. Флорин предложили детальную классификацию реалий, по нескольким принципам: предметное деление, местное деление и критерий временного (исторического) колорита.

Группа реалий, разделенных по принципу предметного деления [Влахов 2006: 47] включает три основные категории, которые в свою очередь делятся на несколько подкатегорий.

А. Географические реалии: объекты физической географии, географические объекты, связанные с человеческой деятельностью; эндемики (названия животных и растений).

Б. Этнографические реалии: быт (пища, одежда, жилье, транспорт и др.), труд, искусство и культура (обычай, мифология, религия), меры и деньги.

В. Общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая жизнь, военные.

В основе местного деления, по мнению ученых, лежит языковой принцип, который позволяет рассматривать реалии «1) в плоскости одного языка, распределяя их на свои и чужие, и 2) в плоскости пары языков, то есть как внутренние и внешние» [Влахов 2006: 57].

С. Влахов, С. Флорин предлагают делить «свои» реалии на национальные, локальные или микрореалии в зависимости от распространенности / употребительности, а «чужие» на интернациональные и региональные. Ученые высказывают мысль о том, что наличие в тексте национальной реалии порой бывает достаточным, чтобы «породить ассоциации», связанные с определенным народом и страной; локальные реалии и микрореалии в той или иной степени также обладают национальной

окраской. Для того, чтобы стать интернациональными, реалии должны «перешагнуть границы одной страны, не обязательно соседней в географическом отношении, или распространиться среди нескольких народов, обычно вместе с референтом», тем не менее, они продолжают нести исходный национальный отпечаток. Что касается временного деления, то ученые предлагают условно разделить все реалии на 1) современные и 2) исторические [Влахов 2006: 65].

Считается общепризнанным, что классификация реалий С. Влахова, С. Флорина является наиболее комплексной и полной из всех предложенных на сегодняшний день. Решение вопроса об упорядочении и систематизации реалий крайне важно по нескольким причинам. Прежде всего, в связи с необходимостью охарактеризовать лексические единицы, относящиеся к реалиям, а также исходя из установленных характеристик, в связи с уточнением определения термина «реалия». Кроме этого, полная классификация реалий призвана способствовать верному решению вопросов, связанных с функционированием национально-культурной специфики реалий в языке.

Разработчики лингвистической теории реалии А.А. Кретов, Н.А. Фененко находят важным для классификации следовать корректности терминологии и, рассматривая реалию «на основе сторон семантического треугольника», обозначить каждую сторону реалии специальным термином: R-реалии (от фр. *réalité*), обозначающие предмет; C-реалии (от фр. *concept culturel*) обозначающие культурный эквивалент; L-реалии, т.е. лексемы или фразеосочетания (от фр. *lexème*). Таким образом, авторы сводят реалии к «трем базовым разновидностям», между которыми существует регулярный характер взаимосвязи, что может способствовать решению многих лингвокультурологических, дискурсивных и др. проблем реалий на основе единого классификационного принципа.

Разработанная типология реалий способствовала созданию и формированию положений теории реноминации, в рамках которой значение языкового знака предстает как «сложное структурное образование, которое состоит из денотативного, коннотативного и сигнификативного компонентов» [Кретов 2011: 154]. Исходя из этого, реноминация понимается как процесс и результат «называния («отображения») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата [Кретов 2011: 154]. Таким образом, типология R-, C- и L-реалий позволяет определить «взаимосвязь между типом реалии и типом возникающей в процессе реноминации R-, C-, L- лакуны», а также служит определению способов «делакунизации текста» при переводе.

Исследованию способов и стратегий делакунизации французских переводных текстов посвящена диссертация С.Ю. Булгаковой «Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина». Автор придерживается мнения о том, что «интерпретация теории лакун» возможна лишь «на фоне теории реалии, поскольку лингвистическая природа этих двух феноменов позволяет трактовать их как комплементарные понятия» [Булгакова 2013: 8].

Кроме этого, предложенная типология реалий позволяет наблюдать «системный и регулярный характер передачи реалий при переводе, который поддается моделированию, даже применительно к индивидуально-авторскому реаликону художественного текста» [Фененко 2017: 13].

Подробно способы и модели реноминации R-, C- и L-реалий проанализированы в исследовании М.В. Зыряновой «Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П. Чехова)», результаты которого приводят к выводу о системности и регулярном характере процесса реноминации и представляют основные типы реноминации лингвокультурных реалий: «Чужая R-реалия – чужая L-

реалия», «Чужая R-реалия – своя R-реалия», «Чужая R-реалия – чужая L-реалия + своя L-/C-реалия», «Чужая C-реалия – своя C-реалия» [Зырянова 2011: 8].

Другой аспект исследования реалий как культурномаркированной лексики затрагивает проблемы освоения языком «чужой» действительности. Типология взаимодействия языка и «чужой» лингвокультурной действительности обосновывается типологией R-, C- и L-реалий, которые «описываются оппозициями: «язык-источник – язык-получатель», «действительность – язык», «материальное – идеальное», «свое – чужое», «концептосфера – словарь» [Воронкова 2011: 5]. Анализ реалий с вышеописанных позиций позволяет охарактеризовать такие понятия лингвоконтактологии, как «открытость / закрытость лингвокультуры, степень освоенности чужой действительности, проницаемость концептосферы контактирующих лингвокультур» [Воронкова 2011: 5].

Исследование реалий с точки зрения лингвистической типологии в рамках теории реноминации может быть направлено на создание классификации, базирующейся на функционально-стилистическом принципе с учетом той роли, которую реалии играют в художественных текстах, а также в других типах дискурса (политический, медийный, рекламный, туристический, инструктивный, дидактический и др.). Так, например, диссертационное исследование Я.М. Тайави, посвященное изучению лингвокультурных реалий во французских туристических путеводителях, позволило выявить некоторые закономерности функционирования реалий в туристическом дискурсе. Была выявлена категория профессиональных реалий, определяемых как «средства номинации национальных профессионально-ориентированных концептов туристической сферы», отмечено, что «реалии могут переходить в класс терминов в случае интернационализации обозначаемых ими понятий» [Тайави 2017: 11],

определены лексикографические и дискурсивные стратегии маркирования реалий и т.д.

Подводя итоги изучения теории вопроса, можно сделать вывод о том, что рассмотренные выше классификации представляют как сходные, так и дифференциальные признаки. Различные мнения относительно дефиниции реалии (реалия – это номинация, слово \neq реалия – это предмет) приводят к разнообразным типологиям реалий, что не способствует единству мнений в определении понятия «реалия». Сходство большей части предложенных классификаций объясняется, тем, что в их основу ложится тематический принцип.

Понимание реалии как сложного, комплексного лингвистического явления, объединяющего языковую номинацию, сигнификат, которой лежит в ее основе и предмет действительности (артефакт, натурфакт или ментефакт), присутствующий в одной и отсутствующий в другой лингвокультуре, обусловило выделение каждой из сторон реалии специальным термином. Такая интерпретация реалии и ее типологии легла в основу нашего исследования.

1.2.3. Понятие «реаликона» художественного произведения

Типологизация реалий, по мнению последователей теории реалии и теории реноминации, «представляет собой необходимый этап и важнейшую процедуру системного представления реаликона конкретного языка» [Фененко 2017: 15], определение которого может способствовать изучению активных тенденций и явлений, характеризующих современное состояние языка.

В процессе изучения теоретических и практических вопросов реалии появилась необходимость теоретического осмысления понятия «реаликон», определения его дефиниционных, структурных и функциональных характеристик, способов его составления, типологических свойств и т.д.

При изложении задач лингвистической теории реалии стало возможным вывести применение термина «реаликон» на общелингвистический уровень, где под реаликоном понимается «особая подсистема национально-окрашенных лексических единиц внутри лексической системы языка» [Французские и русские реалии... 2013: 19]. Как любая лексическая система, реаликон характеризуется закономерной организованностью и определенными связями между элементами внутри системы. Применение к исследованию реалии общезыковых законов определения лексической единицы, которые рассматривают ее как «элемент системы языка ..., несущий многоплановую содержательную информацию о предметах и явлениях объективного мира» [Попова 2009: 9], предопределяет понимание реалии как системообразующего элемента национальной культуры.

Изначально реаликон рассматривался как «совокупность реалий, используемых автором художественного произведения с целью создания национального, исторического и социального колорита текста» [Фененко 2008: 435]. Исследование реаликона отдельных произведений, а также группы произведений одного автора, сделали возможным включить данный термин в терминосистему теории реалии и предпринять некоторые попытки по его углубленному исследованию.

При этом реаликон рассматривается как система, но не статичная, а динамичная, т.к. допускает расширение границ за счет авторского использования реалий, которые могут репрезентировать культурные концепты, «реалии-прецедентные феномены» [Козлова 2013: 5], «интертекстуальные включения, ситуативные реалии, концепты, не встречающиеся или встречающиеся в другом виде у представителей другой лингвокультурной общности» [Булгакова 2013: 9].

Функциональная значимость реаликона художественного произведения рассматривается с точки зрения выполнения «единой содержательно-

эстетической задачи, отражающей индивидуально-авторское представление об описываемой действительности», что предопределило обозначение совокупности реалий произведений одного автора термином «индивидуально-авторский реаликон» [Фененко 2014: 169], который целесообразно обозначать термином «художественный реаликон». С этих позиций художественный реаликон предстает как совокупность (система) реалий конкретного художественного произведения (группы произведений), и обуславливают его (их) национально-культурную направленность.

Определение границ художественного реаликона зависит от многих факторов, среди которых исходная дефиниция реалии, выделение классификационных критериев, определение функционального потенциала реалий и т.д.

Компонентами реаликона как системы становятся группы реалий, объединенные общими типологическими характеристиками. Реаликон включает предметно-референтную часть, включающую категорию R-реалий, основанную на референтной соотнесенности ЛЕ; концептуальную часть, содержащую категорию С-реалий, в основу выделения которых ложится ментальное восприятие окружающей действительности, и номинативную часть, состоящую из L-реалий, являющихся языковыми номинациями реалий.

Вместе с тем каждая категория реалий основывается на отражении национально-культурной специфичности окружающей действительности. С этих позиций реалии являются репрезентантами культуры, хранят в себе память о порядке культуры, о культурных кодах, опознаваемых конкретным лингвокультурным сообществом.

R-реалии как компоненты предметно-референтной части художественного реаликона

R-реалии являются «наиболее яркими выразителями национально-культурной специфичности» [Влахов 2006: 42], которые содержат

национально-культурную информацию, значимую для народа-носителя языка и не воспринимаемую в своем полном объеме представителями других культур. Различные стороны жизни народа, различные проявления его культурной самобытности отражаются в различных подтипах R-реалий. Этническая соотнесенность реалии, отражающаяся на бытовом, материальном, внутрисоциальном уровне, предопределяет выделение подтипа этнографических реалий. Культура народа является тем фактором, который играет «первостепенную роль в функционировании этноса», а именно те ее компоненты, которые «имеют традиционный, массовый характер, проявляясь в повседневном быту» [Бромлей 1982: 3]. Среди таких компонентов этнографы рассматривают элементы материальной культуры (традиционные виды жилища, хозяйственной утвари, одежды, пищи и т. п.), которые наряду с духовными компонентами и особенностями психологических свойств образуют «культурное единство членов этноса» [Бромлей 1982: 4].

Составление художественного реаликона основывается на выделении этнографических реалий – важнейших элементов, которые участвуют в передаче самобытности и национального колорита как «особого свойства литературного произведения» [Ахманова 2004: 194]. Для раскрытия национально-культурного контекста важным нередко оказывается даже одно слово или словосочетание, которое способно отразить целую эпоху из жизни народа, тем более важную функцию отражения национального колорита выполняет реаликон, способный породить ассоциации, связанные с определенным народом и / или страной.

Следующий подтип R-реалий представлен ономастическими реалиями, которые в рамках данного исследования рассматриваются как «понятие, которое включает в себя сущностные характеристики онимов как единиц номинации и реалий как культурномаркированных языковых знаков» [Гудий 2015: 15].

Лингвистические исследования имен собственных (далее ИС) [Суперанская 1973; Ермолович 2001] сводятся к определению онимов как «индивидуальных обозначений данным объектам, имеющим, кроме того, общие родовые, подвидовые, а иногда и сортовые наименования» [Ермолович 2001: 153]. Таким образом, основным критерием, позволяющим выделить важную характеристику имен собственных, является индивидуализирующая функция, т.е. функция выделения уникальности объекта / предмета в сопоставлении с рядом подобных объектов / предметов.

Кроме этого, совокупность имен собственных в контексте художественного произведения «... не является простым отображением реально существующей языковой системы номинации, но представляет собой мощное средство выразительности, способствующее стилистической креативности автора в создании персонажей, художественных образов и типов в литературе... » [Меркулова 2018б: 53].

Антропоцентрический поворот в исследовании языковых явлений приводит к переосмыслению значимости семантического наполнения ИС. Изучение фактов языка в тесной связи с этническими, национально-культурными, историческими, социальными факторами функционирования языка приводит лингвистов к идее об отнесенности ИС к средствам, обладающим когнитивно-коннотативным смыслом.

Что касается реалий, то эти лексические единицы заключают, как было отмечено выше, в себе национально-культурную информацию, важную для этноса-носителя данного языка.

Объединяя, вслед за рядом исследователей [Абкадырова 2016; Гудий 2015; Кретов 2013; Томахин 1988 и др.], онимы и реалии общим термином реалии-онимы, мы отмечаем, что ИС и реалия обладают общим набором характеристик, признаков и свойств. Этот факт заставляет обратиться к смежному понятию «ономастическая реалия», которое, с одной стороны, определяет единичность обозначаемого предмета и его национально-

культурную когерентность, а с другой, обозначается номинацией, указывающей на национальную принадлежность именованного предмета мысли.

Ономастические реалии несут определенную эмоционально-эстетическую нагрузку, характеризуются полифункциональностью и выполняют в рамках задач художественного текста, помимо номинативной функции, дополнительные функции такие как: создание местного (национального) колорита, создание исторического колорита, эстетизация бытовой детали, а также символическая и ассоциативная функции, функция маркера чужой культуры.

Другой подтип R-реалий отражает организацию культово-духовной жизни народа и включает религиозные реалии, которые являются также важной составляющей тематического художественного произведения. Религиозное содержание художественной литературы проявляется через присутствие «сакральных персонажей и религиозных деятелей в числе главных (и не очень) героев; околофилософских размышлений о роли религии в обществе и перспективах ее развития» [Рязанова 2015: 210], но чаще всего, оно актуализируется с помощью религиозной лексики, которая в научной литературе обозначается как лексика религиозной культуры [Косицына 2012], концепты религиозного дискурса [Бобырева 2008: 164], религиолектизмы [Бугаева 2010: 13], ортодоксизмы [Кретов 2017: 87] и др.

Считаем целесообразным использовать в нашей работе термин «религиозные реалии», которые, несмотря на свой «универсальный (интернациональный) характер» [Влахов 2006: 6], имеют «достаточно высокий уровень национальной маркированности» [Гак 1998: 141]. Следовательно, религиозные реалии отображают свойственные религии определенного народа артефакты и ментефакты, служащие детерминированию моральных, нравственных ценностей нации, определению особенностей национального менталитета.

Необходимо отметить, что основная религия молдавского народа – это православие, что накладывает свой отпечаток на организацию культово-обрядовых понятий и специфику культовых предметов, вследствие чего надлежит внести терминологическое уточнение и говорить о православных реалиях.

Важным компонентом R-реаликона являются исторические реалии, отражающие быт, условия жизни прошлого определенного народа. В процессе создания художественного текста, посвященного историческому событию или периоду, писатель опирается в основном на принцип историзма в литературе, суть которого – способность «точно воссоздавать облик, колорит, дух ушедшей исторической эпохи в конкретных картинах жизни, человеческих судьбах и событиях» [Белокурова 2006].

Многие лингвисты и литературоведы, которые занимались исследованием лексико-семантической специфики и структурных особенностей исторического литературного произведения [Виноградов 1959; Винокур 1991; Гальперин 2006; Лотман 1998], особо подчеркивали, что своеобразие языка исторического романа нацелено на читателя, к которому обращается автор произведения. Так, В.В. Виноградов утверждал, что «в основе стиля художника-историка должна и может лежать лишь система современного ему литературного языка...» [Виноградов 1959: 531]. Аналогичного мнения придерживается и Г.О. Винокур в своих размышлениях «О языке художественной литературы». Ученый отмечает, что «язык исторического романа – это есть современный язык, приспособленный для изображения прошлого... И это возвращает нас к исходному моменту, к тому, что язык исторического романа, как всякого другого литературного произведения, есть язык своего времени и своей среды» [Винокур 1991: 413].

Тем не менее, цель и функции исторического литературного произведения обуславливают применение определенных языковых средств,

призванных способствовать адекватному восприятию читателем жанрово-исторической направленности текста. В.В. Виноградов называет их «языковым фоном», на котором «выступают отдельные красочные пятна исторической стилизации» [Виноградов 1959: 531]. В качестве таких «красочных пятен» выступают чаще всего исторические реалии.

О явлении исторической (темпоральной) стилизации говорили сторонники концепции реалистического перевода, которые считали основополагающим сохранение в переводном тексте «национального своеобразия и отпечатка эпохи оригинала». И.А. Кашкин, в частности, отмечал, что «при выборе языковых средств для перевода классических произведений читатель вправе требовать от переводчика соблюдения исторической перспективы и дистанции, отказа от модернизированной лексики» [Кашкин 1977: 343].

Против перевода чрезмерно архаизированным языком выступал чехословацкий теоретик перевода И. Левый, который считал, что такой язык приобретает содержательность, чуждую авторскому замыслу [Левый 1974: 128]. Ученый считал необходимым «вызвать у читателя впечатление, иллюзию исторической и национальной среды» при помощи тех элементов, которые могут быть восприняты как «носители национальной и исторической специфики» [Левый 1974: 130].

А. Попович, рассматривая понятие «времени в культуре», указывает на то, что культурный код, на котором основывается текст оригинала, «может совпадать или не совпадать (и чаще всего не совпадает) с культурным кодом, реализованным в тексте перевода (запаздывание или опережение культуры)» [Попович 1980: 180-181]. Следовательно, переводчик призван разгадать культурный код исходного текста и при помощи стилизирующих средств языка перевода создать эквивалентный культурный код в ПТ.

Произведения, подвергнувшиеся исторической стилизации, можно разделить на три типа по следующим признакам [Мешалкина 2008: 109]:

1) время написания оригинала значительно дистанцировано от времени выполнения перевода, тогда как авторская стилизация отсутствует. Р. Лефер предлагал называть такие тексты архаичными (*texte archaïque*) [Lefere 1994: 242];

2) автор оригинала сознательно прибегает к приему исторической стилизации, и перевод выполняется в эпоху написания оригинала. Это современные архаизированные (*texte archaïque modernisé*) тексты [Lefere 1994: 242];

3) автор оригинала сознательно прибегает к исторической стилизации и время написания оригинала значительно дистанцировано от времени выполнения перевода. Такие тексты можно назвать архаичными и одновременно архаизированными [Мешалкина 2008: 109]. Р. Лефер называет этот тип текстов архаичный архаизированный текст (*texte proprement archaïsé*) [Lefere 1994: 242].

Таким образом, составная часть реаликона анализируемых произведений включает исторические R-реалии, выделение которых базируется на критерии временной соотнесенности реалий, предназначенных для репрезентации этноса с исторических позиций.

В общем и целом, предметно-референтная часть художественного реаликона включает R-реалии, которые отображают вещный, материальный аспект национально-культурной действительности, следовательно, формирует в художественном тексте репрезентацию вещественного мира народа.

C-реалии как культурные концепты художественного реаликона

Категория C-реалий включает реалии, которые выступают в качестве культурных концептов, являющиеся «десигнатами, понятиями, представлениями, составляющими духовно-интеллектуальную среду обитания носителей данного языка» [Зырянова 2011: 8]. Такие реалии отображают ментефакты, культурные концепты, которые с позиций

когнитивной лингвистики учитываются как ментальные категории, как «продукты интеллектуальной деятельности человека» [Попова 2007: 21], «знания, концепты, представления, т.е. элементы «содержания» сознания» [Красных 2003: 11], «концептуальные реалии» [Уланович 2016: 423].

Подходя к исследованию концепта с точки зрения лингвокультурологии и этнолингвистики, необходимо отметить корреляцию концепта и культуры, их взаимодействие и взаимовлияние. С этой точки зрения концепт трактуется как «сгусток культуры в сознании человека, в том виде, в котором культура входит в ментальный мир человека [Степанов 2004: 42]. Аналогичную точку зрения представляет и С.Г. Воркачев, определяющий концепт как «единицу коллективного сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев 2007: 6]. Культурные концепты во всей языковой и мыслительной многосторонности являются составляющими языковой картины мира человека, которая включает и этнический компонент, отражающий «особенности этнического восприятия мира» [Рылов 2006: 7].

Восприятие концепта как основного репрезентанта своей культуры всеми представителями этноса привело исследователей к термину «культурная константа», которая трактуется как «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время», или «некий постоянный принцип культуры» [Степанов 2004: 84]. В основе определения культурных констант лежит не только временной принцип (постоянно существующий концепт), но и значимость, ценность содержания концепта для определенного этноса, вот почему некоторые исследователи определяют константы культуры как «наиболее устойчивые и значимые концепты (особого рода понятия, сочетающие в себе логические и ценностные основания)» [Гайдин 2009: 5]. Осмысление культурного концепта во всей сложности и комплексности его структуры привело к некоторому

терминологическому разнообразию. Так, например, В.А. Маслова предлагает термин «ключевые концепты культуры» – обусловленные культурой базовые единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью, как для отдельной языковой личности (индивидуального сознания), так и для лингвокультурного сообщества (коллективного сознания) [Маслова 2001: 48-51].

Некоторые исследователи предлагают основывать определение культурных констант на этнической основе и говорят об этнических константах, понимая под ними «бессознательные образы, которые лежат в основе рационализации опыта и превращают последний в элементы культуры, вытесняя те представления, которые противоречат константам или могут нанести им ущерб (например, о чужом этническом опыте), выполняя тем самым защитную функцию» [Сагнаева 2007: 32].

Как видим, С-реалии способствуют определению и отражению национально-культурной специфики на уровне концептуальной, ментальной характеристики народа, которая отображается в художественном тексте посредством ментальной, концептуальной части художественного реаликона.

L-реалии как компоненты номинативной части художественного реаликона

Номинативное, лингвистическое обозначивание реалии, приводит к выделению категории L-реалий, представленных в реаликоне художественного произведения языковыми номинациями, преимущественно «чужого» языка. В художественном тексте реалия, репрезентирующая «чужую» действительность, воспринимается в первую очередь в аспекте своего номинативного проявления (L-реалии). Следует отметить, что в художественном тексте неизбежно присутствуют «чужие» L-реалии, функциональная значимость которых состоит в представлении «чужой» культуры в принимающем языке, а совокупность таких L-реалий формирует номинативную часть художественного реаликона.

Комплексная, сложноструктурная сущность реалии, отражаемая различными сторонами реалии (R-, C- и L-реалии) предполагает взаимосвязь и взаимодействие как между сторонами реалии на уровне лексической единицы, так и между различными категориями реалий внутри художественного реаликона. Динамичность, переходимость реалий с одной категории в другую, из категории материального, предметного, референтного в категорию концептуального, ментального отражается наличием транзитивных, переходных реалий, которые обозначаются нами термином «R → C-реалия». Выделение данной категории реалий опирается в основном на метафоризации как семантическом процессе в языке.

Подводя итоги исследования понятия «художественный реаликон», его структурных, семантических, концептуальных и функциональных характеристик, отмечаем, что реаликон предстает как сложная многокомпонентная система, основными элементами которой выступают лингвокультурные реалии.

Совокупность реалий художественных произведений литературы определенного периода дифференцируются по определенным категориальным (референтным, концептуальным, номинативным) признакам, что приводит к выделению различных частей реаликона (предметно-референтная, концептуальная и номинативная), границы которых остаются динамичными, не отличаются устойчивостью, что приводит к появлению переходных, транзитивных реалий, обозначенных термином «R → C-реалия».

Целостность художественного реаликона способствует отражению национально-культурной специфики, заложенной автором художественного произведения с целью репрезентации и формирования полного образа народа.

1.3. Реноминация и особенности ее реализации во французском переводном художественном тексте

Понятие реноминации обнаруживает теснейшую связь с положениями теории номинации «о лингвокреативной деятельности человека, о создаваемой им языковой картине мира, о возможностях языка самому создавать новые сущности путем их номинальных определений» [Кубрякова 2012: 24]. Номинативный аспект языка отражает способность обозначать предметную, внеязыковую действительность при помощи номинативных единиц, основная функция которых «репрезентировать, обозначать предмет, быть обозначением последнего» [Серебрянников 1970: 116]. Ш. Балли называет номинативом «имя (простое или сложное), обозначающее одушевленный или неодушевленный предмет» [Балли 1955: 119]. Процесс присвоения имени предмету/объекту В.Г. Гак обозначил как акт номинации, который представлен такими составляющими: «именующий субъект (номинатор), именование (номинант), именуемый объект (номинат), слушающий (и условия общения)» [Гак 1977: 241–242].

Многочисленные исследования номинативной способности языка [Кубрякова 2012; Телия 2011; Уфимцева 1986] концентрируются на определении сущности процесса номинации, связи между объектом именованного и номинативной единицы, типов номинаций и т. д.

Среди типов номинаций исследователи выделяют первичную и вторичную номинации, где первичная номинация предстает как акт воссоздания в сознании человека при помощи элементов языка того или иного предмета, который не имеет названия. Вторичная номинация состоит в назывании предмета / объекта, номинация которого уже существует в языке, и, которая «ярко демонстрирует номинативные и творческие возможности языка и его носителей» [Косых 2013: 30]. В.Г. Гак, выделяя языковые и речевые номинации, отмечал: «Языковые номинации характеризуются устойчивой связью между номинантом и номинатом, у речевых эта связь

неустойчива. У языковых номинаций номинатом является сигнификат, результат условного членения мира данным языковым коллективом; у речевых – номинатом является денотат, объективно заданный говорящему» [Гак 1977: 255].

Понятие кореференции лексических единиц внутри одного языка способствовало введению в научный оборот термина «реноминация», цель которого отразить номинативные возможности языка с других точек зрения. В рамках одного языка, исследователи рассматривают реноминацию и как процесс: «один из способов освоения внешнего мира, его адаптации к своей субъективности» [Воробьева 2012: 34], и как речевую тактику, «направленную на преобразование признаковой модели денотата в соответствии с его стратегическими целями» [Пташник 2010: 140]. С этой точки зрения реноминация призвана «облегчить процесс коммуникации, снять психологические барьеры языковой личности, высвободить творческое «я»» [Тюрин 2017: 160].

В процессе межъязыкового взаимодействия (в частности, при переводе с одного языка на другой) выявляется необходимость повторного именованя объекта (реноминации), уже обладающего номинацией в одном языке при отсутствии таковой в другом. Мы разделяем точку зрения о том, что суть реноминации заключается «в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [Кретов 2011: 154]. Разработка положений и закономерностей теории реноминации становится возможной при анализе лингвокультурных реалий, обозначающих «наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата / денотата языковой единицы соответствующей лингвокультуре на фоне отсутствия такой номинации в другом языке» [Французские и русские реалии ... 2013: 22].

С позиций данного подхода реноминация рассматривается как процесс, обусловленный такими факторами, как национальная специфичность восприятия действительности: «принимая культура членит мир по-своему», а также «синтагматическим, контекстообусловленным характером реноминации», когда процесс реноминации «осуществляется исключительно на основе актуального денотата с учетом значения лексической единицы в данном, конкретном контексте» [Кретов 2011: 155]. Выявление системности процесса реноминации натолкнуло исследователей на выводы о «системном и регулярном характере передачи реалий при переводе, который поддается моделированию, даже применительно к индивидуально-авторскому реаликону художественного текста» [Фененко 2017: 13]. Наиболее значимые результаты дают положения теории реноминации при анализе реалий как культурномаркированных единиц, который обуславливается «особенностями культурно-исторических контактов между двумя культурами и спецификой каждой из культур, а также особенностями «контактов» между литературами» [Гришаева 2013: 134].

Кроме того, положения теории реноминации призваны способствовать определению глубины межъязыкового взаимодействия соприкасаемых культур и степени их взаимопроникновения.

Ввиду «нетождественности языкового и концептуального кодирования мира» процесс реноминации неизбежно приводит к определенному результату, который позволяет констатировать ряд модификаций, таких как: «а) преобразование самого денотата (через его замещение «своей» реалией), б) преобразование сигнификата (в случае несовпадения областей понятийного содержания знаков-имен в языках оригинала и перевода), в) модификация (национально-исторического) концептуального пространства реалии-понятия (гипонимия, гиперонимия), г) потеря / приобретение стилистических характеристик реалии (экспрессивность, оценочность, образность, эмотивность)» [Уланович 2016: 422].

На основе изложенных выше положений теории реноминации реалии являются результатом процесса реноминации, который проявляется во французском переводном художественном тексте в виде определенных реноминативных форм, обладающих семантической и когнитивной значимостью. В данном исследовании реноминативная форма – это выражение «чужой» реалии типизированным способом реноминации путем акцентуации одной стороны (R-, C- и L-) реалии лексическими средствами принимающего языка.

Образованная в переводном тексте реноминативная форма в виде определенной стороны реалии отображает реноминативный потенциал принимающего языка, которые фиксируются посредством реноминативных форм в виде «своей» R-реалии, «своей» C-реалии, «своей» L-реалии, «чужой» L-реалии и этнически-нейтральной ЛЕ, которая отличается отсутствием национально-культурной специфики по отношению к реалии исходного языка.

Применение во французском тексте реноминативных форм в виде «своих» R-, C-, и L-реалий осуществляется способом адаптивной реноминации и свидетельствует о замене «чужого» национального колорита «своим». Фиксирование реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий во французском тексте производится способом графемно-фонемной реноминации, основанной на применении графических и фонетических средств принимающего языка, которая предопределяет сохранение «чужого» национального колорита. Применение этнически-нейтральных ЛЕ является результатом нейтрализующей реноминации, которая предопределяет полное стирание «чужого» национального колорита.

Основываясь на положении о системно-лингвистической значимости переводного художественного текста, рассматриваемого как отдельно существующее произведение на принимающем (в нашем случае – французском) языке, отмечаем связность, лингвокультурный континуум,

интегрирующий чужую национально-специфическую реальность в новую для себя языковую систему. В этом случае, реноминативные формы «чужих» реалий выступают репрезентантами «чужого» колорита в тексте принимающего языка, определяемого в результате взаимовлияния реалий «чужой» культуры и переводного текста, которые, создав некий симбиоз, призваны отразить, донести чужую национальную специфику, и в то же время повлиять на развитие принимающего языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Изучение основополагающих теоретических положений данного исследования позволили прийти к следующим выводам.

1. Переводной художественный текст является объектом исследования различных лингвистических наук. Литературоведческий подход нацеливает исследователя на выявление идейно-тематического содержания произведения, на определение его проблематики и жанрово-видовой специфики. С позиций лингвистического анализа художественный текст обладает значением, структурой, типологическими и функциональными характеристиками. С точки зрения теории перевода переводной художественный текст предстает как объект переводоведческого анализа, который основывается на сопоставительном методе исследования для выявления степени адекватности / эквивалентности / соответствия переводного текста исходному.

2. В данной работе переводной художественный текст понимается как самостоятельное художественное произведение, обладающее необходимыми характеристиками для исследования реалий. Такими характеристиками являются:

- отражение дихотомичности межкультурного взаимодействия;
- репрезентация «чужой» культуры;
- канал проникновения «чужой» культуры в принимающий язык.

3. В рамках данной работы реалия рассматривается как трехмерная структура, состоящая из референтного элемента (R-реалия), концептуального (культурного) эквивалента (C-реалия) и лексической номинации (L-реалия). В связи с этим в основу типологизации реалий лег принцип их дифференциации по следующим категориальным признакам (референтный, концептуальный, номинативный), что позволило выделить R-, C- и L-реалии.

4. Совокупность реалий, функционирующих в художественном тексте, в том числе в переводном художественном тексте, может быть объединена

термином «художественный реаликон», который выступает как сложная многокомпонентная система текста, выполняющая единую интенционально-эстетическую задачу. Художественный реаликон содержит предметно-референтную, концептуальную и номинативную части, каждая из которых обуславливается определенной категорией реалий (R-реалии, C-реалии, L-реалии). Границы выделенных категорий реалий внутри художественного реаликона остаются динамичными, не отличаются устойчивостью, что приводит к появлению переходных, транзитивных реалий, обозначенных термином «R → C-реалия».

5. Исследование реалий как элементов художественного реаликона французского переводного художественного текста основывается на положениях теории реноминации, в рамках которой проводится анализ реноминативных возможностей французского языка, способов реноминации и полученных реноминативных форм. Реноминация предстает как процесс переозначивания «чужой» культуронесущей единицы средствами принимающего языка. В корпусе переводных текстов содержатся реноминативные формы «чужих» лингвокультурных реалий, рассматривающиеся как репрезентанты «чужой» национальной культуры, являющиеся результатом способов адаптивной реноминации (применение «своих» R-, C-, L-реалий); графемно-фонемной реноминации (применение «чужих» L-реалий); нейтрализующей реноминации (применение этнически-нейтральных ЛЕ).

ГЛАВА II. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕАЛИКОНА

Эмпирической базой нашего исследования выступил художественный реаликон, который включил реалии, выделенные в переведенных произведениях литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века. Выделение реаликона проводилось в рамках корпуса анализируемых произведений в целом.

При составлении художественного реаликона основная задача состояла в обособлении (т.е. в выделении в тексте) культурномаркированных лексических единиц. Выполнение данной задачи основано на выделении национальной репрезентативности ЛЕ при ее первичной семантизации, которая дополняется комплементарными методами, такими как анализ контекстуальных условий, выделение словарных и межъязыковых категориальных маркеров.

2.1. Описание корпуса переводов литературы Молдавии на французский язык

Контекстуальные лингвистические исследования предполагают наличие практического корпуса, который представлен либо отдельно взятым художественным текстом, либо совокупностью одножанровых художественных произведений. Важность и необходимость формирования единого корпуса исследования отмечается в работах Ф. Растье, который утверждает, что «le texte est pour une linguistique évoluée l'unité minimale, et le corpus l'ensemble dans lequel cette unité prend son sens» (текст для современной лингвистики является минимальной единицей исследования, а корпус представляет собой единое целое, в котором такая минимальная единица приобретает необходимый смысл) [Rastier 2011: 33]. Следовательно,

отдельный текст как материал исследования раскрывает вернее свое значение в целостности и общности корпуса, составной частью которого он является.

Первичный анализ переводов литературы Молдавии позволил выявить несколько основных групп текстов, переведенных на французский язык: современная литература (конец XX-го начало XXI-го века); поэтическая литература; фольклорная литература (сказки, легенды и др.); авторская детская литература (детские рассказы С. Вангели (S. Vangheli), А. Бусуйок (A. Busuioc) и др.); романы и рассказы, обобщенные временем создания: 60-е – 80-е года XX-го века.

В результате отбора, практический корпус исследования включил французские переводы следующих произведений: романы «L'église blanche» I. Droutsa («Белая церковь» И. Друцэ) и «Le vol brisé» V. Bechliaga («Крик стрижа» В. Бешлягэ); рассказы «Dons» I. Droutsa («Подарки» И. Друцэ), «Sougour-Mougour» P. Botsu («Чугур-Мугур» П. Боцу), «L'orange» N. Essinencou («Апельсин» Н. Есиненку), «Mes grands-pères» Gu. Voda («Мои дедушки» Г. Водэ). Выбор перечисленных французских переводов литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века (советского периода) обусловлен несколькими факторами.

Все указанные произведения отличаются высокой степенью национально-культурной маркированности. По мнению исследователей, пристрастие писателей отобранных произведений к изображению деревенского и крестьянского мира обусловлено желанием «вернуться к истокам, найти связь с корнями своего народа», которая «обеспечивает социальное единение народа» [Variot 2014: 71]. Интересны также некоторые стилистические и метафорические обороты, специфические для молдавской культуры, представляющие интерес с точки зрения возможной актуализации во французском языке. Кроме этого, отобранные для изучения тексты объединены временем выполнения перевода – 80-ые года XX-го века.

Время создания обозначенных произведений максимально приближено к периоду, описываемому в рассказах, где ярко и выразительно отображается этническая самобытность молдавского народа.

Идейно-тематическая характеристика произведений И. Друцэ восходит к особому восприятию жизни и ценностей народа в его многовековом существовании, отмечается, что творчество писателя основано на потребности выразить «духовное и моральное сопротивление всему, что подрывает национальное, человеческое, священное» [Cimpoi 1997: 175]. Некоторые литературные критики придерживаются мнения, что национальная тенденция литературы Молдавии указанного периода обуславливается необходимостью повысить интерес читателя к жизни в «сельской местности в ее тесной связи с деревенским миром, с народной жизнью, с местными ландшафтами» [Ciobanu-Tofan 2001: 7].

Вот почему художественные произведения послевоенного времени изобилуют элементами, отражающими мифо-фольклорные символы народа, находясь «в тесной связи с традициями, психологией народа» [Cocieru 2016: 63]. Повествовательная структура произведений И. Друцэ отличается «усилением форм устного народного творчества» [Cocieru 2016: 9] что, в свою очередь увеличивает национальную ориентированность сочинений автора. И. Друцэ – один из наиболее переводимых писателей того времени, его произведения были переложены почти на все языки советских республик и европейских стран. Так, роман «Белая церковь» был переведен на украинский, эстонский; словацкий, болгарский, венгерский; французский, немецкий языки.

К 80-ым годам XX-го века (время написания романа) И. Друцэ был известен как двуязычный писатель: он писал свои произведения и на молдавском языке, и на русском; среди последних произведений отмечается роман «Белая церковь», опубликованный в журнале «Новый мир» в 1982 году. Важным аспектом творчества И. Друцэ предстает его переводческая

деятельность, он сам переводил свои произведения на русский язык и «будучи переводчиком собственных произведений, Друцэ прибегает к перифрастическим выражениям или к использованию аналогичных слов на языке перевода» [Корноголуб 2019: 43]. Практически одновременно, в 1985 году, появился французский перевод этого романа под названием «L'église blanche», выполненный писательницей и переводчицей Франсуазой Баке-Луж и опубликованный издательством «Messidor/Temps actuels».

Второй роман нашего корпуса «Крик стрижа» В. Бешлягэ претерпел двойной перевод: сначала на русский язык с молдавского, а потом на французский язык, выполненный переводчиком Жан-Мари Пьери и изданный под названием «Le vol brisé» издательством «Литература артистикэ» в 1987 году. Разносторонняя тематика произведений В. Бешлягэ объединяется общим отражением народной жизни, которое раскрывается «в патриархальной сельской истинной поэтичности, а в первичном лирическом порыве угадываются самоопределяющиеся национальные черты» [Ченуша 2015]. Главным героем художественных произведений В. Бешлягэ предстает народ, а автор обнаруживает себя как «прекрасный эксперт описываемой среды, картины природы и людей, являющихся частью этой среды и природы» [Фечорий плаюлуй 2005: 9].

Остальной состав французских текстов исследуемого корпуса – рассказы писателей Молдавии обозначенного периода – были переведены переводчиками носителями румынского (молдавского) языка: В.И. Банару; Е.Н. Хотиняну; В. Григориев.

Достойное место в литературе Молдавии 60-х – 80-х годов прошлого века занимает творчество Георге Водэ – писателя, поэта, сценариста, режиссера, отмеченного многими государственными наградами, снискавшего своими произведениями любовь и уважение читателей и зрителей. Как отмечает критика, Г. Водэ удалось «в шестидесятые годы, перевести в другое измерение автохтонное литературное творчество» [Bantoş 2004] и этим

отразить связь творческого человека с народными истоками, с теми корнями, которые будут всегда поддерживать национальную литературу. Писатель находит вдохновение «в микрокосмосе родного дома, родного села, в тех уголках окружающего пространства, которые обеспечивают психологический комфорт» [Vîntu 2015: 13].

Среди отобранных для анализа французских переводных художественных текстов фигурируют произведения Павла Боцу, известного литературного деятеля Молдавии советского периода, занимавшего некоторое время пост председателя Союза писателей МССР. Особенно литератор известен своими поэтическими произведениями, субъективность, романтизм которых передаются «выражениями фольклорной направленности, ... общей фольклорной тональностью» [Vîntu 2015: 54].

Писатель Николае Есиненку поднимает в своих произведениях вопросы «вечных ценностей в духовном мире читателя» [Luțev 2018: 62]. По всей вероятности, именно этнокультурная составляющая указанных выше произведений стала определяющим фактором в выборе данных произведений для перевода на французский язык.

Особое место в плеяде молдавских переводчиков на французский язык занимает В. Банару, который является для научного сообщества романистов Молдавии «символом интеллигента» [Radu 2016: 47]: одаренный ученый, профессиональный педагог, искусный двуязычный писатель и талантливый переводчик. Отдельно отмечается роль французских переводов В. Банару в исследовании «лексико-семантических связей лексических единиц внутри идентичных контекстов» [Radu 2016: 48].

Идентичной многогранностью талантов отличается Элеонора Хотиняну – переводчик, журналист, литературный критик, лингвист. Литературные переводы, критические рефлексии, диссертация, написанные на французском языке свидетельствуют о значительности вклада Э. Хотиняну в отражение культурных ценностей литературы Молдавии в переводах на французский

язык. Следует также отметить Всеволода Григоре – профессора, дипломата, переводческий талант которого особо проявился при переводе на французский язык фольклорных произведений.

Выделенный корпус художественных произведений литературы Молдавии, предназначенных для анализа, репрезентирует культурно детерминированный образ объективной реальности, который изображается творческим потенциалом авторов.

Таким образом, корпус предназначенных для анализа переводных художественных текстов молдавской литературы состоит из произведений, отличающихся высокой степенью национально-культурной маркированности, которые представляют интерес в плане определения степени актуализации «чужой» лингвокультуры во французском языке.

2.2. Контекстуальные условия выделения художественного реаликона

Художественное произведение выступает в качестве контекстуальной основы для выделения и определения принадлежности лексической единицы к категории реалий. Важным условием верного восприятия национально-культурной маркированности ЛЕ является интерпретация ее контекста, который понимается как «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [Ахманова 2004: 200]. Многие ученые-лингвисты [Ахманова 2004; Бархударов 1975; Касавин 2008; Федоров 2002] придерживаются мнения, что лишь контекст способен прояснить точные значения, дополнительные коннотативные значения лексических единиц, словосочетаний, предложений и т.д.

В рамках лингвистических исследований контекст выступает как «глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка. Коммуникация не может существовать вне контекста, а, следовательно, одно явление языка не может рассматриваться вне этих условий» [Колшанский

1980: 134]. Контекстуальные условия способствуют приданию однозначности отдельным явлениям языка, вместе с тем отмечается, что «контекстное пространство является базовым для коннотативной интерпретации элементов текста и способов образования вторичной номинации» [Прюво 2018: 29].

Таким образом, в художественном тексте можно выделить, с одной стороны, лексическую единицу, подлежащую идентификации (в нашем случае реалию), а, с другой, – отрезок речи (письменной или устной) и условия употребления данной единицы в языковом окружении. Каждая лексическая единица обладает определенным значением или значениями в рамках языка, но важным условием её осмысления является контекст.

За каждой ЛЕ, употребленной в конкретном контексте, стоит не только авторский замысел, но и его мировоззрение, жизненный опыт и определенный запас знаний, который предопределил выбор автором данной лексической единицы.

Следует отметить двойственность роли контекста художественного произведения. С одной стороны, контекст является инструментом для определения смыслового наполнения отдельной лексической единицы: он придает той или иной единице языка однозначность и делает возможным выбор одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов данной единицы в языке перевода. Конечно, роль контекста не ограничивается «разрешением многозначности слов и других лингвистических единиц; однако важнейшая его функция заключается именно в этом» [Бархударов 1975: 170].

С другой стороны, контекст является источником информации, подтверждением ранее известного и / или приобретением новых знаний. Следовательно, предоставляя реципиенту определенную информацию, контекст выполняет познавательную функцию, и, таким образом, проявляется его когнитивный характер. Учитывая тот факт, что

художественное произведение обладает идейно-тематической направленностью и выполняет функцию эстетического воздействия, автор использует именно те ресурсы родного языка, которые наиболее эффективно способствуют достижению поставленных целей. Контекст художественного произведения расширяет возможности толкования ЛЕ, которое «может быть, если не бесконечным, но не таким ограниченным, как это представляется в словарных статьях» [Грушевская 2015: 249]. Когнитивный контекст художественного произведения намного шире, чем контекст функционально-стилевых разновидностей текстов, т.к. читатель находит в произведении не только объективную информацию, но и субъективные ощущения, чувства, которые автор передает посредством своего произведения. Задача реципиента текста – воспринять текст во всей смысловой, эстетической, идейно-тематической глубине, заложенной автором.

Начальный этап выделения реалий художественных произведений литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века связан с обзором макроконтраста анализируемых текстов, отражающего их национально-культурную направленность. Критические размышления о тематической нацеленности и тенденциях отобранных произведений [Bantoş 2004; Cîmpoi 1997; Ciobanu-Tofan 2001; Cocieru 2016; Luţev 2018; Vîntu 2015; Ченуша 2015] подтверждают идею об их национально-культурной маркированности.

Так, большая часть произведений указанного периода рассматриваются как «... повествования с фольклорными нотками, с элементами баллады, а также национальный колорит придают произведению самобытность и значимость» [Ченуша 2015].

Не менее важной видится и интерпретация реалии в микроконтексте, который определяется как «минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д.» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 238].

Так, в целях эксплицирования национального колорита некоторых лексических единиц в романе «Белая церковь» И. Друцэ считает необходимым поместить «чужую» L-реалию в узкий когнитивный контекст, позволяющий прояснить ее значение, например: «**капуджи, официальный представитель султана при молдавском государе**» [Друцэ: 1985].

В той же синтаксической структуре И. Друцэ использует другую лингвокультурную реалию, молдавскую – *(при молдавском) государе*, содержащую как национальную, так и историческую коннотацию.

Эксплицирующая функция когнитивного контекста, иллюстрирующего семантическое содержание «чужих» реалий, особенно проявляется в художественном тексте принимающей лингвокультуры. Рассмотрим пример контекстуального разъяснения молдавской реалии в тексте на русском языке романа «Белая церковь» И. Друцэ: *звучно лилось вино из глиняных кувшинов, всюду пахло **фриптурикой, жареным мясом с отличной острой подливкой**, народу было мало, а знакомых так просто никого.* [Друцэ 1985].

Как видим, контекстуальное обрамление декодирует денотативное значение молдавской реалии *фриптурика*, акцентируя внимание на денотативные семантические признаки реалии.

Таким образом, первостепенное значение в определении и соотнесении ЛЕ к классу реалий имеет анализ контекста произведения. На начальном этапе важной является спецификация общего, широкого контекста произведения, т.е. единой идейно-тематической нацеленности произведения, а именно выделение национально-культурного компонента лейтмотива художественного текста. На следующем уровне происходит конкретизация национально-культурной специфики ЛЕ при декодировании узкого контекста ее применения, который ограничивается рамками и компонентами узкой синтаксической структуры.

2.3. Словарные маркеры идентификации художественного реаликона

Следующий шаг исследования потребовал применения приемов семантико-компонентного анализа словарной дефиниции каждой культурномаркированной единицы на основе толкового (однойязычного) словаря. Первостепенная задача данного метода заключается в выделении идентификационных признаков – категориальных маркеров, отражающих принадлежность ЛЕ к категории реалий.

Исходя из дефиниционных положений словарной статьи толкового словаря, структура которой представлена зонированным пространством, «одна из основных зон здесь – это зона значения: толкование лексического значения предполагает установление количества значений слова и определение каждого значения в отдельности» [Жеребило 2016: 110].

Помимо зоны значения, существенной в представлении ЛЕ в толковом словаре, представляется зона помет, которая видится как «эксплицированное во вводной части словаря собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращённого слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» [Морковкин 1986: 110].

Пометы предоставляют дополнительную информацию, касающуюся предметной, пространственной, хронологической, стилевой принадлежности ЛЕ, и представлены металингвистическими средствами. Речь идет о «семантическом метаязыке», используемом для семантического описания «функционального макрокомпонента структурно-языкового значения», включающего «микрокомпоненты: функционально-стилистический, функционально-территориальный, функционально-социальный, функционально-темпоральный и функционально-частотный» [Стернин 2006: 48]. Таким образом, национально-культурные семантические признаки ЛЕ представлены в словарной статье, с одной стороны, внутренними средствами

(толкованием, т.е. собственно лексическое значение ЛЕ), с другой – внешними (металингвистическими средствами в виде помет).

Помимо этого информация о ЛЕ может быть выражена в словарной статье как эксплицитными, так и имплицитными элементами. Эксплицитная информация ЛЕ отражается в языковом, объективирующем содержании ЛЕ, тогда как имплицитная – представляет собой «невыраженную, но подразумеваемую информацию, которая извлекается реципиентом из концептуальной системы и фоновых знаний» [Стернин 2012: 270].

Применение метода анализа словарных дефиниций привело к разграничению некоторых типов маркеров национально-культурного содержания реалий. Национально-культурная маркированность ЛЕ определяется такими маркерами как: эксплицитный внутренний словарный маркер, выраженный непосредственно толкованием значения ЛЕ, т.е. наличием внутри определения ЛЕ семантического признака, отсылающего к определенной лингвокультуре; эксплицитный внешний словарный маркер, зафиксированный в пометах словарной дефиниции; имплицитный словарный маркер, представленный семантическими признаками словарной дефиниции, указывающими на вероятностную принадлежность ЛЕ к категории реалий; внесловарный (метатекстовый) маркер, основанный на выявлении национально-культурной специфики ЛЕ в дополнительных (не словарных) источниках информации.

Проиллюстрируем выделенные выше типы маркеров конкретными примерами.

Анализ словарных дефиниций показал, что некоторые ЛЕ, отобранные из текстов анализируемых произведений, обладают семантическими признаками, маркирующими их национальную принадлежность и являющихся частью их денотативного значения, например: *lei «unitate monetară a **Moldovei**»* (денежная единица **Молдовы**) (Здесь и далее перевод словарных дефиниций с румынского языка на русский наш. – И.М.); *fluier*

«*instrument muzical popular*» (*народный муз. инструмент*); *oacă* «*în trecut unitate de măsură a greutateii în Moldova*» (*в прошлом единица измерения веса в Молдове*) [Dicționare ale limbii române]. Как видим, национально-культурный колорит ЛЕ фиксируется однозначными семантическими признаками внутри денотативного значения и является ее имманентной характеристикой.

Эксплицитный словарный маркер выполняет функцию идентификации культурнозначимой ЛЕ и в энциклопедических изданиях. Примечательным с этой точки зрения является пример реалии *cuptor* (*печь*) – «... широко распространена в России, Белоруссии, Украине, *Молдавии* ...» [Википедия]. В данном примере отмечаем внутренний словарный маркер *в Молдавии*, фиксирующий явную принадлежность ЛЕ к указанной культуре.

Следующий тип словарной маркированности представлен эксплицитным внешним маркером, который объективирует национально-культурную специфичность ЛЕ посредством специальных метаединиц, определяющих функционально-стилистические особенности ЛЕ в толковом словаре и отражающих дополнительные, коннотативные значения, на основании которых выделенные ЛЕ соотносятся с классом культурномаркированных единиц. По Ю.А. Рылову, именно реалии рассматриваются как наиболее «яркие знаки культуры», которые отражают уникальные специфические смыслы ЛЕ «с этнических позиций» [Рылов 2003: 52]. Такие специфические смыслы фиксируются в толковом словаре посредством стилистических помет, которые поясняют территориальную, темпоральную и социальную отнесенность ЛЕ.

Так, стилистические пометы *mold.* (*молд.*), *regional* (*местн.*) фиксируют географическо-пространственное распространение ЛЕ, например: *răcituri* (*mold.*) «*mâncare rece pregătită din carne ...*» (*мясное холодное блюдо ...*); *șip* (*mold.*) «*sticlă pentru lichide*» (*бутылка для жидких продуктов*); *mata* (*mold.*) «*pronume de politețe*» (*местоимение, выражающее уважение*); *cuptor* (*mold.*)

«construcție pentru copt pâine» (сооружение для выпечки хлеба). [Dicționare ale limbii române].

Внешние маркеры *popular* (народн.), *familiar* (разг.) предопределяют социальную отнесенность ЛЕ, акцентируя внутринациональные характеристики обозначаемых предметов и явлений: *badea* (pop.) «termen politicos de adresare către un bărbat» (уважительное обращение к мужчине); *mătușa* (pop.) «termen de respect față de o femeie» (уважительное обращение к женщине); *bre, măi* (fam.) «cuvânt de adresare către una sau mai multe persoane» (обращение к одному или нескольким лицам мужского пола) [Dicționare ale limbii române].

Стилистические пометы *învechit* (устар.), *istoric* (ист.) способствуют темпоральной идентификации культурнозначимых ЛЕ, поскольку отражают закрепленные за ними специфические значения в определенный культурно-исторический период. Так, например, внешние маркеры следующих ЛЕ: *boier* (ist.) «mare proprietar de pământ» (знатный помещик); *arnăut* (ist.) «soldat mercenar în garda domnească» (наемный солдат в армии господаря); *ciubuc* (înv.) «pipă orientală» (восточная курительная трубка), *clacă* (înv.) «muncă colectivă benevolă pentru a se ajuta unii pe alții» (добровольная коллективная работа с целью помощи) [Dicționare ale limbii române] соотносят предметы и понятия, выражаемые данными реалиями с определенным историческим периодом, что обуславливает принадлежность ЛЕ к категории реалий.

Эксплицитные словарные маркеры отражают объективные, явные культурномаркированные значения понятий и явлений, выражаемых ЛЕ внутри данной лингвокультуры, что подтверждает несомненность принадлежности эксплицируемых таким образом ЛЕ к категории реалий.

Эксплицируемость, сигнализирующая о явной принадлежности реалий к категории культурномаркированных единиц, носит ограничительный характер; за рамками группы слов-реалий, выделенной таким способом,

остаются лексические единицы, обладающие значениями потенциальной, вероятностной культурно-национальной референции.

Имплицитный смысл, сопровождающий значение ЛЕ, «воспринимается реципиентом как подразумеваемый. Интерпретация такого смысла основывается на определенной языковой компетенции, а также фундаментальных представлениях об окружающей действительности и маркеров, имеющих в сообщении» [Масленникова 1999: 105]. Вот почему имплицитность рассматривается как фактор, лежащий «в основе упорядоченности знаний о мире в информационной базе человека» [Залевская 2001:109].

Имплицитный маркер, отражающий возможные национально-культурные смыслы ЛЕ, определяет принадлежность ЛЕ к классу реалий неоднозначными, косвенными признаками национально-культурной референтности.

Примером идентификации реалии имплицитным словарным маркером служат следующие примеры: *suman* «*haină țărănească*» (*крестьянская одежда*), *prispă, tindă* «*în casele țărănești*» (*в крестьянских домах*) [Dicționare ale limbii române].

Отмеченные семантические признаки указывают на потенциальную принадлежность ЛЕ к конкретной культуре, т.е. *крестьянская одежда* того народа, на языке которого написан словарь.

Идентификация национально-культурной принадлежности ЛЕ может осуществляться также с опорой на внесловарный (метатекстовый) маркер, выделение которого возможно в том случае, когда ни эксплицитность словарной дефиниции, ни ее имплицитные характеристики не способствуют определению национальной соотнесенности ЛЕ. Тогда дешифраторами культурной специфики выступают дополнительные источники информации, такие как специальные издания, тематические интернет-ресурсы, внетекстовые комментарии автора и др.

Так, можно отметить первостепенную важность внесловарного (метатекстового) маркера в определении национальной окраски имен собственных: *Boboc, Oşlobanu* [Druță 1983]; *Tucan, Satu-Nou, Leancă, Furmanca* [Voțu 1961]. Принадлежность указанных онимов к категории реалий обосновывается обнаружением молдавских имен собственных на специальном сайте [casata.md], содержащем список фамилий, распространенных в Молдавии, частотность их распространения и географического распределения. Так, на указанном сайте отмечаем, что имя собственное *Tucan* широко распространено в южных районах республики Молдова, т.е. является ЛЕ, отражающей молдавскую культуру.

Подробное описание особенностей быта, занятий, социальных отношений, традиций молдавского народа представлено в монографии «Молдаване» [Молдаване 2010], где национально-культурные характеристики реалий эксплицируются детально и наглядно.

Например, в процессе анализа выделена ЛЕ *prispă* (завалинка), отображающая одну из важных характерных внешних элементов старинного крестьянского дома – «каменная или земляная терраса, высотой до 100 см и шириной 80-120 см» [Молдаване 2010: 291], которая имела практическую значимость «летом, когда солнце высоко, лучи не перегревают комнаты, а в зимние месяцы, наоборот, позволяет лучам солнца проникать и обогревать комнату» [Молдаване 2010: 290]. Почти во всех анализируемых произведениях молдавской литературы реалия *prispă* присутствует, выполняя в каждом определенную функцию. В рассказах И. Друцэ (I. Druță) данная реалия фигурирует часто и дополняется когнитивным содержанием место для отдыха, для передышки человека в своей хозяйственной деятельности.

В рамках данного исследования внесловарные (метатекстовые) маркеры позволили выделить значительную часть религиозных реалий с опорой на тематический сайт pravoslavie.ru, например *стол для подаяний*

«здесь можно оставить приношение на нужды храма в память об усопших близких» [Православие].

В результате анализа словарной маркированности национальной специфики в процессе выделения реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века можно сделать следующие выводы.

Первостепенную роль в определении границ реаликона играют эксплицитные словарные маркеры; в этом случае выделение реалии происходит путем прямой словарной объективации ЛЕ, т.е. путем экспликации непосредственно внутри словарной дефиниции, а также с помощью внешних стилистических помет, сопровождающих соответствующую ЛЕ.

Применение внесловарного (метатекстового) маркера предполагает использование дополнительных информационных средств для выявления национально-культурной специфики.

Можно допустить, что реалии, выделенные с опорой на эксплицитные и внесловарные маркеры, составляют ядро реаликона, т.к. отображают национально-культурную принадлежность реалий непосредственно.

Немаловажное значение придается имплицитным факторам определения реалий, входящих в состав художественного реаликона. Обнаружение национально-культурной особенности ЛЕ путем раскрытия ее имплицитного смысла приводит к пополнению реаликона теми реалиями, которые содержат в себе дифференцирующую национально-культурную информацию, но которую необходимо извлечь из дополнительных источников информации, из фоновых знаний носителей языка.

Таким образом, выделение реалии как ЛЕ, обладающей национально-культурной самобытностью, происходит по различным критериям, которые составили основу нашего анализа. Так, при анализе значения ЛЕ на основе толковых (однойязычных) словарей, применялся критерий словарно-контекстной маркированности, детерминированный эксплицитной и

имплицитной формами актуализации лексического значения. Из этого следует, что выделение реалии происходит уже на внутриязыковом уровне, а национальная самобытность проявляется на уровне внутринационального сознания.

2.4. Структура художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века

Опираясь на принципы категоризации реалий в рамках лингвистической теории реалии, было определено, что корпус реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века состоит из нескольких частей, включающих все обозначенные выше (см. п. 1.3.) категории и подтипы реалий. Различная степень причастности реалии к определенной национальной культуре предопределила выделение ядра и периферии художественного реаликона исследуемых художественных произведений с целью выявления интенсивности национально-культурной маркированности реалий. Составные части ядра реаликона включают реалии, имеющие непосредственное и безусловное отношение к молдавской культуре, среди которых отмечаем R-реалии, составившие предметно-референтную часть, C-реалии, сгруппированные в концептуальной части, и группу транзитивных R→C-реалий.

Периферию художественного реаликона обозначенных художественных текстов молдавской литературы составляют религиозные R- / C-реалии и «чужие» L-реалии, «внешние» по отношению к молдавской культуре.

Религиозные, в особенности православные, реалии являются особой характеристикой национальной культуры, фиксирующей сопредельность и родственность духовной культуры ряда народов. Религиозные реалии характеризуют определенный аспект духовной национальной культуры, демонстрирующий тенденцию к универсализации и взаимоинтеграции

различных культур. Именно этот факт обусловил включение религиозных реалий в периферию художественного реаликона.

В процессе выявления реалий в контексте художественных произведений литературы Молдавии отмечены ЛЕ, отличающиеся высокой национальной спецификой, отображающей внешнюю, по отношению к молдавской, культуру. Такие реалии представлены в художественных произведениях заимствованными номинациями и обозначаются в нашей работе термином «внешняя» L-реалия. Относительная (обусловленная внешними контактами) принадлежность данных реалий к молдавской национальной культуре predeterminedила отнесение «внешних» L-реалий к периферии художественного реаликона молдавской литературы.

2.4.1. Группа R-реалий

В основу выделения категории R-реалий был заложен референтный признак, отражающий предметную сопоставимость лексической единицы и окружающей действительности. Предметно-референтная часть художественного реаликона содержит R-реалии, обозначающие артефакты и натурфакты, т.е. культурно - и национально-значимые объекты как результат человеческой деятельности, а также природно-географические реалии, обуславливающие уникальную среду обитания этноса.

В ходе исследования и типологизации предметно-референтной части реаликона, R-реалии внутри данной группы были разделены на несколько тематических подтипов, каждый из которых отличается специфичными характеристиками.

Наиболее выразительно национально-культурный колорит реалий отражается в подтипе *этнографических* R-реалий, количество которых выше других подтипов и затрагивают такие стороны жизни народа, как предметы быта, жилище и постройки, еда, одежда, труд, транспорт, общественно-социальный уклад и др.

Несмотря на идейную, образную и стилистическую неповторимость каждого анализируемого произведения, они объединены общей авторской интенцией: репрезентация национально-культурной специфики молдавского этноса. Общий национально-культурный колорит художественного произведения подтверждается частными значениями реалий, которые отражены в толковых словарях. Вот почему, наряду с декодированием контекстуального значения реалии, роль одного из классификационных критериев реалии при выделении реаликона, выполняют словарные маркеры. В художественных произведениях, отобранных для анализа, основными элементами, отображающими особенности материальной культуры, являются в основе своей предметы быта. Большею частью речь идет о реалиях, служащих для репрезентации этноса в историческом и/или локальном (деревенском) ракурсе. Отобранные в анализируемых произведениях реалии, которые обозначают предметы быта, известны каждому представителю молдавского народа, но в современной жизни, многие из них уже не используются, став достоянием истории. Так, R-реалия *traista* (сума, торба), являясь неотъемлемой частью молдавского путника, или же крестьянина, отправившегося в поле, встречается практически во всех исследуемых произведениях. Контекстная информация подтверждается эксплицитным внутренним словарным маркером *которую носят крестьяне*, служащий признаком включения анализируемой единицы в класс реалий. В современном видении молдаван не представляет тот образ, который вырисовывается при прочтении указанных художественных произведений, но даже в наши дни где-нибудь в молдавском селе у крестьян в преклонных летах сохраняется *traistă*, в которой они держат фасоль, кукурузу или что-то еще, необходимое в хозяйстве.

Внесловарный (метатекстовый) маркер обосновывает принадлежность к категории R-реалий и ЛЕ, обозначающие особую группу предметов быта, к которой относятся домотканые изделия, «художественное оформление

которых зависело от их функционального назначения» [Молдаване 2010: 434]. Среди отобранных в исследуемых произведениях реалиях отмечаем обозначения таких типов домотканых холстов, как: *prosop* (полотенце), *țol* (половик), *păretar* (настенный коврик) [Voțu 1961].

Например, в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ выделяется декоративная функция реалии *prosop* / *полотенце*, которая актуализируется при помощи когнитивного контекста: ... *начал сбивать со стен все, что на них было – иконы, фотографии, полотенца* ... [Бешлягэ 1981].

Читатель носитель исходного языка понимает, что такие домотканые вышитые полотенца *prosoape* (мн. ч.) служат украшению молдавского дома, ими обрамляются иконы, фотографии, висящие на стенах, и они воспринимаются как нечто святое, на что указывает и значение в словарной статье в толковом словаре румынского языка – «*care servește ca podoaba în casele țărănești*» (предназначенный для украшения в крестьянских домах) [Dicționare ale limbii române]. В рассказе «*Bunicii mei*» Gh. Vodă прагматическое значение реалии *prosop* в контекстуальном окружении с прилагательным *белый, расстеленный на могилку* [Vodă 1982] реализует символьную функцию чистоты и связи с предками. Основным элементом крестьянского дома был *cuptor* (печь) как «*instalație pentru încălzire a locuinței și pentru pregătirea bucatelor în casele de la țară*» (сооружение для отопления дома и приготовления пищи, особенно для выпечки хлеба в крестьянских домах) [Dicționare ale limbii române]. Данная реалья обозначает в анализируемых художественных произведениях элемент составной части «*крестьянского дома*», словарное денотативное значение которой эксплицирует принадлежность ЛЕ к классу реалий. В то же время контекст произведения дополняет указанную реалью когнитивным содержанием *теплое место, где можно укрыться, отдохнуть* [Druță 1983].

Обязательной частью молдавского дома в анализируемых произведениях предстает R-реалья *tinda* (сенцы), словарное значение

которой «încăpere mică situată la intrarea caselor țărănești» (небольшое помещение при входе в крестьянские дома) [Dicționare ale limbii române] актуализируется в художественном тексте и служит для характеристики национально-культурных особенностей образа жизни народа. При помощи имплицитного словарного маркера (*в крестьянском доме*) выделена и R-реалия *casa mare* (букв. большой дом), которая отражает неотъемлемую характеристику молдавского дома, представляющая в тексте парадную комнату, «имеющую функцию приема гостей, сохранения ценных семейных реликвий, проведения важных праздников и ритуалов в жизни человека» [Молдаване 2010: 294]. Денотативное значение реалии в толковом словаре не выделяет ни коннотативные, ни когнитивные значения данной реалии. На самом деле *casa mare* «выступает визитной карточкой семьи» [Молдаване 2010: 294], внешний вид которой давал понятие о достатке, о статусе семьи в обществе. В рассказе «Daruri» I. Druță реалия *casa mare* появляется в контексте с реалией *zestrea* (приданое), ведь в этом помещении собиралось и хранилось приданое для детей, что очевидно для читателя ИТ.

Национальная самобытность проявляется также и в организации способов передвижения. Основным транспортным средством молдаван всегда была *căruța* (вид телеги) – «vehicul terestru încăpător, cu patru roți, cu tracțiune animală, folosit la țară pentru transportarea poverilor» (транспортное средство гужевой тяги на четырех колесах, используемое в сельской местности для перевозки грузов) [Dicționare ale limbii române]. В романе «Белая церковь» И. Друцэ, написанном на русском языке, данная реалия фигурирует в виде «чужой» для русскоязычного реципиента номинации *каруца*, дополненная когнитивным контекстом – *длинная молдавская телега*. В рассказе «Portocala» N. Esinencu персонаж передвигается на каруце как любой среднестатистический молдаванин в описываемый период. Другой реалией, сходной с предыдущей, является реалия *trăsură*, обозначающая средство транспортировки пассажиров и фигурирующая в рассказе «Daruri»

I. Druță, где актуализируется когнитивное содержание «национальное транспортное средство молдаван» [Молдаване 2010: 279]. Как видим, указанные реалии также эксплицируются словарным маркером «*в сельской местности*».

Общественно-политическая реальность как среда обитания народа отражает уникальность и специфичность мировосприятия народа, который сам организует свою социальную жизнь. Особой частотностью употребления в текстах художественной литературы Молдавии отличается реалия *mahala* (окраинный квартал), она присутствует почти во всех анализируемых произведениях. В румыно-русском словаре денотат словарной статьи ЛЕ эксплицирует реалию как «окраина города, предместье, окраинный квартал» [Румыно-русский словарь]. Коннотативная составляющая данной реалии отражается в устойчивых выражениях, например, *de măhală* (уличный, грубый), *a sărit toata măhala* (вся улица пришла на помощь). Когнитивное содержание данной реалии отражает следующую экстралингвистическую информацию: *măhala* – это часть молдавского села, не обязательно окраина, не имеющая четких границ квартала, объединяющая некоторое количество домов улицы. В таком «квартале» отношения между людьми отличаются особой близостью, где имеет место и взаимная выручка, и обсуждения друг друга. Примечательны в этом плане исследования реалий как доминант национальной ментальности и их роли в языковом сознании молдаван и болгар [Зайковская 2008]. Так, по результатам исследования, реалия *măhală* «вызывает у молдаван следующие ассоциации: *prietenie* (дружба), *prieteni* (друзья), *societatea* (общность), *mare* (большая), *seara afară* (здесь: вечером на улице), *ochi* (глаза) и др., которые в основной своей массе обладают положительной эмоциональной окраской или же являются нейтральными» [Зайковская 2008]. Прагматическое значение реалии актуализируется в конкретном контексте путем интерпретации как семантики, так и когнитивного содержания. Так, в

рассказе «Daruri» I. Druță актуализируется образная составляющая реалии *măhală*, которая воспринимается как что-то большое и дружное: «*să se satură o măhală întreagă*». Иначе обстоит дело в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ, где реалия *măhală* отображает когнитивную составляющую «в своем закоулке», которая рисует образ малой родины.

Ограниченное количество этнографических R-реалий представлено природно-географическими особенностями, под которыми, вслед за С. Влаховым и С. Флориным, мы понимаем названия географических объектов как природных, так и связанных с человеческой деятельностью. При этом учитываем, что номинирующие их ЛЕ свидетельствуют о «зыбкости границ географических реалий» [Влахов 2006: 52] и специальных терминов.

Некоторые местные географические особенности выделяются авторами исследуемых художественных текстов в зависимости от символической и эстетической ценности природных объектов для молдавского народа. Одной из таких географических реалий предстает типичная молдавская R-реалия *кодры*. Частотность обращения авторами молдавской литературы к символическому и образному содержанию реалии *кодру* достаточно высока. В трех из всего количества анализируемых произведений возникает образ кодр как константная характеристика Молдавии. Так, например, И. Друцэ в своем романе «Белая церковь», адресованному скорее иноязычному читателю, знакомя с топонимической специфичностью страны, считает необходимым прояснить экстралингвистическую информацию, ассоциированную с кодрами в Молдавии: «*Едва ли не половина молдавской народной поэзии посвящена кодрам, густым дубовым лесам, укрывавшим в лихую годину этот народ и не раз спасавшим его от полного уничтожения*» [Друцэ 1985]. Именно этот образ, эту когнитивную составляющую реалии *кодры*, представляющей собой национально-культурный концепт, развивает в одном из своих рассказов П. Боцу (P. Boțu). В самом начале войны для того, чтобы спасти стадо овец, пастухи отправляются в кодры, считая лес пристанищем и

защитником, так как это было в далекие времена. Эксплицитная маркированность реалии обнаруживается внутри словарной дефиниции, которая проясняется информацией из интернет – энциклопедии «возвышенность в Молдавии, между реками Реут и Прут. Кодры покрыты лесами (дуб, бук, граб и др.» [Википедия].

Альтернативным способом выделения реалий служат эксплицитные внешние словарные маркеры, представленные в словарной статье в виде стилистических помет. Рассмотрим несколько примеров R-реалий, эксплицируемых внешними словарными маркерами. Многие предметы быта отражают различные виды хозяйственной деятельности молдавского народа, «среди которых особое место занимают виноградарство и виноделие. Тара, в которой хранились вино и другие продукты питания, имела различные формы и выполняла различные функции» [Молдаване 2010: 261]. Существовало множество номинаций для обозначения таких предметов. В исследуемых произведениях были выделенные следующие реалии: *mold. poloboc, butoi* [Druță 1983], *pop. baler* [Boțu 1961]. Эти лексические единицы объединены общим значением «*vas de lemn, cu capetele mai înguste decât mijlocul, făcut din doage cercuite și folosit pentru păstrarea diferitelor lichide, în special a vinului*» (деревянная емкость, состоящая из клепок, которая служит для хранения вина или других жидких продуктов) [Dicționare ale limbii române]. На уровне денотативного значения различие проявляется в форме изделий, например, *baler* – «*de mare capacitate*» (больших размеров), *poloboc* – «*mai mic decât polobocul*» (бочка средних размеров) [Dicționare ale limbii române]. Внешним маркером *молд.* дополнена и R-реалия *cămara*, обозначающая «*camera (cu pat și cuptor) pe lângă casele țărănești în care se locuiește zilnic*» (комната (с кроватью и печью) в крестьянских домах, предназначенная для проживания) [Dicționare ale limbii române]. Денотативное значение этой реалии актуализировано в рассказе «*Daruri*» I. Druță и отражает особенности организации молдавского жилища.

Культурная самобытность народа отражалась в том числе во внешнем виде ее представителей. Примером выступают R-реалии, обозначающие детали одежды, типичные для женского костюма, среди которых особенно отмечается *платок*, «форма и способ ношения которого варьировали в зависимости от временных и возрастных различий» [Молдаване 2010: 308]. В рассказе «*Daruri*» I. Druță персонаж-бабушка сделала из платка импровизированную палатку: реалия *șalinca mold.* «*асорегământ pentru cap, constând dintr-o țesătură sau dintr-o împletitură (împodobită cu franjuri), purtat de femei*» (женский вязаный платок, украшенный бахромой) [Dicționare ale limbii române] являлась неотъемлемым элементом одежды представительниц молдавского народа в описываемый период. В рассказе «*Bunicii mei*» Gh. Vodă фигурирует реалия, репрезентирующая разновидность платка *mold. bariz* / «тонкий, легкий платок» [Dicționare ale limbii române]. Прагматическое значение данной реалии ориентировано на фоновые знания, касающихся изготовления различных тканых изделий в домашних условиях, то чем занимались молдавские женщины в течение многих сотен лет.

Выявление реалий одежды, репрезентирующих «типичного молдаванина», в анализируемых произведениях дает представление о внешнем виде сельского жителя прошлых десятилетий и столетий. Так, в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ R-реалия *mold. cușmă (uaanka)* «*săciulă de miel*» (барашковая шапка) [Dicționare ale limbii române] характеризует дедушку главного героя, персонажа военного времени.

Реалии, отражающие отношения внутри социума, также требуют интерпретативного подхода к пониманию заключающейся в них экстралингвистической информации. Показательными в этом плане являются лингвокультурные реалии, эксплицируемые внешним словарным маркером *popular (народн.) badea, bădița*, которые присутствуют практически в каждом анализируемом произведении. В романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ персонаж-ребенок так называет брата своего отца, своего дядю, но здесь

данная реалия содержит отрицательную коннотацию, которая расшифровывается контекстом всего произведения, существующим конфликтом между отцом и дядей: «*Cine: bade-tu Ple te-a învățat să grăiești așa? Ori tamă-ta?» / «Откуда ты взял? Дядя Иле, а может мамочка научили тебя так говорить?» [Бешлягэ 1981]. Внешний словарный маркер *народн.* обуславливает принадлежность ЛЕ к категории реалий, фоновые знания которой выделяют тот факт, что в селах, чаще всего, так обращаются младшие дети к старшим братьям, подчеркивается, что это не только уважение к старшим, которое воспитывается родителями с самых малых лет, но и уверенность, что старший поможет, научит, направит в трудных случаях.*

В серии рассказов «*Ciugur-Mugur*» Р. Воџу наряду с реалией *badea*, используется и ее уменьшительно-ласкательная форма *bădița*, которая применяется чаще всего внутри семьи для обозначения старшего брата или молодого брата отца или матери, и выражает высшую степень уважения и любви. Аналогичным образом интерпретируются и другие реалии данной серии: *moș*, *nenea*, *nașul*, *cumătrul* [Воџу 1961].

Возможность включения в категорию реалий некоторых ЛЕ на начальном этапе определения реаликона, в известной степени, условна, ввиду обозначения сходных денотатов, существующих во многих лингвокультурах. Такие реалии предопределяются наличием имплицитной маркированности либо внутри словарной статьи, либо в контекстуальном окружении.

Рассмотрим примеры реалий *prăvălie*, (разг.) *cumparativă*, *cooperativă*. Перечисленные реалии обладают сходным денотативным значением «магазин». Большая часть населенных пунктов оснащена «учреждением, производящим розничную торговлю» [Толковый словарь русского языка Ожегова С.И.], различия выявляются на уровне национального понимания реалии. Так, реалия *prăvălie* (лавка, небольшой магазин) вмещает имплицитную экстралингвистическую информацию, отражающую

следующие значения: «*situată la stradă și plină de marfă de vânzare*» (маленькая лавка, мелкий товар, выкладывать на улице) [Dicționare ale limbii române]. В рассказе «Ciugur-Mugur» Р. Воџу реалия *prăvălie* служит характеристикой персонажа, который использует данную лексическую единицу в речи. В контексте художественного произведения данная реалия появляется в речи персонажа-женщины в возрасте, которая называет данную реалию по старинке.

Реалии *cumparativă*, *cooperativă* отражают советское прошлое молдавского села, когда организовывались кооперативные хозяйства (другое название – колхозы) и магазины, продающие колхозную продукцию, назывались кооперативами. В рассказах I. Druță данная реалия выполняет функцию характеристики конкретного исторического периода. Что касается реалии *cumparativă* (знач. то же, что и *cooperativă*), здесь отмечаются различия на уровне номинации, т.е. L-реалии, которая является следствием языковой контаминации двух лексических единиц: *a cumpăra* (покупать) и *cooperativă*. Имплицированный словарный маркер данной реалии «не рекомендованная форма» служит в художественном тексте для характеристики персонажа из народа.

У каждого народа, и у молдавского в том числе, «в зависимости от характера и рода занятий населения, от наличия естественно-природных ресурсов складываются своеобразные культурно-бытовые традиции в повседневной и обрядовой пище» [Молдаване 2010: 246]. Характерными кулинарными реалиями молдавского этноса, по мнению многих этнографов, которые не «просто весьма актуальны для жителей Молдовы, но и составляют важную часть того, что в этносоциолингвистике называют национальной картиной мира» [Ионова 2008], являются мамалыга с брынзой. Реалия *mămăligă* (мамалыга) обозначает национальное блюдо молдавского народа, обладающее многочисленными коннотативными, когнитивными и прагматическими значениями. В романе «Белая церковь» И. Друцэ

актуализируется когнитивное содержание данной реалии: *пища бедняка*, ведь «на *мамалыге* и постном супе много не наработаешь» [Друцэ 1985]. Тогда как принадлежность к классу реалий эксплицируется внутренним словарным маркером, представленным денотативным значением «*aliment preparat din făină de porumb, formează baza alimentației țaranului*» (продукт питания, изготовленный из кукурузной муки, являющийся основой пищи *крестьян*) [Dicționare ale limbii române]. Отмечается в романе и объединяющая функция этой пищи, святой для молдавского народа, которая собирала «*вокруг нее, как вокруг солнца, всю семью*» [Друцэ 1985]. То же самобытное значение реалии *мамалыга* отмечается в рассказах И. Друцэ (I. Druță), когда дети сидят за столом и ждут с нетерпением, когда мама подаст мамалыгу.

Этническая самобытность отражается равным образом при помощи использования реалий, отражающих особенности приготовления и других блюд, как, например: *zată* (овощная или мясная похлебка) [Druță 1983], *fripturica* / *фрипурика* (мясное жаркое), *colac* / *калач*, *sarmale* / *голубцы* [Druță 1985]. Необходимо отметить, что указанные реалии входят в состав так называемого «праздничного угощения» [Молдаване 2010: 253], реализуя в романе когнитивное содержание *праздник, праздничное настроение*. Персонаж романа заказал себе *фрипуру* и *калач*, таким образом, устроил себе праздник. А *голубцы* (*sarmale*) – «одно из основных блюд на свадьбе, похоронах, поминках» [Молдаване 2010: 254]. В романе когнитивный контекст реалии *голубцы* «и снова достаем вино из подвалов и варим *голубцы*» передает ощущение праздника, хорошего настроения. Словарные дефиниции перечисленных реалий указывают на их принадлежность к молдавскому реаликону лишь имплицитно.

Иной функциональной значимостью обладают реалии, обозначающие личностные социальные и родственные отношения молдаван. Исторически так сложилось, что молдаване жили большими семьями, где чтили традиции и уважали старших.

Главным членом семьи считается старший по возрасту мужчина, который несет на себе ответственность за благополучие семьи, чаще всего дедушка. В разных регионах страны в разговорной речи дедушка (*bunel*) обозначается по-разному: *bât, nică, tătucă*. В рассказе «Daruri» I. Druță в речи персонажа-ребенка, который обращается к дедушке при помощи ЛЕ *tătucă*. В толковом словаре румынского языка данная лексическая единица обозначает уменьшительно-ласкательное обращение к отцу, но в некоторых районах Молдовы встречается такое обращение к дедушке в знак уважения и отражения близких отношений. В исследуемом контексте реалия отражает местный колорит. Имплицитная словарная маркированность характеризует и следующие лексические единицы: *vărul* (двоюродный брат), *nora* (невестка), *cuscrul* (сват) и др. Как видим, культурно-национальная значимость перечисленных реалий обнаруживается на уровне когнитивного содержания и прагматического значения.

Подводя итоги анализа этнографических R-реалий как составной части реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века, отмечаем несколько закономерностей. Во-первых, большинство отобранных этнографических реалий служат отражению традиционного быта молдавского народа в конкретный исторический период. Притом, что образ жизни молдаванина в романе «Белая церковь» И. Друцэ, описывающего события конца XVIII-го века, немногим отличается от описываемых в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ, в рассказах «Daruri» I. Druță, «Ciugur-Mugur» P. Voțu, «Bunicii mei» Gh. Vodă, традиций быта молдаванина середины XX-го века, т.е. в анализируемых произведениях представлен традиционный быт молдаван прошлого, во многом отличный от современного. Во-вторых, основные национально-культурные особенности молдавского народа отражены в предметном окружении представителей этноса, специфичной организации социальной структуры и окружающей среды и др., что демонстрирует несомненную принадлежность данных реалий к молдавской

культуре, отображает ее национальную специфику и составляет ядро художественного реаликона произведений литературы Молдавии исследуемого периода.

Художественный реаликон литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века включает также ряд *ономастических R-реалий*.

Ономастические реалии являются важным компонентом художественного произведения, образуя «ономастическое пространство», которое объединяет имена «реальные, вымышленные и гипотетические» [Суперанская 1973: 148]. Ономастические реалии художественного текста формируют «художественный ономастикон» [Косиченко 2017] произведения и создают «свой уникальный ономастический мир, выражающий художественные идеи писателя наряду с другими средствами языкового стиля» [Фонякова 1990: 38-39]. Согласимся с идеей В.И. Супруна, что ономастическое поле художественного произведения предполагает «наличие системно-структурных отношений и связей, представляет собой упорядоченную иерархизированную совокупность его конститuentов» [Супрун 2000: 12]. Ономастическое пространство художественного текста, образуя целостную структуру, актуализирует когнитивные и коннотативные значения отдельных ономастических реалий, которые раскрываются в текстовых и контекстовых ассоциациях.

Взаимосвязь ономастических реалий и художественного текста предопределяет важную функцию онимов в художественном произведении – текстообразующую, которая понимается как «способность онимов быть связующим, конструктивным, элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации художественного текста» [Воронова 2000: 226]. Каждое анализируемое нами художественное произведение содержит отдельную систему ономастических реалий, количество которых индивидуально для каждого текста. Соответственно пропорциональное

соотношение ономастических реалий к остальным категориям реалий варьирует от произведения к произведению и от автора к автору.

Обширной системой ономастических R-реалий обладает роман «Белая церковь» И. Друцэ, основную часть которых составляют антропонимы, немногим меньше топонимы, названия учреждений и зоонимы.

Многообразии ономастических реалий в обозначенном романе обуславливается комплексностью идейно-тематического содержания и эстетическо-образной составляющей произведения. Принимая во внимание сложность повествовательного произведения, отмечаем разнородность молдавских ономастических реалий: реалии-антропонимы *Peana* (Иляна), *Niță* (Ницэ), *Marița* (Маруца), *Anița* (Аница); реалии-топонимы *Sălcuța* (Салкуца), *Vărzărești* (Варзарешты), *Ocolina* (Околина); реалии-зоонимы *Roujca* (Ружка), *Grivei* (Гривей) – распространенные в Молдавии клички собак [Друцэ 1985].

Исходя из того, что роман «Белая церковь» рассматривается как историческое повествование, в основе которого лежат конкретные исторические события, значительная часть ономастических реалий содержат темпоральный семантический признак, т.е. соотносят именованный объект с определенным историческим периодом. В процессе концептуализации идейно-тематического содержания произведения, отмечаем стремление автора акцентировать важность связи исторической персоналии и исторического пространства: *Dmitrie Cantemir* (Дмитрий Кантемир), *Stefan cel Mare* (Штефан Великий), *Grigore Ghica* (Григоре Гика), *Movilă* (Мовилэ); *Sagul* (Кагул), *Larga* (Ларга) [Друцэ 1985].

Ономастическое пространство другого исследуемого романа «Крик стрижа» В. Бешлягэ более ограничено, ввиду иной идейно-тематической направленности произведения, важности внутреннего, личностного развития персонажа, оказавшегося в нестандартных обстоятельствах, вынужденного искать своего брата и на советском, и на немецком берегах. Ономастический

реаликон данного произведения включает некоторые антропонимы, популярные в описываемый период молдавские имена: *Isai (Исай), Iie (Иле), Frăsâna (Фрэсына), Motrea (Мотря)* [Бешлягэ 1981]. Следует отметить, что вышеуказанные молдавские реалии-антропонимы отражают не только национальную принадлежность персонажа произведения, но и историческую обусловленность, т.к. такие имена были общепринятыми в описываемый период. Незначительное количество реалий-топонимов имеет целью передать общую пространственную локацию описываемых событий: *Chişinău (Кишинев), Tighina (Бендеры), Nistru (Днестр), Vălcica-Mică (Вэлчика-Микэ)* [Бешлягэ 1981]. Последний пример представляет интерес как номинация, отражающая характеристики предмета, *Вэлчика-Микэ* (Малая Долина) в силу того, что «заложенный в названии признак предмета отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление об объекте» [Березович 2001: 34].

Ономастические R-реалии рассказов И. Друцэ (I. Druţă) отражают сугубо свою, национальную (молдавскую) самобытность. Основная часть выделенных реалий представлена антропонимами, распространенными в Молдавии и свойственными молдавскому этносу именами и фамилиями: *Petrea, Ileana, Vasile, Iie, Boboc* [Druţă 1983]. Некоторые реалии-антропонимы выполняют символическую или ассоциативную функцию, что усложняет значение реалии, обогащая ее когнитивное содержание. Так, например, ономастическая реалия *Boboc* – птенец, росток [Dicţionare ale limbii române] – является распространенной фамилией в Молдавии, *Bobocel* (уменьш.- ласк. от *Boboc*, цыпленочек) – обращение к ребенку. Персонаж-первоклассник представляется фамилией *Bobocel*, считая, что если он маленький, то неправильно называть его *Boboc*, большой птенец. Национальный колорит произведения создают и реалии-зоонимы, в частности, клички собак: *Javra, Lupuşor, Tărcuş, Grivei* [Druţă 1983] и др.

Функцию создания национального колорита выполняют и ономастические реалии сборника рассказов «Ciugur-Mugur» P. Voțu (1961 г.), подавляющее большинство которых составляют антропонимы, обозначающие общеупотребительные молдавские имена и фамилии времен написания произведения, как, например, женские имена: *Chilina, Iustina, Mărioara, Anica*; мужские имена: *Calistrat, Matei, Nichifor, Ioachim* [Voțu 1961], которые отражают временные характеристики обитания народа. Что касается антропонимов-фамилий: *Tucan, Sacâz, Leanca, Lefter, Cernega* [Voțu 1961], обнаруженных в анализируемых рассказах, отмечаем их распространенность в центральной и особенно южной части Молдавии [<http://nume.casata.md>], что объясняется местом рождения самого писателя.

Идентичную функцию выполняют и реалии-топонимы, такие как гидронимы: *Dunărea, Enichiol, Ialpug*; ойконимы: *Trifănești, Tașbunar, Furmanca, Satu-Nou* [Voțu 1961] и др. Учитывая тот факт, что «имя собственное, в частности микротопоним, живет не сам по себе, а обязательно в соотношении с представлением о называемом им объекте» [Региональная ономастика 2018: 15], предполагаем, что в «языковой памяти» писателя указанные топонимы соотносятся с местным колоритом.

Подводя итоги исследования ономастического реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века, приходим к выводу, что молдавский ономастический реаликон представлен в основе своей реалиями, отражающими национальную принадлежность персонажей, присущими конкретному этносу, которые обладают когнитивным содержанием, воссоздающим яркий национальный, исторический колорит и формирующего национальную образно-эстетическую атмосферу произведения.

Каждый народ проходит свой индивидуальный исторический путь, который отражается в национальном языке. Соответственно автор художественного произведения обращается к многообразию лексических

средств родного языка и использует те из них, которые способны наиболее ярко отразить историческую направленность своего творческого замысла – *исторические* реалии.

Особенно с точки зрения исторической стилизации отличается анализируемый нами роман «Белая церковь» И. Друцэ, который относится к типу современных архаизированных литературных произведений. Лингвистическая специфика исследуемого исторического романа обусловлена авторской исторической стилизацией, которая основывается на следующих составляющих:

- историческая документальность, проявляющаяся в документальном стиле языка произведения «в том смысле, что он воспроизведен на основе представлений, опосредованных через разного рода письменные источники эпохи» [Егорова 2016: 65];

- исторические персоналии (известные и малоизвестные);

- исторические реалии.

Например, реалия *Vodă (Водэ)*, которую в результате словарного анализа можно отнести к категории сходных реалий русского и молдавского языков. В Большом энциклопедическом словаре русского языка [БЭСРЯ] лексическая единица *Водэ* появляется в словосочетании *Драгош Водэ*, которое истолковывается как: воевода, наместник Венгерского королевства в Молдове (ок. 1351-53). В литературе с именем *Драгоша* традиционно связывается основание в 1359 (при господаре Богдане I) Молдавского княжества. Таким образом, носитель русского языка, столкнувшись с молдавской исторической реалией *Водэ*, соотносит данную реалию с русской исторической реалией *воевода*, выявляя в реалиях двух языков общую семантическую составляющую *правитель*. Следует подчеркнуть, что реалия *Vodă (Водэ)* используется в романе в прямой речи персонажей, носителей молдавского языка.

Художественное произведение помимо того, что оно воспринимается как продукт художественного творчества, является вербальным отражением языковой картины мира народа представленной посредством субъективного авторского миропонимания. Предметно-референтная часть ядра художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века представляет собой неоднородную, гетерогенную структуру, которая включает разнотипные (этнографические, ономастические, исторические) реалии, служащие воссозданию комплексности материального, вещного проявления национально-культурной самобытности молдавского народа.

2.4.2. Группа С-реалий

Значительную часть художественного реаликона составили С-реалии, обозначающие ментефакты, «культурные концепты» и социофакты, «элементы социокультурного контекста жизни общества». Стержневым признаком, послужившим разграничению С-реалий, стал концептуальный признак, «отражающий объективные и субъективные характеристики предметов, [...], представленные в дефинициях. Концептуальные признаки (зрительные, слуховые, обонятельные, тактильные и др.) отражают важнейшие для человека впечатления от внешнего мира» [Давыдова 2009]. Таким образом, в лексическом значении С-реалии, как и в структуре концепта, отображаются «признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова 2004: 10].

В рамках нашего исследования С-реалии рассматриваются как ментефакты, определяющие моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета, которые дефинируются как идеальный эквивалент среды обитания социума (культурный концепт).

Исследование концептуальной части реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века позволило выделить С-реалии, отражающие концепты социальной организации молдавского этноса (социофакты) и С-

реалии, являющиеся выразителями его национального менталитета, его духовной жизни (ментефакты).

Интерпретация С-реалий позволяет, с одной стороны, дать характеристику этнической группы, представить реципиенту художественного произведения своеобразный образ народа, описание которого задействовано в тексте. С другой стороны, толкование С-реалий способствует раскрытию авторского замысла, передаваемых им идейно-нравственные ценности.

Особенно ярко в романах И. Друцэ (I. Druță) характеризуется традиционное устройство коллективной жизни молдавского общества, в частности, упоминается о, распространенной в прошлом традиции *clasa/клака* (помочь, толока), которая, по сути, была «коллективной помощью по строительству дома, по обработке земли либо по сбору урожая» [Молдаване 2010: 259]. В романе главная героиня, пригласив сельчан на *clasă/клаку* по строительству церкви, готовит по традиции угощение, и тот факт, что никто не пришел на помощь, говорит о том, что Екатерина маленькая не принята в круг сельчан.

Вне зависимости от описываемого в литературе Молдавии периода почти во всех анализируемых произведениях важное место занимают С-реалии, отражающие культурные константы молдавского народа, среди которых отмечаем праздничные, обрядовые традиции молдаван. Центральное место в молдавской обрядовости занимает *colinda* (колядки) «хождение по деревне от дома к дому с поздравительными песнями» [Гаврилюк 2015: 59] по случаю празднования Рождества Христова. Несомненно, С-реалия *colinda* встречается не только в молдавской лингвокультуре, «название обряда однотипно во всех восточнославянских традициях (рус. *колядование*; укр. *колядування*; бел. *калядаванне*)» [Гаврилюк 2015: 60], но для каждого народа данная реалия репрезентирует то когнитивное содержание, которое ему присуще: количество колядующих, снаряжение, одежды и, главное, текст

колядки, который варьировал не только от страны к стране, но и от региона к региону внутри страны. Еще одна традиция, связанная с зимней обрядовостью молдаван, представлена С-реалией *uratura, cu uratul* (театрализованные поздравления с наступающим Новым Годом) [Vodă 1982; Druță 1983; Бешлягэ 1981]. Обряд, обозначенный данной С-реалией, является продолжением святочного периода, в котором прослеживается «древняя аграрно-магическая функция» [Гаврилюк 2015: 61], и состоит в том, чтобы пожелать хозяевам дома хорошего урожая, процветания, здоровья и т. д. В наше время данная традиция сохраняется и достаточно популярна особенно в сельской местности.

Известно, что «национальное самосознание включает наряду с эмоциональным компонентом ... и рациональные: осознание принадлежности к определенной нации, представление о ее свойствах как единого целого, ... и, наконец, осознанное отношение к духовным ценностям своего народа и ориентация на них» [Сикевич 1999: 72]. В этой связи концептуальные С-реалии, репрезентирующие этнические духовные ценности, занимают особое место в концептосфере молдавского народа. Например, С-реалия *baștina* (происхождение, род, отчизна) получила в толковом словаре румынского языка следующее определение «loc unde s-a născut și trăiește (tot timpul) cineva; rământ natal; patrie» (место, где кто-то родился и живет (все время); родной край; родина) [Dicționare ale limbii române]. Когнитивное содержание С-реалии *baștina* включает не только такие понятия *родной край, родина*, но и все элементы родного края, такие как: *родной дом, семью, родных*, а семейные ценности для молдаван являются важной составляющей жизни. В рассказе «Daruri» I. Druță реалия *baștina* находится в окружении контекста *satul lui de baștină* (его родное село), который реализует, помимо лексического значения, и прагматическое значение и обозначает «родных, близких людей, места, которые известны с

детства», а в рассказе «Bunicii mei» Gh. Vodă актуализируется когнитивное содержание данной реальности «люди, которые окружали тебя с детства».

Наиболее глубоко национальная специфика отражается посредством реалий, репрезентирующих элементы народного искусства, для молдавской лингвокультуры это народные танцы, народные песни. В анализируемых произведениях таковых не очень много, но они являются теми константами, на которых центрируется сущность молдавской культуры. В рассказе «Ciugur-Mugur» P. Voțu была выявлена концептуальная C-реалия, в полном смысле слова молдавская культурная константа *doina* (дойна). Как отмечают исследователи Республики Молдова, концепт «дойна в этой стране является одним из ключевых концептов национальной культуры» [Ионова 2007]. Автор отмечает, что особенности молдавской картины мира и фольклорные коннотации данной реальности очевидны для специалистов из Республики Молдова, а для широкой аудитории требуют определенных пояснений. В первую очередь обратимся к пояснению реальности *дойна* в интернет-энциклопедии: молдавская и румынская лирическая народная песня. Обычно дойна состоит из двух частей – медленной первой и быстрой второй [Википедия].

Первоначально *doina* (дойна) появилась как чабанская (пастушеская) песня, в которой отражалась судьба пастуха, грусть по родному дому и радость возвращения домой. В рассказе «Ciugur-Mugur» P. Voțu актуализируется именно это коннотативное значение культурной константы *doina* (дойна), которое представляет типичный образ молдавского чабана, который наигрывает на музыкальном инструменте *fluer* (свирель) задумчивую, полную очарования песню. Культурная константа, выраженная C-реалией *doina* (дойна), зачастую иллюстрируется другой молдавской культурной константой *dor* (тоска, любовь), значение которой, интерпретируется как сложное чувство, объединяющее такие понятия, как «durere sufletească; (pop.) jale, mâhnire, supărare, părere de rău» (желание,

влечение, стремление; тоска; любовь) [Dicționarul limbii române]. Когнитивное содержание данной реалии гораздо шире для любого представителя молдавского народа, чем, представленное в словаре лексическое значение.

Чаще всего когнитивное содержание С-реалии *dor* фиксируется в контексте *dor de casă* (тоска по дому), когда человек говорит о страстном желании вернуться домой, пройтись по комнатам, увидеть вещи, которые годами стоят на одном и том же месте, выйти во двор, увидеть соседей, пройтись по селу, поздороваться с односельчанами. Часто выражение *dor de casă* применяется журналистами при освещении проблем, связанных с теми гражданами Молдовы, которые покинули родные места в поисках лучшей жизни, но которые не перестают думать о родном доме.

Именно на подобной интерпретация реалии *dor* основывается автор романа «Крик стрижа» В. Бешлягэ, когда пытается раскрыть характер, мировидение персонажа-дедушки, который вернулся с первой мировой войны лишь благодаря этому сильному чувству *dor de casă*. В романе обозначенный персонаж считает, что он остался в живых по той простой причине, что связь с предками, именуемая *dor*, давала ему силы вернуться домой. В рассказе «Portocala» N. Esinencu С-реалия *dor* актуализирует несколько иное когнитивное содержание: желание, ожидание чего-либо хорошего, приятного.

Подводя итоги проведенного исследования концептуальных С-реалий, отмечаем тот факт, что данный сегмент реаликона литературы Молдавии указанного периода во многом обуславливается идейно-тематической направленностью произведения.

Учитывая разнохарактерность С-реалий, которые отражают аспекты духовного бытия народа (ментефакты) и социокультурные концепты (социофакты), необходимо отметить превалирующее количество концептов, передающих аспекты национальной ментальности. Проведенный анализ

позволяет констатировать доминирование концептуальных реалий, передаваемых духовные состояния, такие как желание, тоска, человечность.

Основные константы молдавской культуры, выраженные С-реалиями, отражающими социальное обустройство и функционирование молдавского общества, среди которых следует отметить ценность родины для молдаван, уважение близких, общинных традиций и обычаев, соблюдение негласных правил общего жития и т. д., занимают по праву ядерную позицию в художественном реаликоне молдавской литературы.

2.4.3. Группа R → C-реалий

Учитывая тот факт, что структура реалии рассматривается как неустойчивое, динамическое, соотношение между сторонами реалии (R-, C- и L-реалиями), было отмечено, что некоторые R-реалии переходят в группу C-реалий, вследствие помещения в новое контекстуальное окружение. Таким образом, была выделена группа реалий, обозначенных в нашем исследовании следующим образом: R → C-реалия.

Процесс категоризации реалий состоит в подтверждении наличия определенных признаков у ЛЕ, обладающих национально-культурной спецификой, которые позволяют дифференцировать их в конкретные группы реалий, путем акцентирования одной стороны реалии: R-, C- и L-реалий. В результате выявления и анализа каждой категории реалий было отмечено, что составленные группы динамичны, обладают зыбкими, нестойкими границами. В некоторых случаях происходит смещение акцента с одной стороны реалии на другую, и в этом случае реалии приобретают свойство переходить из одной категории реалий в другую. Переход реалии из одной категории в другую происходит в случае перераспределения компонентов значения, которое «актуализируется в контексте в силу особого прагматического применения» (*les connotations sont en relation avec le sens lexical d'un mot et s'actualisent dans le contexte en tant que sens pragmatique*),

отражающего «связь реалии с ее контекстуальными условиями» (les culturèmes ... sont en relation avec la phrase littéraire) [Lungu-Badea 2009: 37].

Рассмотрим принцип перехода реалий в другую категорию на конкретных примерах. Бессменным атрибутом пожилого представителя молдавского народа является предмет в виде палки, служащий опорой при ходьбе. Мы целенаправленно не даем эквивалента на русском языке, по той причине, что в анализируемых произведениях данная реалия получает множество номинаций. Чаще всего встречается R-реалия *cârjă* (перевод с рум. костыль, *устар.* посох [Румыно-русский словарь]), эксплицируемая внешним словарным маркером *устар.*, которая обозначает «*baston (încovoiat în partea superioară) care servește la susținerea corpului în timpul mersului mai ales la bătrâni și bolnavi*» (палку с загнутым верхом, поддерживающая больного или пожилого человека при ходьбе) [Dicționar ale limbii române]. Кроме денотативного значения, данная реалия обладает дополнительным когнитивным содержанием «*baston care servea ca însemn al puterii*» (символ силы и власти) [Dicționar ale limbii române].

В романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ отмечаем реалию *toiag* (посох), которая в контексте лексической единицы *дедушка* актуализирует свое денотативное значение. Но данная реалия в контексте художественного произведения наделяется дополнительным коннотативным значением, декодирование которого призвано способствовать раскрытию образа персонажа. В румынском толковом словаре выделяется коннотативное значение данной реалии – *опора, помощь*, а также *символ достоинства или авторитета* [Dicționar ale limbii române]. И, действительно, дедушка главного героя является его опорой, помощником и даже спасителем. Из данного примера следует, что R-реалия, помещенная в конкретный контекст, переходит из референтной категории в класс С-реалий, актуализирующие концептуальные признаки ЛЕ.

Другой пример репрезентирует ассоциативный потенциал дополнительных концептуальных признаков реалий. Использование реалии *codru* (кодру) в рассказе «Portocala» N. Esinencu акцентирует ее образно-символический компонент, отец героя сравнивается с кодрами «*brațe de codru*» (могучий лес). В этом случае реалия приобретает «дополнительные коннотации» за счет «использования в символической функции», что приводит к «категориальной транспозиции» R-реалии, тем самым пополняется класс C-реалий. В основе такой транспозиции лежит метафоризация реалии, которая выделяет культурные константы этноса. В анализируемых произведениях реалия *кодры* предстает как сложный структурный концепт, семантическое содержание которого представлено денотатом (лес), когнитивным уровнем (защита и пристанище в трудные времена) и символично-образным компонентом (могучесть, сила).

Следующая транзитивная R→C-реалия, отражающая молдавскую культуру, выявленная в рассказе «Darugi» I. Druță, представляет танец *joc* (жок), который по праву пополняет список культурных констант молдавского народа, ведь *joc* (жок) – это не только «массовый молдавский танец, при котором образовывается большой общий круг, из которого танцоры перестраиваются в маленькие круги, образуя различные переплетения» [Википедия]. Когнитивное содержание реалии *joc* гораздо шире, чем представленное в интернет-энциклопедии «массовое народное гулянье с танцами и играми», обозначая «целое танцевальное явление, народное гуляние, которое устраивалось в каждом селе на определенном месте» [Молдаване 2010: 485]. В рассказе «Darugi» I. Druță актуализируется прагматическое значение данной культурной константы *joc* – важное социальное явление, к которому готовились заранее, чтобы не опозориться на людях.

Переход (транспозиция) реалии из категории R-реалий в категорию C-реалий основывается на восприятии объективной действительности с

субъективной позиции носителей языка. Включение R-реалии в различные контексты обуславливает выделение части значения, подходящей для данного контекста. Так, например, реалия *gospodar*, обозначающая хорошего хозяина, в определенном контексте приобретает лишь одно значение, которое актуализируется на уровне умозрительного восприятия референта. Обращение к персонажу *măi, gospodare* (эй, молодой хозяин) [Бешлягэ 1981] передает отношение говорящего к адресату, что обуславливает выделение концептуальной стороны значения данной реалии, заключающееся в иронизации значения.

Таким образом, в результате исследования была выделена отдельная категория реалий, включающая культурномаркированные ЛЕ, в основе выделения которых лежит референтный признак, но которые приобрели в результате интегрирования в конкретный контекст дополнительный концептуальный признак. Референтный признак, отсылающий к денотативному значению, позволяет отнести реалию к категории R-реалий, а концептуальный признак, репрезентирующий коннотативное значение, делает возможным причислить ЛЕ к категории С-реалий.

2.4.4. Группа религиозных R- / С-реалий

В процессе установления границ художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века были выявлены реалии, связанные общей религиозной тематикой, которые представляется возможным объединить в отдельную группу так называемых религиозных реалий [Гак 1998: 150].

Отмечено, что православные реалии не отличаются высокой частотностью и повсеместностью употребления, т. к. произведения, написанные в 50-е – 60-е годы XX-го века, характеризуются большей частью антирелигиозными и атеистическими тенденциями в силу особых политических условий того времени. Писатели избегали затрагивать темы

религии в своих произведениях. Так, например, роман В. Бешлягэ был написан в 1966 году в годы хрущевской оттепели, когда в литературу Молдавии приходят новые веяния, что объясняет фигурирование незначительной доли реалий религиозного характера среди общего количества выявленных реалий.

Наиболее значимая R-реалия, обнаруженная в романе, оказалась реалия *icoană* (икона), которая являлась и является неотъемлемым культовым предметом в каждом молдавском православном доме. Даже в годы советской власти левый угол почти каждой комнаты дома был украшен, обрамленной *prosop* (рушником) иконой. В романе один персонаж-негодяй срывает со стен иконы, рушники, бросает их на пол; данный когнитивный контекст усиливает восприятие иконы как святого предмета, не терпящего кощунственного отношения. Функциональная значимость религиозных реалий в данном романе состоит в том, чтобы отразить духовно-нравственные ценности молдавского народа как его имманентные культурно-национальные характеристики.

Иначе дело обстоит в романе «Белая церковь» И. Друцэ (1982), который содержит основную часть православных реалий из общего количества выявленных реалий данного подтипа, что объясняется идейно-тематической направленностью произведения. Создание художественного произведения-средоточия христианских мотивов в советское время не совпадало с государственной идеологией, но, как считают исследователи творчества И. Друцэ, советская критика «стыдливо обходила вниманием наиболее уязвимые, с точки зрения официальной идеологии государственного атеизма, места, где текст соотносился с христианским сознанием молдаван» [Гусаков 2015: 29].

Темы православного христианина, православного становления молдаван затрагиваются во многих произведениях И. Друцэ. Как справедливо подмечают литературоведы-исследователи его творчества,

«проза и драматургия И. Друзэ насыщены текстами псалмов, образами святых и даже пересказами некоторых библейских эпизодов» [Тернова 2016: 316]. Для И. Друзэ «христианская идея не просто важна, она центральная в его творческой судьбе» [Цвик 2008: 165].

В своих художественных произведениях писатель часто рассматривает вопросы веры и духовного развития как на уровне отдельно взятой личности, так и на уровне всего национального сообщества. Роман «Белая церковь» поднимает проблему «дуализма бытия человека между полюсами материального и духовного» [Федоренко 2008: 188], и рассматривается критиками как «эссе о крестьянской духовности и месте религии в жизни сельских молдаван» [Хтичинс 2008: 198].

Остановимся подробнее на той части религиозного (православного) реаликона романа «Белая церковь», которая включает R-реалии – материальное воплощение христианской жизни молдавского народа. Православные R-реалии анализируемого романа включают следующие категории: служителей культа, культовые предметы, культовые здания.

Интересная точка зрения высказана исследователями в рамках когнитивной лингвистики, когда православный церковный обряд рассматривается как «канонически и исторически закреплённый сценарий, в котором можно выделить: тему, роли участников, последовательность действий, интерьер, атрибуты и т.д.» [Алексеева 2011: 201]. С этих позиций служители культа рассматриваются не только как участники церковных таинств, но и как устроители церковной жизни в целом; их лексические номинации присущи лишь православию: *митрополит, архимандрит, старец, патриарх, игумен, послушник* [Друзэ 1985] и др.

Идентичная самобытность наблюдается и на уровне культовых предметов и зданий: *икона, риза, клирос, клобук, подрясник; обитель, келья, скит, трапезная* [Друзэ 1985] и т. д. Как было отмечено выше, перечисленные реалии не являются сугубо молдавскими реалиями, будучи

присущи православному миру в целом, и могут также быть отнесены к «международным» [Влахов 2006: 75].

Православные R-реалии в романе «Белая церковь» И. Друцэ отображают материальное воплощение православных традиций молдавского народа, которые находятся в тесной связи с всеобщими православными традициями.

Учитывая исключительность идейно-тематического построения романа «Белая церковь» И. Друцэ как произведения христианской литературы (автор сначала представил материал в виде пьесы, первоначально называвшейся «Обретение Бога»), а также стремление автора донести до читателя духовные богатство и тяготения молдаван, часть религиозных реалий включает S-реалии.

Отмечаем, что ономастические религиозные реалии (именования святых, названия молитв и др.) отражают первостепенные святыни православных христиан, к которым относятся и молдаване. Частотность появления в авторском повествовании и в речи персонажей теонима *Пресвятая Дева, Дева Мария* свидетельствует об особом почитании Матери Божьей не только, молдаванами, типажи которых представлены персонажами произведения, но и самого автора, осознающим себя типичным представителем своей нации. Своеобычное отношение православных молдаван к святым отражено концептуальной реалией *Никола-угодник*, который очень популярен в православной культуре и воспринимается как святой помощник.

Равным образом S-реалии, отражающие культовые понятия и ритуалы, передают особенности православной культуры молдавского народа. Так, например, понятия, отражающие присущие лишь православию признаки: *великий пост, говеть, первопрестольный, монашеский чин* [Друцэ 1985] – глубоко укоренились в жизни молдаван. Некоторые религиозные понятия присутствуют лишь в молдавской культуре. В следующем примере

актуализируется когнитивное содержание С-реалии *романъ* (помин): «*Вот, - сказал он, протянув ей жестяную кружку с какой-то теплой жидкостью, - за помин предков, основавших, так сказать...*» [Друцэ 1985], в данном случае реалия *за помин предков* отражает обрядовые обычаи молдаван, когда в специальные поминальные дни поминают усопших, «дают *поману*, т.е. пекут калачи, приобретают полотенца, платочки, тарелочки, чашки, конфеты, выпечку, вино и раздают все это родным и близким, друзьям, соседям и незнакомым прохожим, со словами, что данная *помана* дается за упокой души умершего (*de sufletul ...*) с упоминанием имени умерших родителей, родственников, друзей и т.д.» [Молдаване 2010: 362]. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова существует С-реалия *помин*, но в отличие от молдавской лингвокультуры в русском языке данная реалия отмечена как устаревшая ЛЕ, которая истолковывается как *поминание, поминовение* и встречается в выражении *на помин души* со значением *в память об умершем*.

Немаловажным когнитивным содержанием обладают С-реалии, обозначающие культовые ритуалы и ритуальные действия: *благословлять, исповедоваться, святое причастие, крещение, церковные требы, полуношница, отпевать* [Друцэ 1985] и др. Каждая из перечисленных С-реалий содержит лингвокультурную специфику, характерную для православной религии. Так, например, С-реалия *отпевать* в толковом словаре русского языка поясняется как «совершать над покойником обряд отпевания» [Толковый словарь русского языка]. Некоторое семантическое сходство обнаруживаем и в толковом словаре французского языка, выражаемое словосочетанием *office des morts* «ensemble des prières instituées en commémoration des morts» (совокупность молитв, читаемых в память об умерших) [Larousse]. Если на уровне семантики слов, выявляемые различия не существенны, то на уровне когнитивного содержания, расхождения в интерпретации обозначенных реалий приобретают первостепенное значение [Гак 1998: 141, 149-150]. Столкнувшись с данной реалией в художественном

тексте, православный реципиент увидит образ, картинку, связанную с его житейским опытом, которая вызывает у него определенные ассоциации, во многом, если не совсем, отличающиеся от когнитивного наполнения представителя другого религиозного направления.

В процессе исследования были выявлены концептуальные С-реалии, которые заслуживают отдельного рассмотрения, т.к. они передают дополнительные историко-личностные фоновые знания. С-реалия «*час умного безмолвия*» входит в число «эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры» [Стернин 2015: 319], и ее укоренение в православии непосредственно связано с именем упомянутого в рамках нашего исследования старца Паисия Величковского – «Великого старца Молдавского», считающимся возродителем «умного делания», «умной молитвы» [Православие]. Будучи долгое время монахом на Афоне, старец Паисий вдохновился трудами святых греческих отцов «Добротолюбия» и привел многочисленные доказательства почитания «умной молитвы» – «в уме же да действует тайно и хранится молитва» [Савчук].

Православный реаликон романа «Белая церковь» во всей своей совокупности призван выполнить эту двойную задачу: отобразить жизнь православных молдаван и представить авторскую позицию, которая акцентирует балансирование «между полюсами материального и духовного» [Федоренко 2008: 188] человека, находящегося в поисках Бога.

Как видим, религиозный реаликон не соотносится полномерно только с молдавской культурой, но является ее частью, которая связывает ее с другими (православными) культурами, что обуславливает его периферийную позицию в художественном реаликоне литературы Молдавии.

2.4.5. Группа внешних L-реалий

В ходе исследования и выделения реаликона корпуса художественных произведений литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века отмечены реалии, отражающие референтные и концептуальные понятия, которые являются «внешними» для описываемой в художественных произведениях молдавской культуры. Такие реалии представлены «чужими» номинациями; исходя из этого, стало необходимым обособление номинативной части реаликона и обозначение таких реалий термином «внешние L-реалии».

Внешние по отношению к молдавской культуре L-реалии эксплицируются большей частью внутренним словарным маркером, соотносящих их с определенной лингвокультурой, и внешними маркерами в виде стилистических помет *местн., устар., ист.*

Значительная часть «внешних» L-реалий представлена «чужими» ономастическими реалиями тех культур, которые описываются в анализируемых произведениях литературы Молдавии. Среди них отмечаем турецкие ономастические реалии *Мохамед – бей, Махмуд, Абдул Хамид*; русские *Иван Карлович, Захар Зотов, Безбородько, Александр Матвеевич* [Друцэ 1985]. Такое разнообразие объясняется тем, что в романе описываются события, в которых принимали участие несколько стран. Идентичное многообразие отмечается и на уровне хронотопной маркированности романа, действия которого происходят помимо Молдавского княжества и в Российской империи, что отражается соответствующими национальными топонимами *Сибирь, Волга, Нева, Зимний, Болотная площадь* [Друцэ 1985] и т.д.

Большая часть «внешних» L-реалий выделена в романе «Белая церковь» И. Друцэ и представляет турецкие реалии, обусловленные тематическим содержанием произведения, описывающего конкретные исторические события (события русско-турецкой войны 1787-1791 гг.). Исходя из этого, в анализируемом произведении доля лингвокультурных

реалий, отражающих турецкую действительность того времени, достаточно высока. Наличие «чужих» для молдавской действительности L-реалий: *каймакам, фирман, хана, капуджи, сераскир, паша* [Друцэ 1985] – обусловлено логической связью с тематикой произведения.

Приведем в качестве примера некоторые L-реалии, которые использованы в романе «Белая церковь» И. Друцэ. Так, реалия *капуджи* выражает одновременно национальную (турецкую) и историческую (XVII-XVIII веков) действительность. В терминологическом словаре слово *капуджи* трактуется как «дворцовые привратники в Османской империи. Их начальник — капуджи-баши, придворный сановник, ведавший охраной султанского дворца, церемонией представления» [Словарь турецких терминов]. Как видим, внутри словарной дефиниции обособляется информация *в Османской империи*, эксплицитно отсылающая к турецкой действительности.

Кроме турецких реалий в романе И. Друцэ отмечены и слова-реалии русской культуры, большей частью, отображающие исторические предметы и понятия: *верста, грош, сажень, фельдмаршал, царица, государыня, казак* [Друцэ 1985] и др.

Например, историческая реалия *казак*, характеризующая молдавскую действительность описываемого периода и отражающая межнациональные отношения с Россией, определяется в Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова следующим образом: 1. в старину на Украине и в России: член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства; 2. ... боец кавалерийской воинской части, состоящей из этих крестьян [Толковый словарь русского языка Ожегова С.И.].

Количество «внешних» L-реалий в остальных произведениях анализируемого корпуса на порядок ниже, но, тем не менее, они обладают весомой значимостью. Несмотря на то, что отношение критиков к роману «Крик стрижа» В. Бешлягэ отличается неоднозначностью [German 2015: 4-5],

для нас важно, что в этом произведении затронута военная тема, поэтому в романе присутствуют «чужие» военные реалии. Так, например, L-реалии *polcovnicul, razvetca* [Бешлягэ 1981] являются чужими для молдавской действительности, описываемого в романе времени, и выполняют функцию маркера «чужой» культуры, тогда как в исходном тексте данные реалии: *полковник, разведка* теряют маркированность «чужого» и воспринимаются реципиентом как принадлежащие описываемой в романе культуре.

Другие примеры «внешних» L-реалий касаются общественно-политической реальности, включающей обозначения носителей власти, которая объясняется историко-тематическим разнообразием анализируемых произведений. В романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ и в рассказе «Ciugur-Mugur» Р. Воџу отражается советский период, следовательно, органы и носители власти, обозначаются соответствующими описываемому периоду лексическими единицами: *nacealnic* [Бешлягэ 1981], *selsovet, brigadirul* [Воџу 1961].

Некоторые «внешние» L-реалии эксплицируются лишь контекстом произведения либо внесловарными источниками, т.к. в толковом словаре румынского (молдавского) языка отсутствует как лексическая номинация, так и поясняющая ее дефиниция. Так, например, «внешняя» L-реалия «*канут*» в следующем контексте ... *a tormăit ceva de a înțeleș numai: «Канут!» / ... бормоча под нос: «Канут, канут!»* ... [Бешлягэ 1981] актуализируется предположительно внесловарными данными, фоновыми знаниями реципиентов всех текстов, и исходного, и переводного.

Допустимость инфильтрации «внешних» реалий в принимающую лингвокультуру основывается на потенциальной знакомости ЛЕ и, наряду с этим, ее явной чуждостью. Функциональная значимость таких реалий ограничивается необходимостью отражения «чужой» культуры. Отмечаем, что проникновение «внешних» L-реалий в другую лингвокультуру

предопределяется сопредельностью, взаимодействием языков и культур, с одной стороны, и их несхожестью, разнородностью, с другой.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Важным этапом в исследовании совокупности реалий художественного произведения является составление реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века как репрезентативного материала, отражающего национально-культурную специфику ЛЕ. Решение данной задачи потребовало применения определенных критериев выделения реалии как культурномаркированного элемента, образующего художественный реаликон.

2. Первостепенное значение в процессе выделения реалии придается спецификации ее контекстуального употребления. Именно в контексте произведения выделяется его национально-культурный компонент, определяющий культурную маркированность реалии. Конкретизация национально-культурной специфики реалии происходит при декодировании узкого контекста ее применения.

3. Следующий этап выделения реалии сопряжен с анализом словарного определения ЛЕ, включающего несколько типов маркированности реалий. *Эксплицитный внутренний словарный маркер* выражается толкованием непосредственно внутри словарной статьи и отличается наличием компонентов значения, отражающих национально-культурную специфику ЛЕ. *Эксплицитный внешний словарный маркер*, представленный металингвистическими характеристиками ЛЕ в виде стилистических помет, таких как: *молд.* (молдавский), *местн.* (местный, региональный), *народн.* (народный), *устар.* (устаревший), *ист.* (исторический), *прав.* (православный), *церк.* (церковный) способствует категориальной характеристике ЛЕ и определению ее принадлежности к классу реалий. Внешние словарные маркеры *молд.*, *местн.* фиксируют географическо-пространственное распространение и эксплицируют национальный колорит ЛЕ, в то время как маркеры *народн.*, *разг.* предопределяют социальную отнесенность ЛЕ внутри национального языка, акцентируя внутринациональные характеристики

обозначаемых предметов и явлений. *Имплицитный словарный маркер* служит выделению возможной, подразумеваемой национально-культурной референции ЛЕ, содержащейся, в частности, в фоновых знаниях носителей языка. *Внесловарный (метатекстовый) маркер* предполагает использование дополнительных информационных ресурсов (тематико-информационных интернет-порталов) для выявления национально-культурной специфики ЛЕ.

4. В основу составления художественного реаликона лег принцип выделения референтного, концептуального и номинативного признака реалий, который позволил дифференцировать внутри художественного реаликона два сегмента: ядро и периферию. Ядро содержит несколько сегментов: предметно-референтную часть, включающую R-реалии (этнографические, ономастические и исторические); концептуальную часть, включающую C-реалии, и группу так называемых транзитивных $R \rightarrow C$ -реалий. К периферии художественного реаликона следует отнести группу религиозных R-/C-реалий и группу внешних по отношению к молдавской культуре L-реалий.

5. Предметно-референтная часть художественного реаликона составляет несомненное большинство (63%) от общего количества отобранных реалий. Подтип этнографических R-реалий (60,3 % от общего количества R-реалий) отражает специфичность социально-родственных отношений, организации жилища и хозяйственных построек, предметов одежды, способов приготовления пищи, восприятия окружающей действительности и т.д.

Немалочисленную группу реалий составили ономастические R-реалии (35,1 % от общего количества R-реалий), представившие в основе своей общеупотребительные в описываемый период антропонимы, топонимы, некоторые характерные для молдавской лингвокультуры зоонимы.

В процессе исследования художественного реаликона анализируемых произведений путем анализа словарных дефиниций выделена отдельная

группа R-реалий, отмеченных внешними и/или внутренними маркерами: *исторический, архаичный, в прошлом* и выделенных на основе хронологического признака. Данные реалии определены в подтип исторических R-реалий (8,5 % в составе общего количества реалий) и составили исторический реаликон исследуемых произведений конкретного исторического периода.

Часть ядра художественного реаликона (С-реалии) (21 % от общего количества выделенных реалий), которую можно охарактеризовать как ментальный реаликон литературы Молдавии анализируемого периода, отображает аспекты национальной ментальности и духовную сторону жизни народа, фиксирует социокультурные ценностные ориентиры и нравственные регуляторы, являющиеся доминантными в молдавской культуре.

6. В результате исследования художественного реаликона отмечается отсутствие четких, однозначных границ между группами различных категорий реалий. Вследствие контекстной обусловленности некоторые реалии приобретают свойство переходить из одной категории реалий в другую. R-реалии, выделяемые на основе референтного признака, приобретают в конкретном контексте дополнительный коннотативный признак, который делает возможным обособить группу R → С-реалий (2 %) и обозначить их термином транзитивные реалии. Данный тип реалий отличается высокой степенью национальной маркированности и входит в ядро художественного реаликона литературы Молдавии исследуемого периода.

7. Внутри художественного реаликона произведений литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века обособлена его периферийная часть, которая включает реалии, отображающие различную степень сопричастности иных культур молдавской культуре. Этот сегмент реаликона объединяет религиозные R-/С-реалии, отражающие материальное и духовное воплощение христианской жизни молдавского народа. Такое реалии

составили религиозный (православный) реаликон (9,2%) анализируемых произведений. Другая группа реалий периферии художественного реаликона включает также «внешние» L-реалии (14 %), обозначающие чужую для молдавской культуры реальность. Функциональная значимость «внешних» L-реалий ограничивается необходимостью отражения «чужой» культуры.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ РЕНОМИНАЦИИ РЕАЛИЙ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

3.1. Маркеры чужих реалий в переводном художественном тексте

В главе III данного исследования будут проанализированы особенности реноминации реалий, входящих в состав реаликона молдавской литературы 60-х – 80-х годов XX века, и выявлена степень сохранения во французском тексте «чужого» национального колорита.

Французский переводной художественный текст, рассматриваемый как базовый материал для исследования, представляет собой продукт процесса межъязыковой реноминации, основное предназначение которого состоит в достижении эквивалентности, реализуемой на различных уровнях употребления ЛЕ: денотативном, коннотативном, прагматическом, импрессивном и т.д.

Многосторонность реалии и тот факт, что она обозначает свойственный одной культуре и отсутствующий в другой элемент, позволяет выдвинуть на первый план основополагающий принцип определения реалии, опирающийся на выявление элементов «чужой» культуры с помощью определенных контекстуальных (лингвистических) маркеров на предмет наличия / отсутствия какой-либо стороны реалии в соприкасающихся лингвокультурах.

Важнейшим маркером «чужого» колорита является присутствие в переводном тексте графемно-фонемной реноминации, которая осуществляется средствами французского языка путем приложения присущих ему орфографических / орфоэпических норм. Причиной создания таких реноминативных форм служит отсутствие референтного и концептуального соответствия культурномаркированной ЛЕ во французской лингвокультуре и, следовательно, лексическая лакунарность.

Критерий *наличия «чужой» лексической единицы* является одним из основных маркеров определения реалии в анализируемых текстах. С опорой на данный критерий выделена группа «чужих» L-реалий, представляющих некое средоточие «чужой» культуры в принимающей лингвокультуре, и претерпевшие определенные семантические / лексические преобразования в процессе взаимодействия соприкасаемых культур. Данная группа включает заимствованные ЛЕ, которые зафиксированы в словарях французского языка и отсылают к конкретному хронологическому периоду развития «чужой» лингвокультуры. Такие реалии определяются как знакомые, освоенные принимающим языком.

Часть выделенных во французском тексте «чужих» L-реминаций не находят свое отражение в словарях французского языка и присутствуют исключительно в контексте анализируемых французских переводных художественных текстов. В этом случае можно говорить о неосвоенных, незнакомых «чужих» реалиях, идентификация которых демонстрирует полное отсутствие соответствия сторон реалии в принимающей лингвокультуре.

Семантический компонент «чужих» номинаций, отражающих «чужую» действительность во французском тексте, варьирует в зависимости от тематической направленности текста.

Так, во французских текстах отмечается наличие «чужих» ЛЕ, отображающих советскую действительность Молдавии, в частности:

*...car le **kolkhose** a bâti dans la cour de la mère Cassandra une crèche à ravir.;*

*... Le père Calin montait la garde au **soviet** du village... [Voda 1986];*

*Si un jour on les envoie travailler au **kolkhoze** Poussinet ira avec sa mère [Droutsas 1985].*

Кроме этого, отмечается наличие «чужих» номинаций, служащих отображению и других исторически обусловленных реалий Молдавии, как, например:

Voilà, j'ai gagné quelques lei.;

*... quand il besognait comme berger chez le boyard Ouantchea [Botsou 1987], где lei определяется как «денежная единица Румынии и Молдавии» (unité monétaire principale de la Roumanie et de la **Moldavie**) [Larousse], а реалия boyard как «дворянин высокого ранга в славянских странах, особенно в России (XVIII-XVIII века), а также в Молдавии, Валахии и Трансильвании» (noble de haut rang dans les pays slaves, particulièrement en Russie (Xe-XVIIIe s.), ainsi qu'en **Moldavie**, en Valachie et en Transylvanie) [Larousse].*

В некоторых текстах отмечены «чужие» номинации, воссоздающие инокультурную реальность, чуждую не только для французской лингвокультуры, но и для молдавской, например:

... lui recourbant la pointe à la manière d'un yatagan qu'il avait vu dans le manuel d'histoire [Botsou 1987];

... un soir où toute la famille attendait attablée que la mère serve la polenta ... [Droutsu 1985];

En cercle fermé autour des ces pauvres gens, les janissaires bien au chaud dans leurs touloupes, sur leurs chevaux bien nourris, échangeaient des propos insouciantes.;

Le rempart principal de la forteresse d'Izmaïl avait une longueur totale de six verstes, et il atteignait par endroits quatre sagènes de haut [Droutsé 1985].

«Чужие» L-реноминации, фигурирующие в анализируемых французских текстах, отражают уникальность, исключительность молдавской культуры с позиций французской, где отсутствуют референты, номинации, концептуальные признаки «чужих» реалий, например:

... sans parler des cliquetis de nos deux clochettes, du claquement du fouet, du mugissement du *boukhaï*¹, sans compter que le nom de la maîtresse de la maison y était prononcé;

... mon père disait qu'étant encore enfant **le grand-père Cretchoune** l'avait déjà connu et l'avait toujours vu couché sur un flanc et aussi noueux comme il l'est maintenant [Voda 1986].

Значение таких реалий декодируется либо внетекстовыми экспликациями, как в случае пояснения значения «чужой» L-реалии *boukhaï*¹ внетекстовой экспликацией *instrument musical dont le son émis ressemble au mugissement du taureau* (музыкальный инструмент, звуки которого напоминают мычание быка), либо сопутствующим реалии узким контекстом, как в примере **le grand-père Cretchoune**, где узкий контекст *le grand-père* эксплицирует реалию *Cretchoune* как ономастическую.

Следует обратить внимание на тот факт, что идентификация «чужой» L-реалии во французском тексте осуществляется по ее формальным характеристикам. «Чужая» реалия, в случае ее незнакомости в принимающем языке воспринимается как чужеродное слово, как ксенизм, который «сохраняет графемно-фонетические характеристики своего языка, не зафиксированные в словарях языка-получателя» [Чекалина 1998: 167].

Внешняя, графическая, сторона иноязычных реалий во французском языке обуславливается в основном фонологическими характеристиками исходной ЛЕ. В процессе интеграции в принимающую лингвокультуру реалии сталкиваются с проблемами графической репрезентации, которая может «свидетельствовать о хорошей приспособляемости «чужой» ЛЕ в принимающем языке» (*est un indice probant de la bonne acclimatation à la langue-cible du mot voyageur*) [Quéffélec 2000: 284].

Результат процесса реноминации ярких «чужих» лингвокультурных реалий основывается на применении таких приемов передачи

культурноспецифической лексики, которые в ряде работ получили название «приемы механической передачи» [Гудий 2012: 182] и которые включают:

«Прямой перенос: Catherine Le Grand – Catherine Le Grand.

Транслитерирование: Николай Иванович– Nikolaï Ivanovitch.

Транскрибирование: Ника – Nika» [Гудий 2012: 182].

Транскрибирование рассматривается как «прием, который воспроизводит звуковую форму исходного слова» (*reproduce forma sonoră a cuvîntului original*), а транслитерирование – как «передача графической формы слова при переводе» (*procedeul de transmite a formei grafice în traducere*) [Ungureanu 2013: 30]. Оба приема находят свое отражение в корпусе анализируемых французских текстов, особенно при реноминации ономастических и этнографических реалий, которые включают в себя наибольшую концентрацию национально-культурной специфики. Применение приема транскрибирования акцентирует фонематический аспект «чужой» L-реалии: *Movilè, Passéré, Gutsè, Prout, Salkoudza; borch, opintchi*, в частности:

Allons, mon brave, viens chez moi, je veux te régaler d'une assiette de borch ... (*Potage moldave.);*

Le train aux wagons poussiéreux traverse les collines en pente douce de la Bessarabie amène les voyageurs dans la région des lacs de Boudjak ... [Botsou 1987];

... un petit village portant le doux nom de Salkoudza [Droutsé 1985].

Прием транслитерации фиксирует графическую форму чужой L-реалии: *Putna, Katinka, Ipati, Soroki; lei, zama*, например:

Quels travailleurs les fils de la Fracina [Bechliaga 1987].

Таким образом, графическая сторона чужих реалий воспринимается как безусловный репрезентант «чужой» культуры, однако их семантика раскрывается исключительно с помощью (узкого или широкого) контекста произведения.

Ареал распространенности реалии не ограничивается рамками «своей» лингвокультуры, границы которого расширяются в зависимости от степени знакомости и проникновения реалии в другие лингвокультуры.

В количественном исчислении критерий *наличия «чужой» лексической единицы* оказался эффективным в 32,8% случаев выявления ЛЕ, относящихся к категории реалий, от общего количества культурномаркированных единиц. Данный критерий оказался применим в основном для выявления R- и L-реалий, что свидетельствует о преобладании распространенности лексического и референтного (материального) проявления «чужой» культуры во французском тексте.

Следующим критерием выделения части реаликона литературы Молдавии обозначенного периода стал критерий, основанный на категориальной характеристике реалий. Он распространяется на так называемые сходные реалии и отражает отличия на уровне денотативного или сигнификативного значений соответствующих ЛЕ, называющих реалии. Маркером выявления «чужой» реалии выступает критерий *отсутствия части денотативного значения*.

Рассмотрим примеры в следующем контексте:

Nous nous sommes doucement approchés d'elle et nous sommes restés à la regarder étaler la serviette blanche [Voda 1986].

... faire tomber des murs tout ce qu'il y avait: des images saintes, des photographies, des serviettes brodées [Bechliaga 1987].

В вышеуказанных примерах отмечаем ЛЕ *serviette*, дополненную эксплицирующими определениями. При обращении к толковому словарю французского языка выделяем следующие семантические признаки денотативного значения ЛЕ *serviette* «*pièce de linge rectangulaire, en tissu absorbant, servant à s'essuyer (le visage, les mains, le corps), utilisée aussi pour les soins corporels et certains usages thérapeutiques*» (прямоугольный кусок ткани, используемый для вытирания лица, рук, тела, для ухода за телом и в

некоторых терапевтических целях (*Здесь и далее перевод дефиниций с французского языка на русский наш. – И.М.*) [Dictionnaire de l'Académie française]. Данная французская ЛЕ используется в тех случаях, где в исходном тексте употребляется молдавская реалия *prosop* (ед.ч.) / *prosoape* (мн. ч.), денотативное значение которой включает в себя следующие семантические признаки «*bucată dreptunghiulară de țesătură ornamentată care servește ca podoabă în casele țărănești* (прямоугольный кусок **орнаментированной** ткани, служащий **украшением** в **сельских** домах) [Dicționare ale limbii române]. Часть денотативного значения указанной реалии отсутствует в толковом словаре французского языка. Имплиcitный маркер **орнаментированной, украшением, в сельских домах** позволил выделить критерий идентификации реалии на основе отсутствия части значения, а именно денотативного, т.к. отражает различия на уровне референтной характеристики реалии.

Критерий *отсутствия части (денотативного) значения* позволил выделить 18,7 % реалий от общего количества реалий, составляющих художественный реаликон анализируемых произведений.

Семантическая экспликация понятий и явлений делает акцент на характеристике их значения как «совокупности существенных признаков обозначаемых словом» [Кобозева 2000: 81], являющимся ментальным отражением окружающей действительности. Расхождения на уровне сигнификативного компонента значения отражают различия способов восприятия ментальных образований в разных культурах. В данном случае маркером выделения реалии выступает критерий **отсутствия части сигнификативного значения**.

Рассмотрим несколько примеров культурной маркированности реалии на уровне ментального восприятия абстрактной действительности:

... lorsque les cerises mûrissent dans leurs vergers, les gens semblent avoir changé leur manière d'être [Droutsas 1985];

... *et alors un tel mal du pays l'avait serré au coeur* ... [Bechliaga 1987].

При сопоставлении выделенных ЛЕ, маркирующих концептуальные понятия, обнаруживаем некоторые признаки, отображающие различия реалий в разных языках. В толковом словаре румынского языка значение реалии *feleşag* «fel de a fi, de a se manifesta; fire, caracter, obicei» (способ существования, проявления себя; природные характеристики, привычка) [Dicţionare ale limbii române], дополненное внешним словарным маркером *мест.*, обнаруживает отличия от французской экспликации *manière d'être*, в плане восприятия человека на уровне национальной ментальности. К тому же отмечается отсутствие во французском языке специальной лексической номинации для обозначения данного понятия.

Следует отметить, что маркер *отсутствие части сигнификативного значения* ЛЕ применим лишь к определению категории С-реалий. В количественном соотношении, эффективность данного критерия отличается низкими показателями, 4,8 % от общего количества выделенных реалий.

Значительная часть реаликона анализируемых произведений была выделена при более глубоком сопоставлении семантических компонентов словарных дефиниций, отобранных ЛЕ. При анализе семантических признаков ЛЕ на основе толковых словарей двух языков выявляются различия на уровне коннотативного значения, воплощающего национально-культурную специфику реалий. Наличие национально-культурной коннотации ЛЕ обуславливает применение критерия *отсутствия части (коннотативного) значения*. Данный критерий опирается в основном на внешние словарные маркеры, дополняющие словарные дефиниции в виде стилистических помет: *разг., местн., народн., истор., устар.* и др.

Рассмотрим несколько примеров:

... *la plus misérable, la plus exigüe, la plus vétuste cahute* ... [Bechliaga 1987].

В семантической дескрипции реалии *cahute*, используемой во французском тексте указанного романа, отсутствует коннотация, фиксирующая пространственную локализацию реалии. В толковом словаре французского языка не фиксируется коннотативная часть значения ЛЕ, в которой заключается культурнозначимая информация, являющаяся дифференцирующим признаком реалии. В то время, как определение реалии *bojdeuca* (хижина), которая используется в тексте оригинала, дополнено пометой *регионализм*, данное коннотативное значение лимитирует область распространения реалии границами конкретной территории.

В предложении *Les maîtres avaient contaminé leurs domestiques, puis, par l'intermédiaire de ces derniers, leurs paysans* [Droutsé 1985] вместо использованных в тексте оригинала реалий *бары, крепостные* (имеющих в словаре внешний маркер *истор.*, что отражает исторически обусловленную коннотативную специфику), употребляются этнически-нейтральные ЛЕ *paysan, maître*, не содержащие данной коннотации.

Выше обозначенный критерий лег в основу выделения 31,2 % реалий относительно других критериев, послуживших определению ЛЕ, обладающих национально-культурной спецификой. Что касается выделения конкретной категории реалий, то отмечено, что большая часть С-реалий отобрана на основе данного критерия.

Таким образом, действенным способом выделения ЛЕ, релевантных для пополнения художественного реаликона, является применение критериев, опирающихся на наличие в переводном тексте «чужой» лексической единицы (номинации) или отсутствия части (денотативного, сигнификативного, коннотативного) значения у используемой во французском тексте реноминативной формы в сравнении с ЛЕ исходного текста.

Итак, выделенные выше маркеры, определяющие соотносимость ЛЕ с категорией реалий, являются важным критерием в вопросе дефиниции

реалий и их разграничения от ЛЕ, не заключающих в себе национально-культурной специфики, в процессе составления художественного реаликона переводного текста.

3.2. Реноминация чужих R-реалий

В рамках лингвистической теории реалии R-реалии рассматриваются как отражение предметно-категориальной структуризации национальной (этнической) картины мира. Выделение в переводном художественном тексте той или иной реноминативной формы предметного отражения национальной жизни позволяет интерпретировать и понять особенности культурно-национальной действительности «чужой» культуры.

Особо важным видится интегрирование реноминативных форм R-реалий в целостность переводного текста для описания, разъяснения, отображения «чужой» национальной специфики в общем контексте переводного произведения. R-реалии как материальное воплощение национальной культуры в общем контексте произведения позволяют реципиенту сформировать представление о «чужой» национальной картине мира, наряду с этим соотнося ее со «своей». Многообразие и разнохарактерность реноминативных форм «чужих» R-реалий во французском тексте обуславливается тематической категоризацией художественного реаликона оригинального текста, а также критериями наличия / отсутствия соответствия реалий в принимающей лингвокультуре. Следует отметить, что реноминативные формы «чужих» R-реалий, фигурирующих в тексте принимающего языка, определяют степень сохранения «чужого» национального колорита в данном переводном художественном тексте.

3.2.1. Способы реноминации этнографических R-реалий

Критерий наличия «чужой» ЛЕ во французском тексте позволил обособить группу реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий, представленных средствами принимающего языка, в виде графемно-фонемных реноминаций.

Чаще всего применение реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий осуществляется при полном отсутствии такой реалии во французском языке, т.е. отсутствие референта (R-реалии) и лексической номинации (L-реалии) для его обозначения в принимающей лингвокультуре. Рассмотрим пример реноминации реалии, обозначающей денежную единицу:

Voilà, j'ai gagné quelques lei [Botsou 1987].

Выделенная реалия, эксплицируемая внутренним словарным маркером *unité monétaire ... de la Moldave* [Larousse], предстает во французском тексте в форме номинации исходного языка. Лексическое значение реалии *lei* декодируется узким контекстом *j'ai gagné*, предполагающим, что речь идет о заработке денег, а значит о национальной денежной единице.

Период советской действительности Молдавии как хронологически более близкий и известный современному читателю представлен во французских текстах реалиями-советизмами, например:

Elle ne voulait pas les confier au kolkhoze? [Bechliaga 1987];

Si un jour on les envoie travailler au kolkhoze Poussinet ira avec sa mère. [Droutsa 1985];

Il est aussi bien portant et donne autant de fruits que jadis, alors que les enfants jouent toute l'année autour de lui, car le kolkhoze a bâti dans la cour de la mère Cassandra une crèche à ravir [Voda 1986].

Перечисленные реноминативные формы зафиксированы в толковых словарях французского языка и не требуют особой экспликации в переводном художественном тексте. Так, реалия *kolkhoze* идентично эксплицируется в словарях французского и румынского языков, где

отражается ее географический (в Советском Союзе) и исторический (бывшем) компоненты значения. Известность и освоенность «чужой» L-реалии во французском языке проявляется идентичной формой написания, что является признаком полного сохранения «чужого» национального колорита в переводном тексте.

В случае употребления «чужих» (молдавских) L-реалий, семантические оттенки, отражающие их национальные особенности, стираются, в этом случае уточняющую, поясняющую роль играют внутритекстовые пояснения и внетекстовые экспликации (С-реалии*).

Отсутствие во французском языке обозначения «чужой» реалии и наличие дополнительной экстралингвистической информации в исходном языке требует применения реноминативных действий, включающих название «чужой» реалии средствами «своего» языка («чужая» L-реалия) и определения реалии путем описания отличительных признаков и свойств («своя» С-реалия). Исходя из этого, метапереводческий текст (внетекстовый комментарий) следует отнести к «идеальному эквиваленту» определения реалии, т. е. это ее концептуальное обозначение, представленное в виде развернутой С-реалии, которую принято отмечать символом* (С-реалия*).

Так, например, отображение национальной характерности молдавского колорита природно-географической реалии *codru* (кодры) реализуется во всех анализируемых французских текстах исключительно при помощи реноминативной формы в виде «чужой» L-реалии, дополненной контекстуальными пояснениями. Частотность обращения авторами исследуемых произведений к данной реалии достаточно высока в силу ее насыщенного семантического и когнитивного содержания.

Рассмотрим пример: *La moitié, ou presque, de la poésie populaire moldave est consacrée aux kodry, ces épaisses forêts de chênes qui, en temps de malheur, donnaient asile à ce peuple et l'ont plus d'une fois sauvé de l'anéantissement complet* [Droutsé 1985].

В словарной статье переводного словаря видим, что *кодру* это *дремучий лес, бор, кодры* [Русско-румынский словарь]. Однако ни одно из этих значений не является достаточным для того, чтобы французский реципиент смог понять специфику данной реалии вне контекста. Во французском тексте национальная специфика указанной реалии передается с помощью реноминативной формы в виде «чужой» L-реалии, которая сопровождается внутритекстовой интерпретацией, представленной в узком контексте: для молдавского народа *кодры*, больше, чем вековые леса – это прошлое, настоящее и будущее народа;– это его судьба. Для молдавского народа, *кодры* всегда значили больше чем обыкновенный лес: это одновременно и защитник, и кормилец, и даже пристанище в самые трудные времена. Именно контекстуальное окружение *ces épaisses forêts de chênes, donnaient asile à ce peuple, sauvé de l'anéantissement complet* эксплицирует и декодирует национальную специфику данной реалии.

Следующий пример L-реноминации анализируемой реалии также проясняется контекстуальным дополнением:

- *Dans quelques jours nous atteindrons les forêts des codry* [Botsou 1987].

В рассказе «Sougour-Mougour» P. Botsou реалия *kodry* предстает в речи персонажа-чабана, из которой становится понятно, что окружающая его реальность отражает обыденную действительность, место хорошо знакомое, там, где он чувствует себя как дома и где он и его близкие в безопасности. В этом переводном произведении «чужая» L-реалия дополнена обобщающей ЛЕ *forêts*, которая вносит уточнение значения: *кодры* - это разновидность леса. Поясняемая контекстом, данная реалия соотносит повествование французского текста с «чужой» природно-географической действительностью, несмотря на некоторую утрату ее когнитивного и прагматического содержания во французском тексте. Таким образом, идейно-тематический замысел автора подтверждается когнитивным контекстом французского текста.

Значительная часть этнографических реалий молдавской культуры подверглась идентичному способу реноминации. Таковы, например, реалии *hospodar* и *hospodina*, которые обозначают хозяина и хозяйку дома. Например:

*A côté de sa hardielle, pensif, le fouet sous le bras, chemine le chef de famille, le **hospodar**, comme ils s'intitulent eux-mêmes; Derrière la chèvre, la stimulant de la bagette, vient la **hospodine*** [Droutsé 1985].

Одно из значений лексической единицы *gospodar* – «хозяйственный человек, умелый хозяин» [Румыно-русский словарь], т.е. тот, кто обладает способностью, рассудительностью, чтобы вести хозяйство. Во французском тексте она реноминирована с помощью транслитерированной «чужой» L-реалии, дополненной внутритекстовым дополнением (С-реалией), которое передает французскому реципиенту информацию, что *hospodar* это глава семейства – *le chef de famille* – и что эта лексическая единица несет дополнительное положительное коннотативное значение. Самим людям нравится называть себя *hospodar* и *hospodina* – *comme ils s'intitulent eux-mêmes*. Таким образом, во французском тексте передан национальный колорит данной реалии.

Интересен случай декодирования незнакомой, неосвоенной «чужой» L-реалии исходного языка посредством «своей» С-реалии с использованием знакомой «чужой» L-реалии стороннего языка. Например:

*... d'une ruelle obscure déboucha une longue télègue moldave – une **karoutsa*** [Droutsé 1985].

Внутритекстовая экспликация, представленная С-реалией *une longue télègue moldave*, содержит более знакомую (точнее, освоенную реалию, поскольку она зафиксирована двуязычным словарем) французскому реципиенту «чужую» (русскую) L-реалию *télègue*, которая способствует усилению национального колорита «чужой» (молдавской) L-реалии *karoutsa*.

Как видим, «чужая» L-реалия эксплицируется внутритекстовым комментарием («своей» C-реалией), которая вносит пояснения лексического значения «чужой» реалии непосредственно во французском тексте.

Ср. также: *Le jeune le serra aussitôt dans sa ceinture de cuir, son “kimir” comme on l’appelle ...; ... partout régnait l’odeur de la friptura – cette viande grillée arrosée d’une exquisite sauce piquante* [Droutsé 1985].

Внутритекстовая экспликация декодирует «чужую» L-реалию, поясняя референтные характеристики реалии, ее предметную соотнесенность: *kimir* – это *ceinture* (предмет, выполняющий функцию ремня), а *friptura* эксплицируется внутритекстовым комментарием (C-реалией): *viande grillée* (жареное и тушеное мясо).

Следует отметить, что «чужие» L-реалии, дополненные «своими» экспликативными C-реалиями* формируют сложные реноминативные формы, предохраняющие частичное сохранение «чужого» национального колорита в переводном тексте.

Рассмотрим роль сложных реноминативных форм молдавских реалий в раскрытии национально-специфического колорита молдавской действительности на примере из романа «L’église blanche» I. Droutsă. Речь идет о R-реалии, являющейся, можно сказать, визитной карточкой молдавской национальной кухни, о реалии *mămăligă* (мамалыга). Реалия *мамалыга* (разг. *мамалыжка*) встречается во многих поваренных книгах как на русском, так и на французском языке.

D’une main experte, à la tombée du jour, les ménagères ont préparé la mamalyga et rassemblé autour d’elle, comme autour du soleil, toute la famille... . (*bouilli épaisse à base de farine de maïs)*[Droutsé 1985].

«Чужая» для франкоязычного реципиента реалия реноминируется транскрибированной «чужой» L-реалией *mamalyga*, дополненной «своей» C-реалией в виде метатекстового, подстрочного комментария «*bouilli épaisse à base de farine de maïs*» (*густая каша из кукурузной муки*). Для молдавского

народа мамалыга, действительно, являлась важной составляющей национального быта, объединяющим элементом семьи. Мамалыгу не едят поодиночке, за столом обычно собирается вся семья, эта национальная особенность представлена и в тексте оригинала, и во французском переводе (ср.: *собирали вокруг нее, как вокруг солнца, всю семью* [Друцэ 1985]/ *rassemblé autour d'elle, comme autour du soleil* [Droutsé 1985]).

Здесь уместно вспомнить высказывание В.И. Карасика о национальной русской реалии – *матрешке*: «это не просто вырезанная из дерева раскрашенная игрушка, но и множество переживаемых ассоциаций, которые возникают у людей, знакомых с традиционной народной русской культурой» [Карасик 2002: 102]. Такие слова можно сказать и о мамалыге, поскольку это не просто национальное блюдо, у молдавского народа оно ассоциируется со многими понятиями как положительными, так и отрицательными.

К замене национального колорита привела попытка реноминировать молдавскую R-реалию *mămăliguța* (*мамалыга*) «чужой» (итальянской) L-реалией *polenta*:

... un soir où toute la famille attendait attablée que la mère serve la polenta
... [Droutsé 1985].

Данный компенсаторный прием подменяет национальный колорит исходного текста «чужим» как по отношению к молдавской, так и французской культуре.

Рассмотрим еще несколько примеров:

La volaille ne manqua jamais dans sa basse-cour et lorsqu'il disait à sa femme de faire une zama toute leur maison s'éclairait. (*zama – met national moldave, potage dans lequel on fait cuire la volaille ou le poisson)* [Droutsă 1985].

Allons, mon brave, viens chez moi, je veux te régaler d'une assiette de borch (*Potage moldave)* [Botsou 1987].

... sans parler des cliquetis de nos deux clochettes, du claquement du fouet, du mugissement du *boukhaï*^{*}, sans compter que le nom de la maîtresse de la maison y était prononcé. (*Instrument musical *moldave* dont le son émis ressemble au mugissement du taureau) [Voda 1986].

Дефиниционное описание, представленное «своей» (французской) развернутой С-реалией* содержит эксплицитный маркер *moldave*, который служит конкретизации принадлежности «чужого» национального колорита в тексте принимающего языка.

Как видим, уникальность и неосвоенность реалии в принимающем языке отражается во французском тексте реноминативной формой в виде «чужой» L-реалии, которая декодируется посредством контекстуального и внетекстового окружения.

Часть R-реалий, репрезентирующих молдавскую лингвокультуру во французском тексте, представлена исключительно при помощи чужой для французского языка номинации – «чужой» L-реалии. Таким образом, фигурирование во французском тексте «чужих» L-реалий в чистом виде, т. е. не дополненных какой бы то ни было экспликацией на французском языке, свидетельствует о полном сохранении «чужого» национального колорита в тексте принимающей лингвокультуры. Отмечаем, что в случае пояснения «чужой» L-реалии при помощи «своей» С-реалии (в виде внутритекстовой экспликации, либо метатекстового комментария), «чужой» национальный колорит передается во французском тексте частично.

Значительная часть R-реалий молдавской лингвокультуры присутствует в тексте на французском языке в виде «своих» (французских) R-реалий в силу схожести референтной характеристики реалий двух языков. Сходность на уровне предметной референции реалий пары языков определяется в результате применения критерия отсутствия части значения (денотативного, коннотативного) сопоставляемой пары реалий. Чаще всего, адаптивная реноминация таких реалий в переводном тексте опирается на

прием уподобляющего перевода, т.е. «использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии» [Федоров 2002: 171] посредством «своей» R-реалии.

В первую очередь рассмотрим молдавские природно-географические реалии, несмотря на их ограниченное количество в анализируемых французских текстах. В общем контексте анализируемых произведений молдавские географические реалии являются отражением специфичного природно-географического пространства Молдавии, несколько отличающегося от природно-географического пространства страны языка перевода – Франции. Рассмотрение реалий природно-географического пространства как части реаликона, отражающего условия и среду обитания народа, т.к. «в дефиниции природных реалий в разных лингвокультурах обязательно есть как универсальные, так и этноспецифические признаки» [Корнева 2014: 71], основывается на их когнитивном содержании, которое «пополняет запас знаний читателя о географии, природе, климате ...», а в ряде случаев служит выражению «оценочного (иронично-негативного) мнения рассказчика» [Абкадырова 2016: 145].

Практически все молдавские природно-географические реалии представлены во французских текстах реноминативными формами «своих» R-реалий, т. е. реноминированны по модели: «чужая» R-реалия → «своя» R-реалия. Рассмотрим следующий пример:

*Toute sa vie le grand-père Mirabellier a veillé sur la source qui se trouve au fond du **vallon*** [Voda 1986].

Значение французской R-реалии *vallon* передает поэтичность пейзажа, зафиксированным в словаре прилагательным «*petite dépression allongée entre deux collines*» [Dictionnaire de l'Académie française]. Сопутствующий когнитивный контекст «*au fond du **vallon***» (в самой глубине оврага) позволяет восполнить недостающий признак молдавской природно-географической реалии *râpă*: «*coastă **abruptă** a unui deal*» (*крутой* склон холма) [Dicționare

ale limbii române] и передать образно-эстетическое единство французского текста.

Заслуживает особого внимания изучение этнографических R-реалий, выражающих родственные отношения внутри представителей одного народа, т. к. термины-выразители родства отражают социально-установленные нормы родственной организации общества. Родственные отношения существуют у каждого народа, но первостепенное значение и соответственно лексическое обозначение дается лишь тем, которые являются наиболее важными для конкретного этноса. Рассмотрим следующий пример:

*Mais attends que nous ayons écrasé les Turcs, et si Dieu le veut, la prochaine fois que ta noble épouse accouchera, tu me convieras comme **parrain**, je prendrai toute ta progéniture sur mes genoux* [Droutsé 1985].

В силу того, что во французском языке отсутствует часть денотативного значения реалии *cumătri* (кумовья) «nașul sau nașa în raport cu părinții copilului botezat ori cu alte rude» (крёстные по отношению к родителям крестника и к крестной матери) [Dicționare ale limbii române], во французском тексте отмечается лакуна, которая была заполнена «своей» (французской) R-реалией *parrain*, которая имеет значение «celui qui présente un enfant à la cérémonie du baptême» (тот, кто представляет ребенка на церемонии крещения) [Larousse], где отражаются отношения крестного отца и ребенка, а не его родителей как в молдавской лингвокультуре.

Идейно-тематическая установка произведений, написанных во второй половине XX-го века (60-е – 80-е года) подчиняется единым призывам времени: отражение национально-культурной самобытности народа. Вследствие этого основной состав этнографических R-реалий служит обозначению предметов обихода молдавского народа, которые представлены во всех анализируемых текстах достаточно широко. Исследуемый корпус французских текстов изобилует реноминативными формами молдавских этнографических реалий, которые активно используются для характеристики

различных сфер повседневной жизни народа, таких как: предметы быта, жилище и постройки, еда, одежда, транспорт и др.

Большая часть указанных реалий реноминируется «своими» (французскими) R-реалиями, которые передают их семантику, но приводят к замене «чужого» национального колорита «своим». Рассмотрим пример адаптивной реноминации повторяющейся в нескольких французских текстах молдавской реалии *traistă* (торба, котомка, сума): *balluchon* [Botsou 1987]; *sac* [Droutsu 1985]; *les besaces* [Voda 1986]; *musette* [Bechliaga 1987]. Как видно из выше перечисленных примеров, в разных текстах одна и та же реалья реноминируется синонимичными R-реалиями: *balluchon*, *sac*, *besace*, *musette*.

Рассмотрим актуализацию анализируемой реалии в каждом конкретном контексте:

*Quelques jours plus tard maman me prépara mon **balluchon** et les opintchi* [Botsou 1987].

Сопоставление словарных дефиниций ЛЕ *traistă* и *balluchon* позволяет выявить существенные различия на уровне их семантики. В толковом словаре румынского языка денотат реалии *traistă* соотносится с денотатом «obiect în formă de sac, confecționat dintr-o țesătură, din piele etc., adesea ornamentat, prevăzut cu o baieță pentru a fi agățat, care servește la transportul sau la păstrarea unor obiecte» (предмет в виде мешка, изготовленного из ткани, кожи, часто с орнаментом, снабженный ремешком для подвешивания, который служит для транспортировки или хранения предметов, особенно пищевых продуктов) [Dicționare ale limbii române], в то время как французская R-реалия *balluchon* отмечена во французском толковом словаре «Trésor de la langue française» денотатом «petit paquet enveloppé dans une pièce d'étoffe nouée aux quatre coins et contenant en général des effets personnels» (небольшой сверток, завернутый в кусок ткани, связанный в узел и обычно содержащий личные вещи) [Dictionnaire de l'Académie française]. Отмечаем существенные семантические различия, касающиеся формы предмета и

способа его ношения, а также внутренний эксплицитный маркер с *орнаментом*, что составляет национальное своеобразие «чужой» для французского языка R-реалии. Во французском тексте использована «своя» R-реалия, основанная на сходстве, проявленного на уровне функционального применения предмета быта. С целью компенсации утерянного национального колорита, переводчик помещает реалию *balluchon* в контекстуальное окружение «чужой» L-реалии *opintchi*, дополненную «своей» C-реалией в виде подстрочного комментария.

Другие реноминативные формы той же реалии представлены в следующих примерах:

*Dès que j'avais rempli la **besace**, je descendais de ma couche et j'allais vite nourrir les vers à soie* [Voda 1986];

*... Grand-père leva sa tête – il allait se souvenir, semblait-il, où il avait rangé la **musette** de haricots ...* [Bechliaga 1987].

Данные реноминативные формы отражают как семантику указанной R-реалии, так и ее когнитивную значимость.

«Своими» французскими R-реалиями реноминируются и реалии, отражающие социальные и родственные отношения молдавского народа. Так, например, наиболее распространенная молдавская R-реалия *badea* получает в анализируемых французских текстах следующие реноминативные формы: *D'abord on l'appelait Sougour-Mougour, quelques temps après frère Sougour et enfin, **père** Sougour* [Botsou 1987].

Vers la fin de l'été, quand la course aux cerises perd de son entrain à cause des griotes qui commencent à mûrir, ce n'est qu'alors que vient le tour du verger de l'oncle Sylvestre [Droutsu 1985].

Как следует из приведенных примеров, различные реноминативные формы данной реалии исходят как из многозначности самой лексической единицы, так и из ее широкого когнитивного содержания. Помимо лексического значения «дядя, брат отца или матери», реалия *badea*, содержит

коннотативное значение «termen politicos de adresare către un bărbat mai în vârstă» (уважительное обращение младшего к старшему, женщины к мужчине) [Dicționare ale limbii române]. Вот почему в рассказе «Sougour-Mougour» P. Botsou встречаем адаптивную номинацию в виде «своей» R-реалии *père*, когнитивное содержание которой аналогично содержанию молдавской реалии «уважительное обращение к старшему». Тогда как в рассказе «Dons» I. Droutsa актуализируется значение указанной реалии при помощи этнически-нейтральной ЛЕ *oncle*, применение которой способствует стиранию национального колорита, который сохраняется в общем контексте с национальными ономастическими реалиями-антропонимами.

Подобные реноминативные действия претерпели и следующие пары реалий: *țacă – tante, tușă – tante, moș – père, nepoată – nièce* [Botsou 1987]; *mătușă – mère, moș – père* [Voda 1986]; *mătușă – la femme, mătușă – tante, moș – père* [Droutsa 1985].

Проведенный анализ применения «своих» (французских) R-реалий во французском тексте, позволяет отметить, что «свои» R-реалии способствуют отражению денотативных особенностей значения «чужих» реалий, а также приводят к замене «чужого» национального колорита «своим».

Еще один способ реноминации при помощи «своих» реалий затрагивает раскрытие понятийного содержания «чужой» реалии, которая во французском тексте приобретает реноминативную форму в виде «своей» S-реалии, представляющая «чужую» реалию как более или менее развернутую экспликацию.

Рассмотрим следующий пример:

... ils travaillaient ensemble, remettaient en état les champs abandonnés et tombés en friche pendant la guerre; sans trêve ni repos de jour comme de nuit de sorte que les gens n'en revenaient pas d'étonnement [Bechliaga 1987].

В данном контексте акцентируется связь между состоянием земли и состоянием людей во время и после войны, особенно после войны души

людей были такими же одичавшими, как и земля. Подтекст, который содержит используемая в тексте оригинала реалия молдавской культуры *părăginit*: «neîngrijit, sălbăticit» (неухоженный, одичавший) [Dicționare ale limbii române], передается при помощи С-реалии «*les champs abandonnés et tombés en friche*» («*заброшенные, одичавшие за войну поля*»). В данном случае сигнификативный компонент «своей» (экспликативной) С-реалии вписывается в общий контекст и способствует решению прагматической задачи, состоящей в раскрытии семантики «чужой» реалии.

Подобный способ реноминации, состоящий в эксплицировании «чужих» R-реалий посредством «своих» (французских) экспликативных С-реалий отмечается при отражении родственных и социальных отношений, не зафиксированных в принимающей лингвокультуре. Например: *Ils seraient, Timothé et lui, les meilleurs amis du monde – ce serait bien ! Tous simplement remarquable* [Bechliaga 1987].

В этом примере молдавская реалия *frate de cruce* реноминирована через язык-посредник «своей» (русской) R-реалией *побратим*, которая в свою очередь представлена в тексте на французском языке «своей» (французской) экспликативной С-реалией *les meilleurs amis du monde*, в силу отсутствия идентичного понятия во французском языке.

Рассмотрим один пример использования экспликативной С-реалии, служащей для отражения особенностей родственных отношений молдавского народа:

Il était dans la rue où habitait celui qui avait parrainé son mariage et de loin il se mit à crier: «Vous ne l'avez pas vue, la nôtre» [Bechliaga 1987].

Реалия *cuscru*, используемая в тексте оригинала, обозначает «tatăl unuia dintre dintre soți în raport cu părinții celuiilalt soț» (отца жены (мужа) по отношению к родителям мужа (жены)) [Dicționare ale limbii române], лексическое значение которой покрывается одним из значений реалии русского языка *сват*. Переводчик ошибочно реноминирует первое значение

реалии языка-посредника (русского) «человек который сватает кого-нибудь кому-нибудь» [Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова] и использует экспликативную С-реалию *qui avait parrainé son mariage* (наставник молодой семьи). Несмотря на семантический диссонанс между контекстным использованием значения, реципиент французского текста интерпретирует верно когнитивный контекст реалии в общем контексте произведения: дедушка главного героя оказался на улице, где жил его сват, т.е. он находится в месте, которое является для него родным. Таким образом, отмечаем применение «своих» (французских) С-реалий в контексте на французском языке в случае необходимости эксплицирования тех компонентов значения сходных реалий, которые не фигурируют во французском языке. Включение «своих» С-реалий в текст на французском языке приводит к замене «чужого» национального колорита на «свой».

В ходе контекстуального анализа французских текстов выявлены случаи номинации «чужих» R-реалий посредством этнически-нейтральных (не обладающих какой бы то ни было национальной специфики) ЛЕ.

В силу уникальности семантических (когнитивных, коннотативных) признаков реалии при выборе способа реноминации в принимающем языке превалирует тенденция сохранения оттенков денотативного (внеэтнического) значения культурномаркированной единицы. Рассмотрим варианты реноминации молдавской R-реалии *mahala*, передающей национальную специфику административно-территориального деления при помощи этнически-нейтральных ЛЕ, в различных контекстах на французском языке.

Ср.: ... *il fallait demander la tondeuse aux voisins et tondre le gamin, car il avait de quoi se faire une tresse, bien sûr* [Bechliaga 1987].

Обозначенная реалия реноминирована этнически-нейтральной ЛЕ *aux voisins* (*y cocedei*), которая компенсирует часть значения «чужой» R-реалии *mahala* «*stradă sau cartier mărginaș al unui oraș sau al unui târg; lipsit de; atitudine a oamenilor din mahala, concretizată în atitudini, zvonuri, bârfe; stradă*

sau *cartier din imediata apropiere* a locuinței cuiva» (улица или квартал города или городка; (о ком-то) лишенный манер; отношение людей из трущоб, материализованное в слухах, сплетнях; улица или район в *непосредственной близости* от чьего-либо дома) [Dicționare ale limbii române] в конкретном контексте.

Некоторые реноминативные формы анализируемой реалии актуализируют во французском тексте иные компоненты значения, как например, *квартал*:

C'est pourquoi, une fois levés, les garçons de notre quartier venaient m'appeler au jeu [Voda 1986];

или *на краю населенного пункта*:

Bientôt un des soldats passa chez lui, de ceux qui étaient à la sortie du village et il dit qu'on venait de trouver une femme tuée [Bechliaga 1987].

Как видим, потенциально полное понимание французским реципиентом понятия, выражаемое молдавской R-реалией *mahala*, возможно лишь при целостной интерпретации когнитивного контекста произведения.

Этнически-нейтральными ЛЕ в тексте на французском языке представлены реалии, репрезентирующие родственные отношения молдавского этноса. Главным отличием таких реалий выступает их коннотативное значение, передающее ценностные и чувственно-образные признаки, которые стираются полностью во французском тексте. Рассмотрим следующий пример:

Te souviens-tu, Elie, nous allions chez tante Marie avec nos chansons de nouvel an [Bechliaga 1987].

Так, в румынском (молдавском) языке R-реалия *mătușă* помимо значения «sora tatălui sau a mamei» (сестра отца или матери), передает коннотативное значение «termen de respect cu care se adresează cineva unei femei în vârstă» (уважительное обращение к старшей по возрасту женщине)

[Dicționare ale limbii române], которое стирается во французском тексте. Ряд подобных реноминаций может быть дополнен следующими примерами:

Et, ensuite, pendant cette courte nuit d'été sa belle-fille était apparue dans la steppe à moitié nue, éplorée ...;

... quand nous parvînmes enfin chez la tante Marie, notre cousin nous apprit que ce n'était pas grave même dans un village étranger nous aurions pu faire quelque chose avec nos chansons [Bechliaga 1987].

Использованные во французском тексте этнически-нейтральные ЛЕ приводят к стиранию коннотативного содержания данных реалий, но уточняют семантические признаки, обозначающие степень родства.

Семантически нейтральная реноминация «чужой» (молдавской) R-реалии *traistă* использована в рассказе «Dons» I. Droutsa:

Elle était assise près du sac et le gardait, la bouteille d'eau était couchée à côté [Droutsa 1985].

Отмечается сходство на уровне части значения, отражающего формальную характеристику предмета, и расхождение на уровне части значения, описывающего функциональное предназначение реалии «крестьянский предмет, необходимый в пути». Таким образом, выполняя сугубо информативную функцию, использование этнически-нейтральной, лишенной национального колорита ЛЕ, приводит к полному стиранию национального колорита, как «чужого», так и «своего».

Таким образом, контекстуальный анализ реноминативных форм этнографических R-реалий, отражающих характеристики молдавского этноса, выявил некоторые закономерности употребления и распределения реноминативных форм во французских текстах. Основная часть реноминативных форм молдавских R-реалий представлена во французском тексте «чужими» L-реалиями в виде транскрибированных / транслитерированных лексических единиц. Неосвоенные французским языком «чужие» R-реалии реноминированы в основном «чужими» L-

реалиями, которые выполняют во французском тексте функцию маркера «чужой» культуры. Наряду с этим, «чужие» L-реалии в тексте на французском языке являются яркими выразителями «чужого» национального колорита и как следствие приводят к полному сохранению «чужого» колорита в принимающем языке. «Чужие» L-реалии, дополненные «своими» C-реалиями, обуславливают частичное воссоздание «чужого» национального колорита.

Другая часть реноминативных форм молдавских этнографических R-реалий в анализируемых текстах воспроизводят их когнитивное содержание при помощи «своих» (французских) R-/C-реалий, выполняющих компенсаторную функцию. Использование «своих» R-/C-реалий во французском тексте обуславливает стирание «чужого» национального колорита, компенсируя его «своим». «Свои» (французские) R-реалии в тексте на французском языке восполняют референтную, предметную характеристику «чужой» культуры, в то время как «свои» (французские) C-реалии передают ее концептуальный, понятийный аспект при помощи средств «своего» языка.

Некоторая часть молдавских реалий реноминирована во французском тексте при помощи этнически-нейтральных ЛЕ, не обладающих какой-либо культурной маркированностью, что приводит к полному стиранию национального колорита.

3.2.2. Способы реноминации ономастических R-реалий

Ономастические реалии в тексте формируют его ономастическое пространство, образуя целостную структуру, обозначаемую термином «ономастикон», который предстает как «совокупность имен собственных функционирующих в некотором языке и культуре» [Косиченко 2017: 20]. Когнитивные и коннотативные значения отдельных ономастических реалий раскрываются в текстовых и контекстовых ассоциациях. Первостепенной

функцией ономастических реалий во французском тексте является функция воссоздания местного (национального) колорита. Исходя из того, что национальная окраска представляет собой конкретную характеристику текста, именно индивидуализирующая, конкретизирующая семантика ономастических реалий способствует достижению того самого национального колорита.

Другой важной функцией ономастических реалий является функция воссоздания исторического колорита, но в данном случае темпоральная отнесенность художественного текста создается большей частью за счет ономастических реалий-антропонимов, представляющих исторические персоналии.

Спектр способов реноминации ономастических реалий ограничен в силу акцентуации номинативной стороны данной группы реалий. В тексте на французском языке ономастические реалии реноминируются в основном при помощи «чужих» (молдавских) и «своих» (французских) L-реалий. Подавляющее большинство «чужих» ономастических реалий представлены во французском тексте при помощи «чужих» L-реалий. Рассмотрим несколько примеров.

*C'est alors que le hospodar moldave **Kalimakh** lui avait proposé, en Bukovine, le monastère déserté de Dragomirne* [Droutsé 1985].

В цитируемом контексте реноминативные формы ономастических реалий представляют различные тематические категории: имя исторической персоналии, название региона, название монастыря, которые обнаруживают в тексте отличия на уровне когнитивного восприятия франкоязычным реципиентом. Незнакомые в принимающем (французском) языке ономастические R-реалии *Калимах*, *Буковина*, *Драгомирна*, выполняющие функцию создания национального колорита, во французском переводном тексте представлены при помощи «чужих» для французского реципиента L-реалий *Kalimakh*, *Bukovine*, *Dragomirne* [Droutsé 1985], где они реализуют

функцию маркера «чужой» культуры. Национальный колорит таких реалий сохраняется в полной мере, но образовывается лакуна на уровне их когнитивного содержания. Полное сохранение «чужого» национального колорита наблюдается и в следующих примерах:

*Monsieur **Zarzarian** parvint finalement à entrer dans le cabinet du gouverneur **Grigori Guika**.*

*Outre le gouverneur, s’y trouvaient également le métropolite de Moldavie, Gabriel, et le père **Paissi Vélitchkovski**, vieillard d’aspect maladif, supérieur du monastère de **Dragomirne** [Droutsé 1985].*

Антропонимы, содержащие яркую национально-культурную коннотацию, не имеющие ни лексических, ни семантических эквивалентов во французском языке, реноминируются преимущественно «чужими» L-реалиями, которые являются номинациями, адаптированными к фонографической системе французского языка:

*Si elle apporte des noisettes ou des prunelles, cela veut dire qu'elle a été voir la tante **Routsa** [Droutsé 1985].*

Женское имя *Ruța* (в Молдавии уменьшительное от имени Мария), обладающего национальной когнитивной составляющей реноминируется при помощи «чужой» L-реалии, что способствует полной репрезентации национального колорита, хотя приводит к потере коннотативного значения ЛЕ. Идентичной модели реноминации подверглись следующие R-реалии:

*Le nom de famille du prêtre était **Guèinè**, ce qui signifie “volaille”, et derrière son dos les villageois l’appelaient en effet “vieille volaille”;*

*Le père **Nicandre**, qui avait exercé toute sa vie son ministère dans cette vallée, devait à son penchant pour le jus de la treille son surnom de père **Kanè**;*

*Tout au début du siècle le hospodar de Moldavie l’écrivain et érudit **Dmitri Kantémir**, pressentant le déclin de l’Empire ottoman, avait risqué une tentative désespérée pour délivrer son pays du joug [Droutsé 1985].*

Некоторые исследователи отмечают особую функциональную значимость реалий-топонимов в художественном произведении, считая, что топонимы обеспечивают «организацию пространственного кода художественного текста и его культурного пространства» [Масленникова 2006: 245]. Функциональные возможности реалий-топонимов в анализируемом корпусе также обширны, как и функциональный потенциал реалий-антропонимов.

Авторы художественных произведений используют реальные географические номинации с целью создания достоверного, реалистичного фона для описываемых событий. Так, тематическая направленность романа «Белая церковь» I. Droutsa, посвященного событиям, происходящим на территории Молдавского княжества, актуализирует использование топонимов, которые отражают молдавскую действительность конца XVIII-го века. Ср., например:

*Avec elle allait à l'Autriche non seulement des terres riches et fertiles, d'antiques villages, mais aussi beaucoup de monastères renommés, parmi lesquels le plus petit mais sans doute le plus célèbre d'entre eux le monastère de **Putna**;*

*Toute cette pente douce, par exemple, était occupée par les **Pétrestes**. Dans le creux au-dessus du ruisseau vivaient les **Stefanestes**, tandis que de l'autre côté, derrière la colline, s'étaient établis des **Varsarestes** [Droutsé 1985].*

Выделенные примеры обозначены во французском тексте «чужими» L-реалиями – реноминациями в виде транскрибированных лексических единиц *Putna* (Путна), *Pétrestes* (Петрешты) и т.д. Во французском тексте данные реалии выполняют функцию воссоздания местного (молдавского) колорита, отсылают читателя к топографической реальности исходного текста. Идентичные способы реноминации реалий – *Dubossary*, *Kaouchan*, *Salkoudza*, *Okolina* [Droutsé 1985] – реализуют пространственную характеристику молдавской реальности.

Хронотоп остальных произведений исследуемого корпуса («Dons» I. Droutsa, «Sougour-Mougour» P. Botsou, «L'orange» N. Essinencou) построен на пространственно-временных параметрах, отражающих описание современной автору действительности. Рассмотрим следующие примеры: *Faut-il que j'aille chez mes parents au bord du Prout? Si vous allez aussi vers le village de Catina jetez votre valise dans la voiture et montez-y vous-même.* [Droutsa 1985].

Выделенные R-реалии-топонимы *Prut* (гидроним), *Cătina* (ойконим) приобретают во французском тексте форму «чужих» L-реалий, которые являются для франкоязычного реципиента лишь номинациями, отображающими «чужую» географическую действительность. Когнитивный контекст привносит некоторые прояснения в значение чужих L-реалий: *au bord du Prout, vers le village Catina*, но не передает ту фоновую информацию, которую несут данные реалии в исходном тексте. Например, тот факт, что *Catina* – вымышленный топоним, используемый автором для создания иллюзии реальности, «возможного мира», который сопряжен с «реальным миром», восходящим к «общественно-политическим, историческим, культурным фактам или коллективному житейскому опыту» [Бабушкин 2017: 17] иными словами, гипотетически село с таким названием (в пер. *catina* – облепиха), вполне могло бы существовать в молдавской действительности. Как видим, использование «чужих» L-реалий приводит к утрате фоновой информации, но способствует полному воссозданию национального (местного) колорита.

В некоторых случаях знакомая, освоенная «чужая» ономастическая реалия фигурирует в принимающем языке в виде «своей» L-реалии (калькированная форма): *Dans ce monastère de taille modeste reposaient les reliques de Stéphane le Grand, dont le nom était lié à l'âge d'or de l'Etat moldave* [Droutsé 1985].

Незнакомая французскому реципиенту реалия-антропоним молдавской культуры реноминирована при помощи «своей» L-реалии *Stéphane le Grand*, что способствует воссозданию исторического колорита посредством адаптивной реноминации, где определение *le Grand* способствует исторической стилизации имени собственного. Лексическая реноминация, т.е. использование «своих» L-реалий, имеет место гораздо реже, лишь в случаях, когда семантика «чужой» ономастической R-реалии отличается универсальностью, общностью значения. В этом случае «своя» L-реалия служит созданию реальности близкой реципиенту французского текста. Например:

... *sur l'autre extrémité où se trouve le Vieux Moulin* ... [Bechliaga 1987].

Фоновая информация ЛЕ *le Vieux Moulin* (*Старая Мельница*) обладает сходным когнитивным содержанием: обозначает неотъемлемую, часто заброшенную часть сельского населенного пункта.

Следующую группу ономастических реалий исследуемого корпуса составляют зоонимы. В рассказе «Dons» I. Droutsa значительная часть реноминативов реалий-зоонимов представлены «своими» адаптированными L-реалиями, национальный колорит которых утрачивается. Рассмотрим несколько примеров: *Il y avait là trois ou quatre chiots – le Louveteau de Pierre, le Touzik de Domintianou, le Volcan des deux frères Ourékiatou* [Droutsa 1985].

Отмечаем, что в одном предложении выявляются реалии-зоонимы, а именно клички собак, на этот факт указывает контекст произведения: *il y avait trois ou quatre chiots*. Реалии-зоонимы *Lupușor* и *Vulcan* представлены «своими» L-реалиями *Louveteau*, *Volcan*, которые передают лексическое значение R-реалий оригинального произведения. Эффект соотношения к конкретной национальной культуре достигается при помощи «своей» L-реалии с опорой на когнитивное контекстуальное окружение обозначенной реалии.

Таким образом, способы реноминации ономастических реалий лимитируются применением L-реалий. Полное сохранение национального и исторического колорита, инокультурная маркированность французского текста реализуются в основном при помощи реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий, значение которых декодируется когнитивным контекстом. Реноминативы в виде «своих» L-реалий передают денотативное значение в ущерб сохранения когнитивного содержания, обуславливают замещение «чужого» национального колорита «своим», способствуя тем самым достижению индивидуальной когнитивно-эстетической интенции автора.

3.2.3. Способы реноминации исторических R-реалий

Реноминация исторических реалий во французском тексте осуществляется с учетом сохранения темпоральной окраски текста оригинала.

Историческая стилизация авторского текста имеет целью воссоздание стиля эпохи, что достигается реалиями-топонимами, обозначающими наименования населенных пунктов, гидронимы и хоронимы, которые связаны с определенными историческими событиями, либо которые существовали в определенный исторический период. Например:

Phanar est un quartier de Constantinople où vivaient en ce temps-là orfèvres, marchands et usuriers, Grecs pour la plupart [Droutsé 1985].

Реалии-топонимы *Константинополь*, *Фанар*, помимо значения «город в Турции (совр. Стамбул)», содержат фоновую информацию, что город когда-то назывался Константинополем, а его квартал Фанар был заселен греками и стал «центром греческого мира Османской империи» [Википедия].

Когнитивное содержание реалии отражает конкретный исторический период Молдавии, когда, находясь под вассальным игом Османской империи, правителями Молдавского княжества назначались греки, выходцы

из константинопольского квартала Фанар. Во французском тексте реноминации в виде «чужих» L-реалий выполняют функцию воссоздания исторического колорита, хотя и с некоторыми лакунами на уровне прагматического содержания.

Переведенный на французский язык роман «L'église blanche» I. Droutsa является исторически стилизованным художественным произведением, в основе которого лежит описание конкретного исторического периода Молдавского государства, отличающегося особым общественно-политическим строем. В свою очередь переводной текст является транслятором разнонациональных социально-политических категорий, форм, присущих одному народу и воспринимаемых сквозь лингвокультуру другого народа. Историческая обусловленность идейно-тематического содержания романа наложила свой отпечаток на языковое воплощение «чужой» действительности во французском тексте.

Критерий наличия «чужой» лексической единицы способствовал выявлению в тексте группы «чужих» L-реалий, отражающих историческую составляющую реалий исходного языка, наряду с их национальным колоритом, например:

Catherine était alors jeune tsarine [Droutsé 1985].

В отличие от реалий, которые передаются на принимающий язык преимущественно транслитерированным / транскрибированным переводом, реалия *государыня* реноминирована при помощи, зафиксированной во французском словаре, «чужой» L-реалии *tsarine*, отсылающей к российской действительности определенного исторического периода. Отмечено, что реалия *государыня* реноминируется в данном контексте чаще всего с помощью «чужой», ассимилированной во французском языке, L-реалией *la tsarine*, которая способствует полному сохранению национального колорита, выполняя функцию маркера «чужой» культуры.

Ср. также: *Notre Vodè est en train d'user sa dernière chemise, disaient entre eux les boïars, imaginant avec un frisson l'issue que pourrait avoir l'épisode* [Droutsé 1985].

В цитируемом примере «чужая» L-реалия *boïars* также относится к категории знакомых реалий, отмеченная во французском языковом контексте национальной и исторической составляющей: «ancien seigneur, gros propriétaire terrien des pays slaves en particulier de Russie et, p. ext. des provinces danubiennes d'Europe centrale» (в прошлом высшее звание, крупный землевладелец славянских земель, особенно на Руси, а также в Дунайских провинциях Центральной Европы) [Dictionnaire de l'Académie française]. Реалия *boïars* является реноминативной формой в виде «чужой» ассимилированной французским языком L-реалии, ярко отражающей национальный колорит, выполняя функцию маркера «чужой» культуры, способствующая полному сохранению «чужого» колорита, как национального, так и исторического. В других случаях употребления данная реалия выполняет идентичную функцию, например:

L'avait-on ainsi baptisé quand il bisognait comme berger chez le boyard Ouantchea [Botsou 1987].

Что касается «чужой» L-реалии *Vodè*, отмечаем ее неосвоенность во французском языке. Как видим, данная реноминативная форма соотносит полностью эту реалию с «чужим» национальным колоритом, не способствуя передаче ее лексического значения.

Реноминативная форма в виде «чужой» L-реалии применима и при реноминации группы исторических реалий, отображающих бытовые характеристики жизни народа, как например:

Le maître de la maison et son hôte dégustèrent longuement le café, fumèrent le tchoubouque ... [Droutsé 1985].

Неосвоенность, незнакомость реалии *tchoubouque* детерминируется критерием полного отсутствия реалии во французском языке, что

предопределяет использование реноминативной формы в виде «чужой» L-реалии, которая декодируется при помощи проксимального когнитивного контекста: *fumèrent*.

В случае недостаточной функциональности когнитивного контекста при декодировании «чужой» L-реалии, отмечено применение дополнительных пояснительных контекстов, таких как внутритекстовые или метатекстовые (подстрочные) экспликации, представленные в виде «своих» C-реалий. Рассмотрим несколько примеров: *Quelques jours plus tard maman me prépara mon balluchon et les opintchi**

**Opinca – sandale de paysan confectionnée d'un morceau de peau rectangulaire retenue au pied par des cordons [Botsou 1987].*

Имплицитный маркер *de paysan* соотносит ЛЕ *opintchi* к категории реалий. Применение реноминативной формы в виде «чужой» L-реалии в конкретном контексте на французском языке недостаточно для декодирования реалии, поэтому данная реноминативная форма дополняется метатекстовой экспликацией в виде развернутой C-реалии*. Идентичная модель реноминации применима при передаче исторических реалий различной тематической направленности, например, денежной единицы:

Lorsque Gogou s'approche, un pol jeté par la fenêtre tombe à ses pieds en sonnant et s'enfonce dans la poussière mêlée de sable. *vingt lei (équivalent d'un napoléon) [Botsou 1987].*

Большая часть исторических реалий реноминируется посредством «своих» реалий, которые отображают референтные («своя» R-реалии), номинативные («своя» L-реалия) и концептуальные («своя» C-реалия) характеристики исходной реалии.

Рассмотрим подробнее следующий пример:

Potemkine, gouverneur général de la région de Novorossïïsk, favori et bras droit de la souveraine ... [Droutsé 1985].

Среди главных персонажей произведения выделяются две исторические личности, известные не только в узком кругу знатоков истории. Речь идет о Григории Александровиче Потемкине и императрице Екатерине Второй. В анализируемом тексте эксплицитно передаются некоторые сведения об этих персонажах, которые придают реалистичность произведению. Во французском тексте руководящий статус Потемкина представлен реноминированной «своей» (французской) R-реалией *gouverneur*, дополненной прилагательным *général* воссоздающим когнитивное содержание исходной реалии. Идентичной модели реноминации подверглась и реалия *государыня*, представленная во французском тексте «своей» R-реалией *souveraine*. Использование «своих» R-реалий ведет к стиранию информации о национальной принадлежности персонажей произведения, которая восполняется когнитивным контекстом, отраженным ономастическими реалиями.

Широко в анализируемом произведении отражена социальная иерархия общества того времени:

Le cinquième jour, lorsqu'il fut rejoint par les hommes du seigneur Movilè, ce n'était plus un homme, mais un fantôme [Droutsé 1985].

В первом случае отмечаем, что коннотативное значение реалии *les hommes* «(féod.) vassal, homme qui a prêté serment à un suzerain» (феод. вассал, лицо, которое присягнуло на верность своему господину) [Dictionnaire de l'Académie française], отражающее историческую составляющую данной реалии, гиперонимично по отношению к семантическому значению реалии *дворовые* (крепостной крестьянин из дворни). Реноминация в виде «своих» R-реалий *les hommes, le seigneur* приводит к утере национальной составляющей значения, но актуализируют значение, отражающее историческую обусловленность социальных отношений между персонажами произведения.

Выделение концептуальной стороны реалии обуславливает применение «своей» С-реалии, которая призвана репрезентировать «чужую» реалию в тексте в виде более или менее развернутой экспликации. Рассмотрим несколько примеров: *Traîneaux et voitures, attelés de plusieurs chevaux...* [Droutsé 1985].

Рассматривая данный пример с позиций теории реноминации, отмечаем, что «чужая» R-реалия *цугом*, обладающая выраженным национальным и историческим колоритом, реноминируется «своей» экспликативной С-реалией *attelés de plusieurs chevaux*. В этом случае наблюдается сохранение смысловой эквивалентности в ущерб сохранения «чужого» исторического и национального колорита.

Чаще всего «своя» (французская) экспликативная С-реалия выдвигает на первый план компоненты денотативного значения реалии: *Quand il se dirigeait vers la bergerie, il en oubliait sa **besogne de surveillant**, perdait la notion du temps, de l'existence* [Botsou 1987].

Внешний эксплицитный маркер *в прошлом, в Молдавии* соотносит «чужую» реалию к категории исторических реалий, обладающих ярким национальным колоритом. В то время как в тексте на французском языке фигурирует экспликативная С-реалия *besogne de surveillant*, отображающая заключенное в ЛЕ денотативное значение «şef în general: vătaf de ciobani» (старший над пастухами) [Dicţionare ale limbii române]. Вследствие применения данной реноминативной формы происходит замена «чужого» национального колорита «своим». Данная модель реноминации используется и в следующих примерах: *Sur lequel se tenait les frères Kruntu, deux **soldats russes** et un rouquin; ... du matin au soir des petits paquets, **des sous de cuivre**, des pièces de toile tissées à la maison ...* [Droutsé 1985].

Такая экспликация концентрирует внимание французского реципиента на денотативных характеристиках реалии, где отмечается стирание «чужого» колорита его замена «своим».

Отдельная часть «чужих» реалий фигурируют в тексте в виде этнически-нейтральных ЛЕ, отражающих нулевое присутствие национального колорита. Рассмотрим несколько примеров:

Comme il habitait au bout du village, près des champs, père Trofime sortit par le portail et s'éloigna du village [Droutsas 1985];

Dans les poches de son pantalon j'ai découvert du sable de mer.

- Je te dois quelque chose, moi?

- Mais justement. Tu me dois un litre de vin! [Essinencou 1988].

При анализе выше указанных примеров, отмечаем, что выявление «чужой» национальной специфики в тексте на французском языке затрудняется без обращения к дополнительным методам обнаружения «чужой» реалии. Как видим, ни историческая, ни национальная составляющие исходных реалий не отображаются этнически-нейтральными лексическими единицами *près, litre, pantalon* во французском тексте. В этом случае отмечается полное стирание национального колорита реалий молдавской культуры *hat* (межа), *ocă* (ока – старинная мера веса), *ițari* (крестьянские штаны), т.е. утеря «чужого» национального колорита и отсутствие интеграции «своего» взамен «чужого».

Проведенный анализ реноминативных форм исторических реалий позволяет сделать выводы о различности способов реноминации, фигурирующих в корпусе текстов на французском языке. Основная масса «чужих» исторических реалий молдавской литературы реноминируется посредством «своих» R-реалий для отображения референтной схожести реалий соприкасаемых языков, «своих» C-реалий для отображения понятийного содержания «чужой» реалии средствами «своего» языка. Такой способ реноминации обуславливает потерю «чужого» национального колорита в тексте на принимающем языке и его замену «своим».

Значимым способом реноминации выступает интегрирование «чужих» L-реалий, которые отражают «чужой» исторический и национальный

колорит на номинативном уровне и способствуют полному сохранению «чужого» исторического колорита в тексте на французском языке. Дополнение «чужих» L-реалий экспликациями в виде «своих» C-реалий происходит при неосвоенности «чужой» исторической и национальной специфики и обуславливает частичное сохранение «чужого» национального колорита.

Полное стирание «чужого» исторического и национального колорита является следствием реноминации «чужих» исторических реалий посредством ЛЕ, свидетельствующих о нулевом содержании «чужой» национальной специфики.

3.3. Реноминация чужих C-реалий

Особенности реноминации C-реалий обусловлены тем, что они наряду с национальным (индивидуализирующим) компонентом содержат некий общий, универсальный, наднациональный компонент, который превалирует в структуре значения концептуальной реалии. Универсальная составляющая в C-реалиях выражена интенсивнее, чем в R-реалиях. В процессе перевода происходит разрешение противоречий между категориями универсального и специфического, и при реноминации C-реалий, как показывает французский текст, большинство переводчиков предпочитают выделять универсальную, общечеловеческую составляющую C-реалий.

Реноминация C-реалий ментального пространства человека, включающих национальные чувства, характерные для данного народа, чаще всего основывается на передаче основного смысла при помощи «своей» C-реалии, более или менее адаптированной к «чужой» ментальной реальности. Такие реноминативные формы позволяют передать семантику концептуальных реалий, но не передают национальную специфику когнитивного содержания. Например:

... *et alors un tel mal du pays l'avait serré au coeur* ... [Bechliaga 1987].

В словаре французского языка С-реалия *le mal du pays* получает определение «regret profond du pays natal qu'on a quitté, de la patrie» (глубокое сожаление о покинутой родине) [Dictionnaire de l'Académie française], что не совсем соответствует семантике молдавской С-реалии *dor*, которая дефинируется в словаре как «dorință puternică (amestecată cu nostalgie) de a vedea sau revedea ceva sau pe cineva drag» (сильное желание (включающее ностальгию) увидеть вновь что-то очень дорогое) [Dicționare ale limbii române]. Когнитивная составляющая значения данной реалии, которая дифференцирует ее от реалии исходного языка *желание увидеть* передается контекстом, дополняющем реноминативную форму «своей» С-реалией: сильное желание, которое помогло персонажу вернуться домой живым и невредимым.

Менее широко представлены С-реалии-социофакты, отображающие социальную и культурную самобытность молдавского народа, например:

... *viendrait un beau jour survoler notre contrée ensemble avec leur mère voir son **village natal**.*

*Après on a repris la route **de son pays, de son foyer*** [Botsou 1987];

*Aussi ont-ils eu une **petite chance**, car l'inspecteur n'a pas réussi leur rendre visite ce jour-ci* [Droutsă 1985].

С точки зрения интегрирования во французский язык представляют интерес реноминации С-реалий, отражающих приветственные формулы: ... *personne n'avait parlé avec lui pour dire: «Bonne journée, grand-père!» ou «**Que la matinée vous soit agréable!*** [Bechliaga 1987].

Для пожелания *доброго утра* во французском языке нет специального номинативного обозначения, поэтому во французском тексте данная реалия реноминируется при помощи «своей» развернутой С-реалии *Que la matinée vous soit agréable*, которая отражает важность для молдаванина услышать добрые пожелания с самого утра.

В некоторых случаях недостаточность экспликации на уровне внутреннего семантического содержания реалии обуславливает использование дополнительной развернутой С-реалии в виде внутритекстового или метатекстового пояснения. С этой точки зрения весьма интересны особенности реноминативные формы С-реалий – социофактов, отражающих общность, соборность, сплоченность молдавского народа. Рассмотрим пример:

*... lorsque la guerre serait finie, Okolina **rassemblerait ses forces**, comme lorsque **tout le monde accourt à la rescousse pour expédier telle ou telle tache**.* [Droutsé 1985].

В данном примере С-реалия молдавской культуры реноминирована посредством «своей» С-реалии *rassemblerait ses forces* + «своей» С-реалии* *comme lorsque tout le monde accourt à la rescousse pour expédier telle ou telle tache* в виде внутритекстового пояснения. Сложная концептуальная структура молдавской реалии *clacǎ/клака* (помочь, толока), которая использована в тексте оригинала, потребовала применения сложных экспликативных реноминативных форм французского языка для интегрирования данной реалии в систему французского текста.

Такое декодирование «чужой» С-реалии способствует замене «чужого» национального, исторического и религиозного колорита «своим», с частичным сохранением при метатекстуальной интерпретации «чужой» С-реалии.

Отдельная часть «чужих» С-реалий теряет «свою» национальную составляющую при номинации этнически-нейтральными ЛЕ. Значительную часть таких реалий составляют обращения – ЛЕ, которые представители молдавского народа используют для организации и упорядочивания внутрисоциумной коммуникации. Особым статусом обладает С-реалия *mata / matale*. Рассмотрим пример:

*Je suis venu **vous voir*** [Bechliaga 1987].

Данное обращение отражает уважительные, но вместе с тем и достаточно близкие отношения между людьми. Во всех анализируемых текстах данная С-реалия реноминируется посредством ЛЕ *vous*, которая включает в свое значение «représente la personne âgée ou inconnue à laquelle on parle de manière polie» (уважительное обращение к старшему по возрасту и по статусу или к незнакомому человеку) [Dictionnaire de l'Académie française]. При этом, однако, утрачивается национальная особенность данного обращения, значение «pronume de politețe persoana a 2-a singular» «местоимение, отражающее вежливость к близкому человеку» [Dicționar ale limbii române]. Похожие реноминативные формы наблюдаются и в следующем примере:

Tiens ! tiens ! il y a tant de chiens dans ce village à courir les chemins et à ne pas vous laisser passer [Droutsa 1985].

Подводя итоги анализа реноминативного потенциала С-реалий, отмечаем сложности в передаче индивидуально-национальных когнитивных признаков концептуальных реалий. Именно развернутые «свои» (французские) С-реалии способствуют отражению особенностей «чужой» лингвокультуры в переводном тексте. Таким образом, реноминацию лингвокультурных реалий следует рассматривать не только как «способ передачи информации, содержащейся в переводном тексте, связанной с реалиями исходного текста» [Козлова 2012: 137] но, и как результат, полученный вследствие самого процесса реноминации, т.е. готовой реноминированной единицы. С этих позиций изучение реалий нацелено на определение лингвистического и экстралингвистического статуса реалии во французском переводном художественном тексте. Реалия как реноминированная единица получает в тексте определенную языковую форму, соответствующую системе принимающего языка, наделяется значением, включающим семантическое и когнитивное содержание.

3.4. Реноминация R- → C-реалий

Динамичность, взаимопроницаемость категорий реалий, составляющих реаликон художественного произведения, обусловили выделение группы реалий, которые отражают переход из референтной сферы в концептуальную, обозначенный в нашем исследовании терминологическим оборотом R- → C-реалия – транзитивная реалия. Такая транспозиция лежит в основе метафоризации реалии, которая делает акцент на культурных константах этноса.

В основе реноминации таких реалий лежат принципы понимания важности одной из сторон реалии (R- и C- реалии) в принимающем языке, что является условием выбора способа реноминации. Чаще всего реноминация транзитивных реалий выполняется средствами «своего» языка, путем применения «своих» R- и C-реалий. Пример акцентирования концептуальной стороны реалии, т.е. использования «своей» C-реалии, представлен в примере :

... *les langues inactives ne manquaient pas l'occasion de cancaner un tantinet* [Bechliaga 1987].

Во французском тексте зафиксирована C-реалия *les langues inactives*, являющаяся экспликативной реноминацией на французском языке исходной транзитивной R → C-реалии *măhălenii (cocedu)*, которая в исходном тексте актуализирует коннотативную составляющую значения «care se ceartă și bârfește» (*болтать на досуге, обсуждать*) [Dicționare ale limbii române].

Акцентирование концептуальной стороны данной реалии отмечается и в следующем примере : ... *que j'ai la voix trop aigüe* ... [Botsou 1987].

В отдельных случаях транзитивные R→C-реалии реноминируются в принимающем языке посредством «своих» (французских) R-реалий, в этом случае акцентируется приоритетность референтной характеристики реалии. Рассмотрим пример: *Movilè s'agitait, se demandant comment faire sortir la roue de l'ornière* [Droutsé 1985].

В тексте на французском языке предстает адаптивная реноминация, выделяющая референтный признак реалии, подобно реалии исходного текста *колымага*, которая определена на основе внешнего эксплицитного маркера *разг.* Во французском тексте происходит идентичный процесс, переход R-реалии в категорию C-реалий путем метафоризации «своей» R-реалии *la roue*. Подобная реноминативная форма наблюдается при реноминации транзитивных реалий *cârjă, horă* в серии следующих примеров:

Mais pour l'instant, grand-père, donne-moi ton bâton ... [Bechliaga 1987];
... il vivra encore bien longtemps pour faire grandir les enfants sur ses branches pour continuer à écouter des contes, pour faire tourner des rondes aussi belles et grandes que sa couronne... [Voda 1986].

В отдельных случаях переход в категорию C-реалий обусловлен идиоматическим употреблением R-реалии, когда внутриязыковой микроконтекст (фразеологический оборот) затрудняет выделение либо референтного, либо концептуального признака. В этом случае номинация реалий основывается на применении этнически-нейтральных ЛЕ, предопределяющих стирание колорита в переводном тексте. Рассмотрим пример:

Elle hésita un moment ...; Il vous plaît à vous laisser toujours aller à la paresse mais puisque nous avons un inspecteur, il faut s'y mettre, que diable. [Droutsé 1985].

В предложенных примерах посредством этнически-нейтральных ЛЕ французского языка реноминируются фразеологические единицы, включающие R-реалии молдавской лингвокультуры, которые ассоциируются с национально-культурными концептами народа. Так, например, этнически-нейтральная ЛЕ *la paresse* реноминирует фразеологическую единицу *a se lăsa pe tânjălă* (*дышло*) (*облениваться*) румынского (молдавского) языка, в которой отражается земледельческое прошлое молдавского народа. Аналогичный

результат номинации посредством этнически-нейтральных ЛЕ наблюдается при реноминации транзитивных реалий *gospodar, negustori*:

Eh! jeune homme, quand j'ai amené dans la maison ... [Bechliaga 1987];

Quelle était la joie et quel boucan il faisait alors que les commerçants venaient pour «acheter» les mûres du grand-père Mûrier [Voda 1986].

В некоторых случаях яркие, экспрессивные R-реалии, отражающие единственную в своем роде национальную специфику, приобретают в процессе метафоризации дополнительные, коннотативные значения, вследствие чего реноминируются «чужой» L-реалией. Рассмотрим пример: *Je le reconnaissais à ses épaules de montagnes, à ses bras de Kodrou, à ses pas de taureau* [Essinencou 1988].

Данный пример репрезентирует ассоциативный потенциал дополнительных, концептуальных признаков R-реалий. Во французском тексте стирается ее образно-символический компонент, где отец героя сравнивается с кодрами «*brațe de codru*» (могучий лес). Реноминативная форма в виде «чужой» L-реалии способствует отражению национально-культурной составляющей контекста с опорой на персонификацию указанной реалии. В анализируемом контексте реалия *Kodrou* предстает как сложный структурный концепт, значение которого представлено «чужой» лексической номинацией и символично-образным компонентом (живой). Похожий результат отмечается и в следующем примере:

... mon père disait qu'étant encore enfant le grand-père Cretchoune l'avait déjà connu et l'avait toujours vu couché sur un flanc et aussi noueux comme il l'est maintenant [Voda 1986].

В результате анализа транзитивных R → C-реалий приходим к выводу, что реноминативные возможности принимающего языка варьируют между «своими» R-/C-реалиями и этнически-нейтральными ЛЕ. Большая часть таких реалий получает реноминативные формы в виде «своих» R-реалий, акцентирующих референтные характеристики реалии, немногим меньше

применяются «свои» С-реалии, актуализирующих концептуальные признаки реалии.

Таким образом, отмечаем, что реноминация данной категории реалий находится в тесной взаимосвязи с выявлением доминирующей стороны реалии, а также с потенциальными метафоризирующими свойствами средств «своего» (принимающего) языка.

3.5. Реноминация религиозных R-/С-реалий

Из общего корпуса реалий, выявленных в ходе нашего исследования, была выделена категория реалий, отражающая духовное состояние народа, его верования, его религиозность – религиозные реалии. Так как молдавский народ как главное действующее лицо, главный герой произведений молдавских писателей, исповедует православие, то и религиозные реалии, отобранные в данном произведении, следует рассматривать с точки зрения православной специфики, которая является уникальной, индивидуальной, присущей верующим данного народа.

Франция – преимущественно католическая страна, и французский язык в состоянии лишь отчасти донести до французского реципиента реалии другой религии, в нашем случае православной. В то же время, по определенным историческим причинам, небольшая часть французских граждан, в основном иммигранты, исповедует православие. Румынская исследовательница Felicia Dumas в ходе анализа переводов румынской православной лексики на французский язык утверждает, что «*l'orthodoxie française nous apparaît comme un paradigme religieux cohérent et unitaire, dont l'unité est fortement soutenue par la langue de célébration de ses offices, à savoir le français*» (французское православие представляет собой целостную и логическую структуру, единство которой опирается на язык его богослужений, т.е. на французский) [Dumas 2008: 75].

По мнению автора, основу православной лексики французского языка составляют:

- слова латинского происхождения: *après-fête, portes royales, introduction dans l'église*;

- заимствования с греческого языка: *sanctus, dalmatique*;

- заимствования со старославянского языка: *starets, hygoumène, pokrov* [Dumas 2008: 82].

Из этого следует, что французский язык содержит определенное количество лексических единиц «общих, как для католической, так и для православной религии» [Dumas 2008: 79]. Вопрос состоит в том, чтобы определить, насколько верно и полно французский язык может отразить реалии православной действительности, присущие молдавскому народу и отраженные в произведениях молдавской литературы.

В процессе анализа особенностей реноминации православных реалий во французском языке, который является основным для католицизма, основной религии во Франции, выявлены следующие закономерности.

Основная часть религиозных R-реалий литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века представлена во французском тексте сходными, смежными религиозными R-реалиями французского языка. Понятия, выражаемые сходными реалиями, в основном соответствуют в соприкасаемых языках, различия между ними обнаруживаются «в компонентах значений слов, в оттенках значений слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней форме слова и т. п., обнаруживая информационные несовпадения» [Томахин 1988: 142]. Сходство религиозных реалий объясняется тем, что православие и католицизм рассматриваются как ветви христианства. В словаре духовной культуры данные конфессии истолковываются следующим образом: *православие* (правильно славить Бога) – одно из направлений (конфессий) христианства, окончательно сформировавшееся в XI в. в результате разделения церквей и

католицизм (лат. – всеобщий, вселенский) – одна из трех христианских конфессий (православие, католицизм, протестантизм), сложившихся в IX-XI вв. в Западной Европе [Словарь духовной культуры].

Следует отметить, что православные реалии, которые можно определить как сходные с религиозными реалиями принимающего (в нашем случае французского) языка, не являются полными эквивалентами в тексте на французском языке, где сталкиваются религиозные традиции православного автора и католического переводчика. На языке перевода означаемые сходных религиозных реалий содержат коннотативные (а иногда и денотативные) семантические признаки, выражающие национально-культурные особенности религиозной жизни народа. По таким особенностям легко опознаются представители каждой религии, «безошибочно определяется речь "своего" и "чужого"» [Бугаева 2004: 292]. Чаще всего реципиент воспринимает такую реалию как родную и тогда стирается национально-культурный, в нашем случае, православный колорит художественного перевода. Рассмотрим пример: ... *et qu'est-ce une religion dont même les saints ne peuvent connaître le repos sous les veilleuses perpétuelles!* [Droutsé 1985].

Приведенная R-реалия относится к лексической группе, объединяющей культовые предметы. В современном французском языке реалия *veilleuse* многозначна, и на современном этапе развития языка актуализирует отличное от реалии *лампада* значение, которые указывает на конкретный предмет, имеющий специальное применение, относящийся строго к православным реалиям «небольшой сосуд с фитилём, наполняемый деревянным маслом и зажигаемый перед иконой» [Толковый словарь русского языка Ожегова С.И.]. Французская R-реалия *veilleuse* не содержит религиозной коннотации, но, тем не менее, переводчик остановил свой выбор именно на этой реалии, основываясь на устаревшем значении данного слова «см. *veilleuse – vieilli (устар.) - petite mèche montée sur une rondelle de liège flottant sur l'huile d'une lampe*» (маленький фитиль, поднимающийся над

диском, плавающего на масле лампы) [Dictionnaire de l'Académie française]. Лишь устаревшее значение лексемы *veilleuse* частично приближено к значению R-реалии *лампада*. Замена «чужой» R-реалии «своей» (сходной) R-реалией позволяет предупредить возникновение лакуны на семантическом уровне, не отражает православный колорит реалии, а заменяет его на «свой», католический. По такому типу осуществляется адаптивная реноминация следующих реалий:

... *il n'allait plus ni à l'église, ni au réfectoire* ... ;

... *de la bouche d'un novice transylvanien, lui avait beaucoup plu;*

... *tous les murs d'enceinte étaient garnis de cellules improvisés...* [Droutsé 1985].

К более существенной потере не только на уровне семантического, но и на уровне когнитивного содержания приводит реноминация «чужих» R-реалий «своими» R-реалиями, выраженные гиперонимами или гипонимами. Например: *Ce n'est pas en ma qualité de supérieur, responsable devant le monde de ce monastère...* [Droutsé 1985].

Лексическая единица *supérieur* наряду с основными значениями, выражает в религиозной сфере обобщающее значение «religieux, religieuse, qui a reçu la charge de gouverner un Institut religieux, une province ou une maison religieuse» (религиозный деятель, наделенный полномочиями руководить религиозным учреждением) [Dictionnaire de l'Académie française]. Применение «своей» (французской) R-реалии, выражающей более общее значение по сравнению с «чужой» реалией делает акцент на когнитивной значимости реалии. Несмотря на то, что во французском языке существует слово *higoumène* (*игумен*) [Larousse], обозначающее реалию, имеющую прямое отношение к православной религии, тем не менее, переводчик использовал гипероним *supérieur* для того чтобы, передать ту часть значения, которая совпадает со значением «чужой» R-реалии *игумен*, в ущерб

православной составляющей коннотативного смысла, а именно тот факт, что обозначаемый человек является начальствующим субъектом.

Данное исследование подтверждает мнение о том, что использование «своих» R-реалий происходит чаще всего для компенсации лакун, которая находится «в прямой зависимости от доминирующей во французском тексте стратегии перевода» [Булгакова 2013: 7]. Можно сказать, что в анализируемом тексте доминируют стратегии лингвокультурной адаптации и доместикации, т.е. переводчик реноминирует «чужие» R-реалии «в соответствии с господствующими в принимающей культуре дискурсивными и узуальными языковыми и речевыми нормами с целью создания такого текста, который был бы «прозрачен», без труда понятен читателю, принадлежащему к «чужой» культуре» [Булгакова 2013: 7].

Важным компонентом ментального мира индивидуума является духовная составляющая, которая отражает верования человека. Духовные ценности народа составляют национальный культурно-исторический фонд, который находит свое отражение, как вообще в языке, так и в частности в художественном тексте. Большая часть C-реалий включает реалии, отображающие религиозную составляющую жизни народа, которые определяются как «абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющая визуального прототипического образа» [Красных 2003: 272]. Совокупность C-реалий составляют концептосферу произведения, выстроенную в романе И. Друцэ (I. Droutsa) на идее «поиска и обретения Бога человеком» [Хитчинс 2008: 18] и охватывает культурные концепты, отражаемые в ритуалах, праздниках (религиозных), культовых понятиях и в номинациях последователей культа.

В процессе анализа особенностей реноминативных форм C-реалий во французском тексте были выявлены следующие закономерности. Основная часть «чужих» для французов религиозных C-реалий, обнаруживающие различия на уровне сигнификативного значения, подвергается

экспликативной реноминации «своей» (французской) сходной С-реалией. Рассмотрим пример:

C'était bientôt l'heure de l'office nocturne, que l'on célèbre au coeur de la nuit... [Droutsé 1985].

В словаре католической литургии отмечено, что *nocturne* – это часть ночной литургии, состоящая из определенного количества псалмов, чтения Библии и литургических песнопений, что указывает на некоторые несоответствия совершения *полуночницы* в православной и католической религиях, но это незначительное отличие реалий соприкасаемых языков не изменяет целостную религиозную направленность художественного текста. Несомненно, различия между обозначенными реалиями существуют по причине расхождений в структуре и содержании богослужений в православии и католичестве.

Религиозные С-реалии, отражающие общедуховные, можно сказать общехристианские, понятия, представлены в основном реноминативными формами «своих» (французских) экспликативных С-реалий. Рассмотрим несколько примеров:

Comment assurer les services religieux si l'on n'emporte pas tout ça?; ... se fait-elle le serment de revenir chaque année, au jour anniversaire, visiter ses petits.; A la mémoire de nos ancêtres, de ceux qui ont fondé, pour ainsi dire... [Droutsé 1985].

Применение маркеров межъязыковой категоризации реалий, позволяет прийти к заключению, что различия между «чужими» религиозными С-реалиями *требы, день поминовения, за помин души*, и, представленными в вышеприведенных примерах, «своими» (французскими) С-реалиями *les services religieux, au jour anniversaire, à la mémoire de nos ancêtres*, проявляются на уровне семантических признаков указанных реалий. Так, значение «чужой» сходной реалии *требы* «богослужения, совершаемые не ежедневно, а по их необходимости (по требованию)» реноминируется на

французском языке гиперонимичной экспликацией – С-реалией *les services religieux*, которая не передает конкретизирующий компонент значения реалии исходного языка *по необходимости*. Идентичная модель реноминации применена при передаче С-реалий *день поминовения* и *за помин души*, которые представлены реноминативными формами «своих» (французских) экспликативных С-реалий *au jour anniversaire* и *à la mémoire de nos ancêtres*, декодируя отсутствующие в принимающем языке части сигнификативного значения данных реалий.

Выделенные посредством критерия полного отсутствия реалии, т.е. неосвоенные, незнакомые в принимающем языке С-реалии реноминируются «своими» экспликативными С-реалиями с акцентом на декодирование значения «чужой» С-реалии. Например:

C'était l'heure éminente du silence de l'esprit, que Païssi Vélitchkovski avait apporté à l'Eglise chrétienne [Droutsé 1985].

Общий контекст романа «L'église blanche» I. Droutsa характеризует XVIII-ый век как период православного становления Молдавии, в особенности отмечается деятельность молдавского чудотворца Паисия Величковского, с именем которого связано укоренение в православии «умной молитвы», фигурирующей в романе в виде образной С-реалии *час умного безмолвия*. Как видим, в переводном тексте данная реалия реноминируется «своей» экспликативной С-реалией *l'heure éminente du silence de l'esprit*, отобразив средствами принимающего (французского) языка свое понимание реалии, путем замены «чужого» колорита «своим». Подобный способ реноминации наблюдается и в следующем примере:

... alors il fallait aussi l'ôter aux mots de "Seigneur, aide-moi!" quand on commençait à travailler [Bechliaga 1987].

Анализ адаптивной реноминации «чужая R-реалия → «своя» R-реалия» показал, что она приводит к сохранению когнитивной, информационной ценности реалий, но обуславливает потерю культурно-национальной

специфики, а именно православного колорита, заменяя «чужой» колорит на «свой».

Основное расхождение религиозных реалий в анализируемом тексте объясняется их принадлежностью к разным ветвям христианской религии: православная и католическая. Реноминация религиозных R-реалий православного происхождения на «католический» французский язык представляет трудности в плане семантического и когнитивного соответствия. Использование реалий католической религии как способа реноминации православных реалий создает зачастую кажущуюся эквивалентность, которая может привести к утрате фоновой информации, национально-культурного колорита православных реалий во французском тексте и, соответственно, всего контекста произведения. Е.М. Верещагин называет такое явление «мнимым пониманием», которое «часто наблюдается при межъязыковой омонимии» [Верещагин 2002: 147].

Незначительная часть «чужих» религиозных реалий реноминируется во французском тексте этнически-нейтральными ЛЕ. Пример передачи «чужой» R-реалии *батюшка* ЛЕ *mari* на французский язык основан на выделении семантического признака реноминируемой «чужой» реалии во французском тексте, который имеет дифференцирующее значение: ... *c'est mon mari que je n'arrive pas à faire sortir de l'église...* [Droutsé 1985].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова лингвокультурная реалия *батюшка* обозначает «православный священник, а также обращение к нему» [Толковый словарь русского языка Ожегова С.И.]. Во французском тексте важным представляется донести до французского реципиента информацию о батюшке как о женатом человеке. Существующая во французском языке реалия *prêtre* не способна выполнить подобную задачу в силу конфессиональных различий. В отличие от православного священника католическому положено сохранять целибат. Переводчик адаптировал реалию к «своей» культуре, совершив «подмену предметной ситуации,

описанной в переводе, другой» [Гарбовский 2004: 403]. Роль поясняющего фактора выполнил когнитивный контекст произведения. В ближайшем контексте к православной реалии *батюшка* находится реалия *матушка*, транслитерированная «чужой» L-реалией *matouchka*, дополненная «своей» C-реалией в виде метапереводческого комментария (**nom donné familièrement à la femme du prêtre*), указывающего на тот факт, что в разговорной речи *матушка* – это обозначение жены священника.

Еще один способ реноминации религиозных R-реалий заключается в использовании «чужих» номинаций – «чужих» L-реалий – для обозначения «чужих» религиозных реалий во французском тексте. Такой способ графемно-фонемной реноминации позволяет обозначить предмет, отсутствующий в принимающем языке, с использованием средств номинации «чужого» языка, адаптированных к фонетической и графической системе «своего» (французского) языка. Православная лексика остается большей частью незнакомой для большинства носителей французского языка в силу их принадлежности к иному вероисповеданию и, следовательно, является выразителем «чужой» культуры. Рассмотрим пример использования «чужой» L-реалии для обозначения «чужой» R-реалии:

On dirait un pope, dit l'un des moujiks, remarquant parmi les haillons une grande croix sur la poitrine du voyageur [Droutsé 1985].

Во французском толковом словаре «Larousse» данная лексема представлена в виде заимствованной транскрибированной единицы, ассимилированной французским языком, значение которой включает дополнительную экстралингвистическую информацию, т.е. *prêtre orthodoxe chez les Russes, les Serbes, les Roumains, les Bulgares* (православный священник в России, Сербии, Румынии, Болгарии) [Larousse]. Применение ассимилированной французским языком «чужой» L-реалии, которая отражает «чужую» действительность, сохраняет православный колорит в полной мере.

Как уже отмечалось, французский язык выполняет функцию языка богослужений для православных иммигрантов из православных стран. Но поскольку он «способен лишь частично обозначить религиозные реалии, свойственные православной культуре» [Dumas 2008: 79], то нередко использует заимствования, обозначающие «чужие» для него, православные реалии. Большая часть православных заимствований пришла во французский язык из греческого языка. Например:

Outre le gouverneur s'y trouvaient également le métropolitain de Moldavie, Gabriel... [Droutsé 1985].

С. Влахов, С. Флорин обозначают подобные реалии термином «интернациональные», т.е. – это реалии, которые «фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари», отмечая при этом, что они «обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску» [Влахов 2006: 61]. Во французском тексте интернациональные реалии выполняют чаще всего функцию формирования когнитивного контекста произведения. Список «чужих» R-реалий, реноминация которых осуществлялась по вышеуказанной модели, может быть дополнен следующими примерами:

... avait pris de telles dimensions que le patriarche de Constantinople... ;
... icône miraculeuse conservée en l'église principale du monastère...;
- Quoi, il n'est même pas archimandrite? [Droutsé 1985].

В случае передачи на язык перевода R-реалии, не имеющей семантических соответствий ни на когнитивном, ни на коннотативном уровне, переводчик прибегает к более сложной структуре реноминативной формы, использование «чужой»/«своей» L-реалии, которая декодируется с помощью «своей» C-реалии*. Объект «чужой» действительности обозначается номинациями принимающего языка в виде «чужих» L-реалий, дополненных своими метатекстуальными C-реалиями.

Рассмотрим следующие примеры:

Est-ce moi que vous appelez, matouchka ? (*nom donné familièrement à la femme du prêtre);*

A-t-il la Capuche Blanche? (*il s'agit d'une sorte de capuchon monastique, noir pour les moines et les évêques, blanc pour les métropolitains)*
[Droutsé 1985].

Выделенные реалии являются выразителями «чужой» лингвокультуры, обуславливающие образование лакун во французском тексте. Переводчик реноминирует «чужие» (неосвоенные) реалии созданными во французском тексте «чужой» (*matouchka*) и калькированной, «своей» (*la Capuche Blanche*) L-реалиями. С целью элиминирования образовавшихся лакун на уровне сигнификата, т.е. С-лакун, переводчик прибегает к метатексту, как разновидности «текста, ориентированного на раскрытие кода «чужой» лингвокультуры» [Козлова 2013: 7]. Несмотря на использование «своей» номинации принимающего языка для обозначения «чужой» реалии, переводчик, по-видимому, считает, что экстралингвистический, коннотативный компонент реалии ускользает от читателя французского текста, поэтому дополняет «свою» L-реалию метапереводческим текстом, который отмечается в виде «своей» С-реалии*.

Религиозная (православная) реалия *Белый клобук* является неосвоенной французским языком, т.к. обозначает инокультурный предмет, «чужую» R-реалию, полностью отсутствующую во французской религиозной (католической) культуре, калькированный перевод которой не обеспечивает ее полноценное понимание. Информационный пробел восполняется при помощи метатекстовой экспликации с указанием дополнительной экстралингвистической информации, представленный в тексте в виде «своей» С-реалии* *blanc pour les métropolitains*.

В данном случае реноминация «чужих» R-реалий основывается на применении «чужой» L-реалии, дополненной «своей» С-реалией* в виде метапереводческого подстрочного комментария.

В некоторых случаях когнитивная составляющая религиозной С-реалии эксплицируется метатекстовыми комментариями, хотя такой способ реноминации религиозных реалий используется редко. Например:

... et c'est Potemkine en personne qui a obtenu de l'impératrice la permission de peupler les régions méridionales de ces schismatiques réprouvés. *schismatiques, ou "vieux croyants", tenants de la "vieille foi" qui rejettent les réformes introduites dans l'église russe à partir de 1653 par le patriarche Nikone. Condamnés par le concile de 1666, ils furent durement persecutés. (*«Старообрядцы», сторонники «старой веры», которые отвергают реформы, введенные в русской церкви с 1653 года патриархом Никоном. Осужденные синодом 1666 года, их жестоко преследовали) [Droutsé 1985].*

Французская С-реалия *schismatiques* отражает религиозный компонент реалии *староверы* «se dit d'un membre d'une Église ou d'un groupement religieux séparé de l'Église mère» (говорится о последователе или о религиозной группе отделившейся от Церкви) [Larousse], но не содержит многоплановой когнитивной информации, исторического и православного колорита «чужой» С-реалии. Определенно французский реципиент не даст реалии *schismatiques* ту социально-культурную интерпретацию, которая соответствует когнитивному содержанию реалии *староверы*. Во французском тексте образовалась лакуна, которую переводчик элиминировал при помощи «своей» С-реалии, восполнив, утерянный при реноминации когнитивный компонент, «своей» С-реалией в виде метапереводческого комментария.

Как видим, реноминация религиозных R-реалий исходной лингвокультуры при помощи «чужих» L-реалий позволяет в полной мере сохранить православный колорит, но приводит к потере информации на уровне значения ЛЕ. В то время как способ реноминации, основанный на применении «своей» (французской) С-реалии, которая призвана декодировать «чужую» L-реалию в тексте на французском языке, приводит к частичному сохранению «чужого» национального колорита.

Анализ реноминативных форм группы религиозных R-реалий во французском тексте свидетельствует о том, что основным приемом реноминации является замена «чужой» R-реалии «своей» (сходной) R-реалией. Такой способ реноминации способствует сохранению общехристианского значения реалий на когнитивном уровне, что приводит к потере коннотативного смысла, отмечается утрата православного колорита, т.е. замена «чужого» колорита «своим». В силу отсутствия в «своем» (французском) языке номинаций для обозначения «чужих» R-реалий переводчик обращается к средствам «чужого» языка, используя «чужую» L-реалию, дополняемую «своей» экспликативной C-реалией для передачи реалий, не освоенных в языке и культуре перевода, сохранение коннотативного обозначения, которых необходимо для создания идейно-художественного образа текста художественного перевода.

Использование «чужих» L-реалий во французском тексте способствует созданию коннотативного контекста, сохранению православного колорита и увеличивает степень актуализации «своих» R-реалий, применение которых ведет к его частичной потере.

3.6. Реноминация внешних L-реалий

В процессе исследования было выявлено наличие в исходном языке L-реалий, обозначающих инокультурные для него реалии, выраженные в нашей работе терминологическим оборотом – «внешние» L-реалии. Несмотря на то, что «внешняя» L-реалия в исходном языке воспринимается как инокультурная реальность, прошедшая некую ступень адаптации, ассимиляции в данном языке. В принимающем языке такая реалия расценивается как репрезентант «чужой» культуры, часто не обособленная от лингвокультуры исходного языка. Исходя из этого, реноминативные возможности принимающего языка реализуются в той же мере, что и по отношению к «чужим» реалиям вообще.

Подавляющее большинство таких реалий реноминируется во французском языке при помощи «чужих» L-реалий, которые актуализируются посредством языковых графемно-фонемных средств принимающего языка. Применение способа графемно-фонемной реноминации свидетельствует, с одной стороны, о знакомости, ассимилированности реалии в принимающих лингвокультурах, а с другой – о необходимости воссоздания в контексте колорита «чужой» культуры исходного текста. Рассмотрим пример реноминации «чужой» L-реалии: *Une vingtaine de pachas et un détachement de janissaires ...* [Droutsé 1985].

В предложенном контексте выделены две «чужие» для французского языка L-реалии, которые, являясь чуждыми и для молдавской лингвокультуры, приближенно сохраняют фонетические и орфографические характеристики исходного (турецкого) языка. Данные реалии определяются посредством критерия наличия «чужой» лексической единицы и выполняют во французском тексте функцию маркера «чужой» культуры.

Идентичным образом происходит графемно-фонемная реноминация «чужой» L-реалии, принадлежащей русской лингвокультуре во французском тексте: ... *comment tu jouais de la balalaïka ...* [Bechliaga 1987].

Полное сохранение «чужого» национального колорита наблюдается при анализе L-реалий, «внешних» не только для французского, но и для исходного текста. Рассмотрим следующие примеры:

... *quand il était encore jeune, il avait une chevelure épaisse et luxuriante et quand on le voyait de loin on estimait qu'il avait sur la tête un bonnet d'astrakan* [Bechliaga 1987];

En russe ça s'appelle un «piatak», c'est-à-dire cinq kopecks [Droutsé 1985].

Выделенные в приведенном контексте реноминативные формы реалий *astrakan*, *kopeck* воспроизводят «чужой» для молдавской культуры национальный колорит (русский), будучи освоенными и знакомыми в принимающей (французской) лингвокультуре.

Данная модель способствует полному сохранению «чужого» колорита во французском тексте, что обосновывается целым рядом примеров: ... *et les ayant ainsi enrichis, les vizirs turcs ...* ;

Derrière la nourriture terrestre et à quelque distance, venait la nourriture spirituelle sous forme d'énormes tentes entassées n'importe comment sur des télègues et destinées aux offices religieux en campagne. [Droutsé 1985];

... lui recourbant la pointe à la manière d'un yatagan qu'il avait vu dans le manuel d'histoire [Botsou 1987].

Особенно ярко полному сохранению «чужого» национального колорита способствуют реноминации «чужих» ономастических L-реалий. Рассмотрим пример: *C'était Mahmud le célèbre bourreau du sultan Abdulhamid...* [Droutsé 1985].

Во многом наличие «чужих» ономастических L-реалий обуславливается тематикой произведения, так, необходимость воссоздания турецкой действительности предопределила присутствие целого ряда имен собственных, присущих турецкой лингвокультуре, многие из которых представляют исторические персоналии:

Proposer au commandant en chef des Turcs Aïdozla, de livrer la forteresse sans combattre...; Le Régent d'Égypte Mohamed-bey refusait de payer le tribut ... [Droutsé 1985].

Особый интерес вызывают реноминативные формы реалий-антропонимов, отличающихся национально-культурной спецификой, отсутствующей в принимающем языке, например, имена персонажей, отражающие русскую традицию именования, которая выделяет наличие отчества помимо имени и фамилии человека: *Sur ce point comme sur tous les autres Pierre Alexévitch avait raison* [Droutsé 1985].

Отмечаем, что лексическая реноминация «чужой» R-реалии, представляющую имя и отчество персонажа, осуществляется при помощи «своей» L-реалии (ввиду существования таковой во французском языке) для

обозначения имени *Pierre* и «чужой» L-реалии *Alexéivitch*, ввиду отсутствия такой формы именования во французском языке. Ср. также: *Ivan Karlovitch, Alexandre Matvéiévitich, Catherine Fiodorovna, Grégoire Alexandrovitch, Alexandre Vassiliévitch, Platon Alexandrovitch* [Droutsé 1985]. Данный способ реноминации отражает комбинаторное применение «своих» и «чужих» L-реалий для обозначения культурномаркированных ономастических реалий.

В единичных случаях полного отсутствия реалии во французском тексте реноминативная форма «чужой» L-реалии дополняется «своей» развернутой C-реалией* с целью декодирования незнакомого во французском языке значения L-реалии: ... *et il atteignait par endroits quatre sagènes* de haut. ... et il atteignait par endroits quatre sagènes* de haut. * Sagène: 2,13 m.* [Droutsé 1985].

Реалия *сажень* будучи «чужой» для исходного текста молдавской лингвокультуры, а также незнакомой и французскому читателю принимает реноминативную форму в виде «чужой» L-реалии + «своей» C-реалии* (в виде подстрочного комментария).

Наличие «чужих» L-реалий в контексте переводного текста обуславливает полное сохранение «чужого» национального колорита, что способствует маркированию «чужой» культуры в принимающем языке.

Некоторая часть «внешних», незнакомых французскому реципиенту, L-реалий реноминируется «своими» (французскими) R-реалиями. Рассмотрим пример: ... *lorsque dans votre bonté vous l'avez prise, si jeune, comme **demoiselle d'honneur*** [Droutsé 1985].

Применение внутреннего эксплицитного маркера «придворное звание, дававшееся представительницам знатных дворянских фамилий, состоящим в свите императрицы» [Большой толковый словарь русского языка], позволяет соотнести реалию *фрейлина* к категории «внешних» L-реалий, а межъязыковой критерий отсутствия части коннотативного значения обусловил использование «своей» R-реалии *demoiselle d'honneur* в силу

сходности реалий исходной и принимающей лингвокультур. В результате во французском тексте происходит замена «чужого» колорита «своим», имеющая своим следствием ассимиляцию принимающей лингвокультуре. Подобный эффект замены колорита наблюдается и в следующих примерах:

Les gars, c'est le Dniestr!; ... on peut fabriquer avec des baies sauvages un tel tord-boyaux...;

A mort, les infidèles ! [Droutsé 1985];

... où se trouvait les bergeries... [Bechliaga 1987].

Реноминативные формы в виде «своих» R-реалий ассимилируют референтную составляющую «чужой» инокультурной реальности, в то время как коннотативная составляющая (национальный колорит) «чужих» реалий актуализируется при помощи окружающего контекста.

Незначительное количество «внешних» для молдавской и французской лингвокультуры L-реалий, выделенных на основе критерия полного отсутствия в принимающей лингвокультуре реноминируются C-реалиями, т.е. представлены реноминативными формами более или менее развернутых экспликаций. Такие реноминативные формы основаны на способе концептуального описания «чужой» реалии.

Рассмотрим пример: *... et proposait au commandant en chef des Turcs, Aidozla, de livrer la forteresse sans combattre* [Bechliaga 1987].

Как видим, чужая L-реалия исходного текста *seraskir* реноминирована «своей» C-реалией *commandant en chef des Turcs*. Анализируемая L-реалия относится к турецкой исторической действительности и является «внешней», как для текста оригинала, так и перевода. Ввиду того, что реалия *seraskir* (тур. *Serasker*) отсутствует в толковых словарях французского языка, предполагаем, что данная реалия не известна во французской лингвокультуре. Этот факт свидетельствует о высокой степени национальной специфики реалии, что привело переводчика к использованию экспликации. Реноминация данной реалии выполнена с опорой на определение,

представленное в Большом толковом словаре русского языка, где ЛЕ *сераскир* обозначает: *в султанской Турции: главнокомандующий, позднее – военный министр* [Большой толковый словарь русского языка]. Как видим, «своя» экспликативная С-реалия содержит часть словарного определения «внешней» реалии, тем не менее, данная реноминативная форма приводит к замене «чужого» колорита «своим», что подтверждается так же и следующим примером:

Le jeune homme, âgé d'une vingtaine d'années, gisait entièrement nu sur la paille d'un large traîneau paysan ... [Bechliaga 1987].

В редких случаях «внешняя» L-реалия реноминируется этнически-нейтральной ЛЕ, в результате чего, во французском тексте происходит полное стирание национального колорита, т.е. наблюдается отсутствие как «чужого» колорита, так и «своего». Рассмотрим следующий пример:

... de me tapir dans un recoin si touffu que tous vos éclaireurs ne pourront me retrouver ... [Bechliaga 1987].

Данное произведение освещает события времен Великой отечественной войны, происходившие на территории Молдавии, а также события послевоенного времени. Например, в тексте оригинала в речи персонажа встречается «внешняя» L-реалия *razvetca*, которую переводчик реноминировал с помощью ЛЕ *les éclaireurs*. Таким образом, коннотативная составляющая значения данной реалии, отражающая «чужую» военную реальность, теряется при реноминации и не передается при переводе. В этом случае происходит полное стирание «чужого» национального колорита. Подобный результат отмечается в следующих примерах:

Et puis grand-père avait parlé avec un chef, lui avait demandé pourquoi on avait pris son gars ... [Bechliaga 1987];

... dans les casernes, sur les vaisseaux, dans les prisons.; ... de s'indigner hautement d'une décision de son souverain ... [Droutsé 1985].

Выявление «внешних» реалий во французском тексте затрудняется, в случае применения реноминативных форм в виде этнически-нейтральных ЛЕ, вследствие чего возникает необходимость обращения к дополнительным средствам выявления реалий, таким как межъязыковые маркеры определения реалий.

В результате анализа способов реноминации «внешних» L-реалий во французском тексте отмечаем, что для принимающей французской лингвокультуры они остаются чуждыми, инокультурными так же, как и для молдавской лингвокультуры. В данном случае, реноминативные возможности французского языка зависят во многом от степени освоения таких реалий в принимающем языке. Чаще всего, знакомые, интегрированные в систему принимающего языка, предстают во французском тексте в виде «чужих» L-реалий, заимствованных номинаций, существующих в принимающем языке, которые обуславливают полное сохранение «чужого» колорита. Что касается незнакомых, неосвоенных «чужих» реалий, то их реноминативные формы отличаются применением средств принимающего языка: «своих» R-реалий, либо «своих» C-реалий, которые способствуют замене «чужого» колорита «своим» в тексте принимающего языка, а также коннотативно и этнически-нейтральных ЛЕ, которые приводят к полному стиранию чужого колорита.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1. Реноминативный потенциал французского языка по интегрированию реалий «чужой» лингвокультуры обусловливается функциональной спецификой художественного реаликона конкретного произведения и категориальными характеристиками входящих в его состав реалий (R-, C- и L-реалий). Реноминативные формы «чужих» реалий проявляют различную степень сохранения «чужого» национального колорита во французском переводном художественном тексте.

2. Французские реноминативные формы R-реалий молдавской культуры, входящие в состав анализируемого художественного реаликона, предопределяются типологическими характеристиками, специфицируемыми тематической и хронологической соотнесенностью реалий. Реноминативный потенциал принимающего языка реализуется дифференцированно по отношению к каждому подтипу R-реалий.

3. Наибольшая часть молдавского *этнографического* R-реаликона реноминируется во французском тексте средствами французского языка: адаптивными номинациями, представленными «своими» (французскими) R-реалиями и «своими» экспликативными C-реалиями. В некоторых случаях реноминативная форма «своей» R-реалии дополняется «своей» экспликативной C-реалией с целью концептуального эксплицирования отдельных оттенков национально-культурного колорита реноминируемых реалий. «Свои» R-/C-реалии в тексте на французском языке выполняют компенсаторную функцию, заменяя «чужой» национальный колорит на «свой».

Значительный пласт этнографического реаликона молдавской литературы предстает во французском тексте в виде «своих» этнически-нейтральных ЛЕ, отличающихся отсутствием национальной специфики на всех уровнях сторон реалии. Такие нейтральные лексические номинации, будучи лишены национально-культурной составляющей на уровне

коннотативного, денотативного и сигнификативного значений, переносят в переводной текст лексическое значение исходных реалий, обуславливая полное стирание национального колорита как исходящей, так и принимающей лингвокультуры.

В ряде случаев во французском тексте обнаруживаются реноминативные формы в виде «чужих» L-реалий, отображающие графемно-фонемную репрезентацию национально-культурной специфики молдавской лингвокультуры. Некоторые «чужие» L-реалии дополняются «своими» (французскими) C-реалиями, создавая сложные реноминативные формы. «Чужие» L-реалии являются яркими выразителями «чужого» национального колорита и служат полному сохранению «чужого» колорита в принимающем языке.

4. Во французском тексте ономастический реаликон молдавской литературы предстает в двух основных реноминативных формах: «чужих» L-реалиях и «своих» L-реалиях. Доля «чужих» L-реалий превалирует во французском тексте и полностью сохраняет самобытный колорит исходной лингвокультуры. Реноминации, представленные во французском тексте в виде «своих» L-реалий, менее многочисленны. Такие реалии сохраняют «чужой» национально-культурный колорит частично в случае знакомости реалии и полностью нейтрализуют его при абстрактной соотнесенности реалии с определенной культурой. Реноминативы ономастических реалий во французском языке являются наиболее национально-окрашенным пластом текста, составляя основу культурнозначимой лексики «чужой» лингвокультуры во французском языке.

5. Отображение исторического компонента молдавской культуры во французском языке осуществляется большей частью посредством «своих» (французских) R-реалий. Реноминативные формы французских реалий, обладающие «своим» национально-историческим колоритом, служат замещению «чужого» (молдавского) национально-исторического колорита,

что приводит к его стиранию в результате процесса межкультурной субституции адаптивными реалиями. Нейтрализация национально-культурного колорита исторических реалий происходит в процессе реноминации «чужих» реалий «своими» (французскими) этнически-нейтральными ЛЕ, в этом случае происходит деколоризация национальной специфики, но не утрата денотативного/сигнификативного значения. Французские реноминативы, отображающие ярко «чужую» национально-историческую специфику, представлены «чужими» L-реалиями, которые обнаруживают явную инокультурную составляющую исторических реалий в принимающем языке и являются несвойственными французской лингвокультуре лексическими реноминациями. В некоторых случаях, при полной незнакомости, «чужие» L-реалии дополнены «своими» C-реалиями, которые являются концептуальными экспликациями в виде метапереводческих комментариев. В отдельных случаях во французском тексте фиксируются реноминативные формы в виде «своих» C-реалий, являющиеся репрезентациями национально-исторических понятий, обладающих сходными значениями входящей лингвокультуры. В результате реноминации яркий «чужой» исторический колорит сохраняется во французском тексте частично, чаще всего наблюдается замена национального компонента значения в пользу «своей» национальной специфики, с сохранением общей исторической значимости. Нейтрализация, полная утеря исторического колорита происходит фрагментарно.

6. C-реаликон (реалии-ментефакты) молдавской культуры представлен во французском тексте менее дифференцированно, чем другие подтипы реалий. В основном преобладают реноминации в виде «своих» C-реалий, что приводит к замене национального компонента молдавской ментальности, заключенной в концептуальных реалиях исходного языка. Во французском тексте акцентируется экспозиция «своей» (французской) национальной специфики в ущерб сохранению «чужой», в силу межъязыкового

расхождения С-реалий на уровне коннотативного значения и сходности на уровне сигнификативного значения. Треть С-реаликона молдавской литературы нейтрализуется во французском тексте «своими» ЛЕ, отличающимися отсутствием какой бы то ни было национальной составляющей. Прочие способы реноминации представлены единичными примерами. Следует отметить, что национальный колорит ментальности, отраженный в литературе Молдавии исследуемого периода передается ограниченно «чужими» для французского языка L-реалиями, которые в большинстве своем эксплицируются французскими С-реалиями.

7. Реноминативные формы транзитивных $R \rightarrow C$ -реалий представлены во французском языке более дифференцированно, превалирование референтной либо концептуальной стороны такой реалии приводит к использованию «своей» R-/C-реалии. Значительная часть $R \rightarrow C$ -реалий представлена во французском тексте этнически-нейтральными ЛЕ, что приводит к стиранию национально-культурной специфики. Реноминации таких реалий представляют наименьшую дифференцированность способов реноминации в принимающем языке.

8. Периферийная часть реаликона молдавской литературы, представлена религиозными (православными) R-/C-реалиями. Выбор способов их реноминации во французском тексте обуславливается преимущественно сходными или несходными национально-культурными характеристиками религиозных реалий двух лингвокультур. Наличие в религиозной лексике французского языка сходных семантических признаков предопределяет реноминативный выбор в пользу «своих» R-реалий. Критерий наличия во французском языке заимствованной ЛЕ, предполагающей знакомость «чужой» реалии в принимающем языке, предопределяет выбор реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий, использование которых способствует сохранению во французском тексте специфики православного колорита исходной лингвокультуры. При полном

отсутствии во французском языке какой-либо стороны православных реалий во французский текст переходят реноминативные формы в виде «чужих» L-реалий, декодируемые своими концептуализированными экспликациями – «своими» C-реалиями. Часть православных реалий эксплицируется во французском языке средствами «своего» языка, а именно «своими» L-реалиями, в редких случаях дополненными «своими» C-реалиями, выполняющими экспликативную функцию во французском тексте.

9. Парадигматика реноминативных форм «внешних» L-реалий отображена во французском тексте разноплановыми реноминациями. Большая часть «внешних» L-реалий, реноминируется такими же «чужими» и для французской лингвокультуры L-реалиями. Частично «чужой» компонент реаликона молдавской литературы представлен реноминированными формами «своих» (французских) R-/C-реалий, заменяющих инокультурную специфику «своей». Нейтрализация инокультурной специфики «внешних» L-реалий, т.е. реноминация «своими» LE, наблюдается во французском тексте частично в силу незнакомости передаваемой национальной специфики во французской лингвокультуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование выполнено в рамках лингвокультурологического направления и посвящено анализу реноминативного потенциала французского языка при интегрировании и освоении во французском переводном художественном тексте реалий, передающих особенности молдавской культуры. Намеченный вектор определил новизну данной работы в плане 1) корректного выбора эмпирического материала исследования; 2) выбора методологического инструментария для определения реалий и проведения их анализа; 3) закрепления терминов и терминологических оборотов, используемых в данном исследовании.

Анализ материала проводился в русле лингвистической теории реалии, согласно которой реалия рассматривается как трехсторонняя структура, каждая сторона которой получает специальное обозначение: R-, C- и L-реалии, где R-реалия определяет денотат, предмет действительности (артефакт, натурфакт), C-реалия – сигнификат, культурный концепт (ментефакт, социофакт) и L-реалия является номинацией, языковым обозначением R- и C-реалий. Такой подход позволил системно подойти к неоднородному классу ЛЕ, объединяемых понятием реалии, и осуществить непротиворечивое описание различных типов и подтипов в зависимости от признака (референтного, семантического или номинативного), лежащего в основе категоризации реалий.

Кроме того, объединяющим фактором реалий выступает единое контекстуальное обрамление, которое в нашем исследовании представлено французским переводным художественным текстом. Данный факт позволил определить, что реалии составляют в тексте некую унитарную систему, обозначенную термином «реаликон», который, будучи индивидуально-авторским, выполняет единую идейно-тематическую и импрессиивно-эстетическую задачу. С этих позиций стало целесообразным введение в

терминологический оборот термина «художественный реаликон». Последний мы определили как совокупность реалий, сгруппированных в единый идейно-эстетический комплекс, фиксирующий значимые национально-культурные характеристики художественного произведения. Системная репрезентация художественного реаликона находится в прямой зависимости от коррелятивной обусловленности категориальных характеристик реалий как составляющих его элементов.

Особое внимание уделено эмпирической базе исследования, которая в нашей работе представлена переводными художественными текстами на французском языке. В нашей работе переводной художественный текст детерминируется как репрезентативный материал для анализа «чужих» реалий с точки зрения системно-лингвистического подхода, опирающегося на понимание переводного текста как самодостаточного художественного произведения на французском языке вне зависимости от характеристик выполненного перевода.

Одной из задач нашего исследования был вопрос об идентификационных критериях реалий как национально маркированных ЛЕ внутри французского художественного контекста. Решение данной задачи потребовало обращения к анализу контекстуальных условий, семантических компонентов словарных дефиниций и межъязыковой комплементарности реалий. Критерий контекстуальной экспликации стал наиболее эффективным при выделении категории С-реалий, а также категории неосвоенных французским языком R-реалий. В качестве словарных маркеров выделения реалий выступили: эксплицитный внутренний словарный маркер, выраженный непосредственно толкованием значения ЛЕ, наличием внутри значения ЛЕ семантического признака, относящего ее к определенной лингвокультуре; эксплицитный внешний словарный маркер, представленный металингвистическими характеристиками ЛЕ в словарной статье в виде стилистических помет, таких как: *молд.* (молдавский), *местн.* (местный,

региональный), *народн.* (народный), *устар.* (устаревший), *ист.* (исторический), *правосл.* (православный), *церк.* (церковный); имплицитный словарный маркер, отражающий наличие подразумеваемой информации в структуре значения ЛЕ, представленного в словарной статье, косвенно подтверждающего принадлежность ЛЕ к категории реалий; внесловарный (метатекстовый) маркер, обосновывающий принадлежность ЛЕ к категории реалий при применении дополнительных информационных источников, когда в словаре не находят отражение ни дополнительные, ни коннотативные значения ЛЕ.

Способ выделения реалии, основанный на применении маркера каждой из сторон реалии в переводном художественном тексте, позволил выделить следующие критерии: *наличие «чужой» лексической единицы (номинации), отсутствие части (денотативного, сигнификативного, коннотативного) значения.*

Одним из важных этапов исследования стало рассмотрение корпуса переводов на французский язык произведений литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века, которые в том аспекте, который представлен в данной работе, еще не были предметом специального изучения. При этом важно подчеркнуть, что реалии рассматривались не как отдельные, изолированные элементы текста, а как часть художественного реаликона произведений указанного периода, который отличается высокой степенью национально-культурной маркированности и способностью в эстетическом виде отразить основные характеристики жизни и быта молдавского этноса.

Выявление художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века базируется на принципах выделения определенного (референтного, концептуального и номинативного) признака реалий, который позволил дифференцировать предметно-референтную часть, служащую воссозданию вещного изображения национально-культурной самобытности молдавского народа и включающую разнотипные R-реалии

(этнографические, ономастические и исторические); концептуальную часть, специфицирующую аспекты духовного, ментального бытия молдавского народа и включающую С-реалии, а также группу так называемых транзитивных $R \rightarrow C$ -реалий. Эти реалии репрезентируют предметно-референтный и концептуальный компоненты молдавской культуры и составляют ядро художественного реаликона анализируемых произведений молдавской литературы (См. Приложение 2).

Периферия реаликона представлена религиозными реалиями, характерными для молдавского народа, как части православного мира, а также «внешними» по отношению к молдавской культуре L-реалиями, использование которых мотивировано необходимостью отображения «чужой» (русской, турецкой) культуры (См. Приложение 3).

В нашем исследовании изучение «чужих» реалий на основе французских переводных художественных текстов выполнялось с позиций теории реноминации, положения которой опираются на необходимости повторного именованя объекта/понятия, уже обладающего номинацией в одном языке при отсутствии таковой в другом. Образованная во французском тексте номинация обозначается нами терминологическим оборотом «реноминативная форма», которая дефинируется как выражение «чужой» реалии типизированным способом реноминации путем акцентуации одной стороны (R-, C- и L-) реалии средствами принимающего языка. Дифференцированность реноминативных форм реалий молдавской культуры во французском тексте находится в прямой зависимости от характеристики примененных при реноминации языковых средств принимающего языка.

Доминирующими реноминативными формами во французском переводном художественном тексте являются «чужие» L-реалии, обусловленные критериями наличия заимствованной ЛЕ, в случае знакомости «чужой» реалии и полного отсутствия «чужой» реалии во французском языке в случае ее незнакомости. Образованные в результате

графемно-фонемной реноминации, такие реноминативные формы свидетельствуют о непосредственной принадлежности реалии к «чужой» лингвокультуре и способствуют полному сохранению, акцентированию «чужого» национального колорита в тексте на французском языке.

Реноминативная форма, представленная «своей» (французской) R-реалией, обосновывается сходностью денотативных признаков R-реалий соприкасаемых языков.

Реноминативная форма в виде «своей» C-реалии мотивируется необходимостью раскрытия семантических признаков «чужой» реалии и предстает во французском тексте как частичная или развернутая экспликация двупланной локализации. Экспликативная C-реалия* может быть размещена непосредственно внутри текста (внутритекстовая C-реалия*) или в подстрочной зоне (внетекстовая C-реалия*). Функциональная значимость внетекстовой C-реалии* ограничивается потребностью пояснения читателю значения «чужой» L-реалии.

Незначительное количество реноминативных форм, представленные «своей» L-реалией обосновывается универсальностью, общностью семантики «чужой» реалии и служит воссозданию реальности близкой реципиенту французского текста. Реноминативные формы такого рода («своя» R-, C-, L-реалия) детерминируются способом адаптивной реноминации и обуславливают субституцию «чужого» национального колорита «своим».

Наименее функциональная реноминативная форма наблюдается при применении этнически-нейтральных ЛЕ, не обладающих какой бы то ни было национальной спецификой, ни «чужой», ни «своей». Такое реноминативное решение обосновывается тенденцией сохранения вненационального денотативного/сигнификативного значения «чужой» реалии. Использование этнически-нейтральной ЛЕ приводит к полному стиранию национального колорита как «чужого», так и «своего» в тексте на

французском языке. Такие ЛЕ выполняют в принимающем языке сугубо информативную функцию.

Французский язык как язык принимающий «чужую» культуру, дифференцированно актуализирует «чужой» национально-культурный колорит. «Чужие» L-реалии способствуют акцентированию «чужого» национального колорита и составляют ядро художественного реаликона французского текста. «Свои» R-, C- и L-реалии, репрезентирующие «свой» национальный колорит вместо «чужого», свидетельствуют о субститутивных тенденциях французского языка и составляют периферию художественного реаликона французского текста. Этнически-нейтральные ЛЕ указывают на предрасположенность французского языка к нейтрализации, к элиминированию «чужого» национального колорита и остаются за пределами художественного реаликона переводного художественного текста. Таким образом, в процессе передачи художественного реаликона как совокупности реалий «чужой» культуры в переводном художественном тексте отмечаются значительные изменения.

Реноминативные формы «чужих» реалий во французском языке во многом детерминируются их категориальными особенностями. Дифференцированность способов реноминации фиксируется в разности пропорционального соотношения применения «своих» и «чужих» языковых средств при реноминации различных категорий «чужих» реалий. В целом при реноминации реалий референтной части реаликона (*категории R-реалий*) доминирует тенденция применения «своих» R-, C- и L-реалий (43,9%) и «своих» вненациональных этнически-нейтральных ЛЕ (20,5 %), затем следуют «чужие» L-реалии (35,6%).

Однако в результате индивидуального анализа типологических разновидностей R-реалий выявлено, что пропорциональное соотношение различных реноминативных форм варьирует в зависимости от конкретного подтипа R-реалий. Большая часть *этнографических* R-реалий молдавской

культуры реноминируется во французском языке посредством своих (французских) R-, C- и L-реалий (53,2% суммарно и 38,3%, 14,6% и 0,3% соответственно). Нейтрализация этнографической составляющей «чужой» национальной культуры осуществляется в 33,7% случаев. Фиксирование «чужого» национального колорита с опорой на номинативный потенциал исходного языка в виде «чужих» L-реалий, происходит в 13,1% случаев. Полученные в процессе исследования данные свидетельствуют о доминировании субститутивных тенденций при реноминации этнографического компонента молдавской культуры, ядерная репрезентация «чужого» колорита представлена лишь на 13%, а треть этнографического компонента нейтрализуется и остается за пределами французского текста.

Отдельный подтип R-реалий выделен на основе персонально-референтного признака, составивший группу *ономастических* реалий, при реноминации которых подключены лишь номинативные возможности французского языка с использованием «чужих» L-реалий (74,4%), либо «своих» L-реалий (25,6%). Ономастический компонент национального колорита интегрируется полностью во французском переводном художественном тексте на языке, субституция «чужого» колорита происходит лишь на четверть.

Подтип *исторических* реалий реноминируется в основном средствами французского языка, представленные «своими» культурномаркированными R-, C- и L-реалиями (37,5%, 19,5% и 2,4% соответственно), этнически-нейтральными ЛЕ (17,9%). Значительная часть реноминативных форм исторических реалий репрезентируется «чужими» L-реалиями (22,7%).

Особенности реноминации концептуального реаликона (*категории C-реалий*) проявляются в превалировании реноминированных форм в виде «своих» C-, L- и R-реалий (56,6%, 2% и 1% соответственно) и этнически-нейтральных ЛЕ (39,4%). Применение реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий крайне ограничено (1%). Французский язык встречает особые

трудности при освоении концептуального реаликона, фактически предстают два варианта реноминации концептуальных реалий: либо экспликативная субституция, т.е. пояснение «чужого» колорита «своими» лексическими средствами, либо его нейтрализация.

Особую группу периферии художественного реаликона составили реалии, обоснованные общностью культового признака – *религиозные R-реалии*. Критерий отличия части денотативного значения религиозных реалий обеих лингвокультур обусловил доминантное применение во французском тексте «своих» конфессионально маркированных языковых средств, среди которых выделены «свои» R-реалии (22,8 %), «свои» C-реалии (52,3%) и «свои» L-реалии (3,4%). Этнически-нейтральные ЛЕ применены ограниченно, лишь в 10% случаев. Несвойственные французской лингвокультуре православные R-реалии реноминируются посредством «чужих» L-реалий в 11,5% случаев.

При реноминации «внешних» *L-реалий* доминируют реноминативные формы в виде «чужих» L-реалий (69%). Применение «своих» языковых средств порядком ограничено: «свои» C-реалии (17,4%), «свои» R-реалии (7,2%) и «свои» L-реалии (2,8%). Нейтрализация инокультурного компонента «внешних» L-реалий посредством «своей» этнически-нейтральной ЛЕ фиксируется крайне редко (3,6%). Подавляющая часть национального колорита «внешних» L-реалий осваивается французским языком путем его акцентирования «чужими» L-реалиями, незначительная часть представлена во французском тексте в субституированной форме, вне пределов текста остается его наименьшая часть.

В результате выполненного исследования удалось выявить некоторые закономерности реализации реноминативного потенциала французского языка при реноминации реалий молдавской культуры.

Несмотря на принадлежность исследуемой пары языков к одной романской группе, дифференцированность на уровне национально-культурной специфики проявляется достаточно глубоко (См. Приложение 4).

Наиболее ярко и полно французский язык отображает молдавский колорит с помощью реноминативных форм в виде «чужих» L-реалий, составивших ядро (30 %) художественного реаликона молдавской литературы во французском переводном художественном тексте. «Чужие» L-реалии, эксплицируемые «своими» C-реалиями* составляют ближнюю периферию (2,8%) «чужого» художественного реаликона, в силу частичного сохранения «чужого» национального колорита.

Значительная доля молдавского колорита претерпевает субститутивные модификации во французском тексте и фиксируется реноминативными формами в виде «своих» французских R-, C- и L-реалий, составляющих дальнюю периферию (43%) художественного реаликона молдавской литературы во французском тексте.

Часть молдавского колорита утрачивается полностью во французском языке в силу применения в тексте реноминативных форм в виде этнически-нейтральных LE, которые выводят «чужие» реалии за рамки (23,2%) художественного реаликона переводного художественного текста.

Предлагаемое направление исследования имеет следующие перспективы:

- расширение корпуса национально-маркированного эмпирического материала за счет остального пласта литературы Молдавии, в том числе, произведения устного народного творчества: сказки, легенды, побасенки и т. д., произведения других хронологических периодов, что позволит расширить границы художественного реаликона молдавской культуры;

- исследование частотности варьирования и степени интегрирования реноминативных форм одной реалии в различных контекстах;

- выход на уровень сопоставительных исследований и уточнение сопоставимости художественных реаликонов различных культур.

Практическим следствием полученных результатов может стать составление словаря-реаликона молдавской культуры на французском языке.

Список литературы

1. Абкадырова И.Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля: на материале современной прозы: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / И. Р. Абкадырова. – Ростов-на-Дону, 2016. – 24 с.
2. Аврамов Г.Г. Язык. Культура. Межкультурная коммуникация (к вопросу о синтезирующем характере межкультурной коммуникации) / Г.Г. Аврамов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы II-ой Международной научно-практической Интернет-конференции. Вып. 2. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012. – С. 148-156.
3. Алексеева И.С. Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода / И.С. Алексеева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – № 2. – С.183-187.
4. Алексеева М.О. Терминология русского православия (семасиологический и ономасиологический аспекты) / М.О. Алексеева. – М.: Изд-во МБА, 2011. – 304 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Academia, 2002. – 391 с.
6. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека / Г.М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 300 с.
7. Бабушкин А.П. Методика выявления концептов разных типов / А.П.Бабушкин // Язык и национальное сознание. Межвузовский сб. научн. трудов. – М.: Истоки, 2010. – С. 14-15.
8. Бабушкин А.П. "Реальный мир" и "возможные миры" в анекдоте с фоновыми знаниями / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. №1. – С.17-21.

9. Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс: Учебное пособие / В.Н. Базылев, Ю.А. Сорокин. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 134 с.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
11. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М., «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
12. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва: Худож. лит., 1975. – 502 с.
13. Бахтин М.М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297-325. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_text.htm.
14. Березович Е.Л. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е.Л. Березович, М.Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2000. – № 17. – С. 33-38.
15. Берков В.П. Двухязычная лексикография: учеб. для студентов вузов / В.П. Берков. // 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель [и др.], 2004. – 236 с.
16. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры / Е.В. Бобырева // Знание. Понимание. Умение: науч. журнал Московского гуманитарного университета. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2008. – № 1. – С. 162-167.
17. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 88. – Челябинск, 2014. – № 6 (335). – С. 118-122.
18. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. // 4-е изд. – М. Флинта: Наука, 2009. – 520 с.

19. Бромлей Ю.В. Этнография Учебник / Ю.В. Бромлей, Г.Е. Марков. – М.: Высшая школа, 1982. – 320 с.
20. Бугаева И.В. Особенности конфессиональной дифференциации речи / И.В. Бугаева // Социальные варианты языка – 3: Материалы межд. науч. конф. – Н. Новгород: НГЛУ, – 2004 – С. 292-293.
21. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореферат дис. ... доктора филологических наук: / И.В. Бугаева. – Москва, 2010. – 48 с.
22. Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С.Ю. Булгакова – Воронеж, 2013. – 24 с.
23. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск: БГПУ, 2003. – 364 с.
24. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения / М.Л. Вайсбурд // Русский язык за рубежом. – Москва, 1972. – № 3. – С. 98.
25. Веденина Л.Г. Франция: большой лингвострановедческий словарь / Л.Г. Веденина, С.В. Боботов, И.С. Вдовина. – М.: АСТ-ПРЕСС-книга, 2008. – 976 с.
26. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. / А. Вежбицкая – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
27. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
28. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

29. Верещагин Е.М. «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской / Е.М. Верещагин // Вопросы языкознания. – Москва, 2002. – №4. – С. 145-151.
30. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 655 с.
31. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
32. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Г.О. Винокур // Сост. Т.Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
33. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 2006. – 342 с.
34. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С.Г. Воркачев // под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
35. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
36. Воробьева С.Ю. Речевая репрезентация внешнего и внутреннего мира современной женщины / С.Ю. Воробьева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – Волгоград, 2012. – № 1 (15) – С. 31-38.
37. Воронкова И.С. Лингвистическое освоение чужой действительности (на примере русско-французских языковых процессов рубежа XVIII-XIX веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.С. Воронкова. – Воронеж, 2011. – 24 с.
38. Воронова И.Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных: На материале эпических произведений XIX - XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук / И.Б. Воронова.– Волгоград, 2000. – Режим доступа:

<http://www.dissercat.com/content/tekstoobrazuyushchaya-funktsiya-literaturnykh-imen-sobstvennykh-na-materiale-epicheskikh-pro#ixzz5LENFPcP3>.

39. Гаврилюк Н.П. Традиционная календарная обрядность населения Левобережного Поднестровья: дисс. ... канд. ист. наук // Н.П. Гаврилюк. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – 209 с.
40. Гайдин Б.Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»): автореф. ... канд. филос. наук. / Б.Н. Гайдин – Москва, 2009. – 17 с.
41. Гак В.Г. Языковая номинация. Виды наименований. / В.Г. Гак. – М., Наука, 1977. – 360 с.
42. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
43. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин // Изд. 4-е, стереотипное. – М: Ком Книга, 2006. – 144 с.
44. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Лингвистика и межкультур. коммуникация" / Н.К. Гарбовский. – М.: изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2004. – 542 с.
45. Гиро П. Основные проблемы и направления в современной стилистике / П. Гиро // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 9. Лингвостилистика. – М., 1980. – С. 113-125.
46. Головин Б.Н. О хорошей речи / Б.Н. Головин // О культуре речи: сб. ст. – М., 1981. – С. 3-27.
47. Гришаева Л.И. Теория реноминации как частный случаи теории номинации (рец. На кн.: Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретьева.) / Л.И. Гришаева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2014. – №4 – С. 133-135.

48. Гришаева Л.И. Инокультурная реальность в современном художественном тексте / Л.И. Гришаева // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Иваново, 2017. – № 3 (10). – С. 17-20.
49. Грушевская Т.М. Французская ментальность: гендерный аспект / Т.М. Грушевская, В.В. Зеленская, Н.Ю. Фанян // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве. Коллективная монография. Отв. ред. У.М. Панеш, М.П. Ахиджакова. – Майкоп, Изд-во: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2015. – 282 с.
50. Гудий К.А. Типология приемов передачи культурно-специфических слов / К. А. Гудий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. – № 2. – С. 180-184.
51. Гудий К.А. Сопоставительный анализ стратегий и приемов перевода ономастических реалий (на материале русского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук 10.02.20 / К.А. Гудий. – Тверь, 2015.– 191 с.
52. Гулинов Д.Ю. Зеркальное анкетирование как метод исследования лингвокультуры / Д.Ю. Гулинов // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2018. – № 3. – С. 57-64.
53. Гусаков В.Л. Молдавский национальный характер в романе И. Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. Л. Гусаков // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2015. – № 2. – С. 28-31.
54. Давыдова Н.А. Концептуальные признаки в формировании лексического значения наименований животных: автореф. дисс. ... канд. фил. наук / Н.А. Давыдова. – Москва, 2009. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kontseptualnye-priznaki-v-formirovanii-leksicheskogo-znacheniya-naimenovaniy-zhivotnyh#ixzz5eYBRW0mL>.
55. Дмитриева О.А. «Письма счастья»: гипотезы возникновения жанра и этнокультурная специфика / О.А. Дмитриева, Д.Ю. Гулинов // Известия

- Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – Волгоград, 2019. – № 5 (138). – С. 180-185.
56. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
57. Егорова О.Н. Лингвоспецифика исторического романа / О.Н.Егорова // Вестн. Вятск. гос. гум. ун-та. – Киров, 2016. – № 4. – С. 63-67.
58. Жеребило Т.В. Введение в языкознание: Словарь-справочник (470 словарных статей). / Т.В. Жеребило // Изд. 5-е, испр. – Назрань: Кеп, 2016. – 156 с.
59. Зайковская Т.В. Доминанты национальной ментальности и коммуникативное пространство / Т.В. Зайковская // Вестник Славянского университета Молдовы. – Кишинев, 2008. – № 15. – Режим доступа: http://surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=559&Itemid=146.
60. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. Тверь: ТГУ, 2001. – 177 с.
61. Зырянова М.В. Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / М.В. Зырянова. – Воронеж, 2011. – 24 с.
62. Ионова И.А. Причуды заимствования в условиях двуязычия / И.А. Ионова. – Русин. – Кишинев, 2007. – № 4 (10). – Режим доступа: <https://psibook.com/literatura/prichudy-zaimstvovaniya-v-usloviyah-dvuyazychiya.html>.
63. Ионова И.А. Заимствование в условиях двуязычия как самостоятельная научная проблема («мамалыга» с «брынзой» в русском языке Молдовы) / И.А. Ионова // Вестник Славянского университета Молдовы. – Кишинев, 2008. – № 15. – Режим доступа: http://surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=559&Itemid=146.

64. Кабакчи В.В. Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи, Н.Г. Юзефович // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2007. – № 3. – С. 95-101.
65. Казакова Т.А. Практические основы перевода: English ⇔ Russian / Т.А. Казакова. – СПб.: Лениздат: Союз, 2001. – 317 с.
66. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
67. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
68. Кашкин И.А. Для читателя-современника. Статьи и исследования / И.А. Кашкин // Сборник подготовили к печати М. Лорие и П. Топер – М.: Советский писатель, 1977. – 560 с.
69. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. для студентов фак. филолог. профиля / И.М. Кобозева. // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
70. Козлова В.В. Особенности реноминации лингвокультурных реалий с помощью метатекста / В.В. Козлова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2012. – № 1 (17).. – С. 136-146.
71. Козлова В.В. Метатекст во французских переводах произведений М.А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В.В. Козлова. – Воронеж, 2013. – 24 с.
72. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
73. Кольцова Л.М. Художественный текст в современной лингвистической парадигме / Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж, 2007. – 51 с.

74. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – Москва Издательство «ЭТС», 2002. – 424 с.
75. Корнева В.В. Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах / В.В.Корнева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-тво ВГУ, 2014. – № 4. – С. 69-72.
76. Корниенко А.А. Трансформация как идентификационная характеристика современного французского текста / А.А. Корниенко, Г.П. Бутова, А.Б. Михалев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2018. – № 3 – С. 96 -102.
77. Корноголуб Е.В. Проблемы рецепции литературного произведения и феномен билингвизма в творчестве Иона Друцэ / Е. В. Корноголуб // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: Изд-тво ВГУ, 2019. – № 2. – С. 42-44.
78. Косиченко Е.Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): автореф. дис ... докт. филол. наук, 10.02.19 / Е.Ф. Косиченко. – М., 2017. – 48 с.
79. Косицына Н.О. Религиозный компонент языковой картины мира А.А. Фета / Н.О. Косицына // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2012. – № 3 (23). Т. 2. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26> .
80. Косых Е.А. Русская ономазиология: Учебное пособие / Е.А. Косых. – Барнаул: Алт ГПА, 2013. – 118 с.
81. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05, 10.10.19 / С.М. Кравцов. – Ростов н/Д, 2008. – 38 с.
82. Кравцов С.М. Фразеологическая номинация реалий периода Первой мировой войны (на материале французского языка). / С.М. Кравцов, Е.А.

- Соловьева // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2018. – №2 (42). – С. 251-263.
83. Краснопеева Е.С. Лексические особенности русскоязычного переводного дискурса. Корпусное сравнительно-сопоставительное исследование на материале современной художественной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.С. Краснопеева. – Тюмень, 2016. – 23 с.
84. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
85. Красных В.В. Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 45. – 92 с.
86. Кретов А.А. Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. – № 2. – С. 154-157.
87. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалий / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – № 1. – С.7-13.
88. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 108 с.
89. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: "Наука", 1989. – 187 с.
90. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
91. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова // Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

92. Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 257 с.
93. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя / Б.А. Ларин. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отдел., 1974. – 285 с.
94. Левый И. Искусство перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 395 с.
95. Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 400с.
96. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – 220 с.
97. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв: Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман.– Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704с.
98. Марковина И.Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов "притяжения" и "отталкивания" / И.Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. – Москва, 2006. – № 3. – С. 12-33.
99. Марковина И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию. / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – М.: ГЭОТАР - Медиа, 2008. – 144с.
100. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 260 с.
101. Масленникова Е.М. Особенности передачи ономастических реалий / М.Е. Масленникова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сб. науч. тр. Тверской государственной университет, Тверь. – № 25. – 2014. – С. 244-252.
102. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие: Для студентов вузов / В.А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
103. Мед Н.Г. Ассоциативный потенциал русских слов-реалий в испанской языковой картине / Н. Г. Мед // Язык, сознание, коммуникация: сборник

статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 186-198.

104. Межова М.В. Художественный текст как элемент культуры: переводческий аспект / М. В. Межова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. – С. 106-109. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/29.htm.

105. Меркулова Н.В. Герменевтический анализ художественного текста в аспекте синергии эстетических онимов (на материале романа Г. Флобера "Воспитание чувств") / Н.В. Меркулова // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж, 2018а. – № 1 (37). – С. 17-35.

106. Меркулова Н.В. Синергический эффект эстетических онимов как стилистический прием создания и характеристики персонажа романа / Н.В. Меркулова // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж, 2018б. – № 2 (38). – С. 44-56.

107. Мешалкина Е.Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв.): дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Мешалкина. – Москва, 2008. – 206 с.

108. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. – Москва: Готика, 1999. – 176 с.

109. Мишкuroв Э.Н. Художественный перевод в зеркале герменевтической методологии / Э.Н. Мишкuroв // Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур». – Москва: Изд-во Московского университета, 2014. – С. 217-227.

110. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. – Белгород: Белгородский государственный университет, 2007. – 207 с.

111. Моисеева С.А. Концепт дом/жилище во французской и румынской лингвокультурах / С.А. Моисеева // Проблемы лингвистики и лингводидактики. Международный сборник научных статей. – Белгород, 2016. – С. 100-107.
112. Молдаване / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Акад. наук Молдовы, Ин-т культур. наследия; отв. ред.: М. Н. Губогло, В. А. Дергачев. – М.: Наука, 2010. – 541 с.
113. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и учебные словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 102-117.
114. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. // 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
115. Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Н.М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 42 с.
116. Нестерова Н.М. Оказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости / Н.М. Нестерова, Е.А. Наугольных, Е.В. Поздеева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2016. – № 4 (42). – С. 44-58.
117. Нестерова Н.М. Оригинал-перевод: аффирмативная связь / И. А. Барина, Н. М. Нестерова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2017. – № 2(77). – С. 59-65.
118. Николаев С.Г. Художественный перевод как акт создания нового текста в новом (ином) культурно-языковом пространстве / С.Г. Николаев // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – Ростов-на-Дону, 2016. – Т. 1, № 3. – С. 101-118.
119. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация: учебное пособие / Ю.Л. Оболенская. – Москва: Высшая школа, 2006. – 335 с.

120. Пименова М.В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику / М.В. Пименова // Под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. – Кемерово, 2004.– 208 с.
121. Пищальникова В.А. Проблема лингвоэстетического анализа текста. / В.А. Пищальникова. – Барнаул, Изд-во Алтайского ун-та, 1984. – 59 с.
122. Пищальникова В.А. Психопоэтика. / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – 173 с.
123. Пищальникова В.А. Понимание художественного текста как междисциплинарная проблема / В.А. Пищальникова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – Москва, 2018. – Вып. 9 (801). – С. 275-291.
124. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика /З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
125. Попова З.Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И.А. Стернин // Изд. 2, дополненное и исправленное. – М.:URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. – 172 с. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Leksicheskaya_sistema_yazika.pdf
126. Попович А. Проблемы художественного перевода /А. Попович // Под общ. ред. и с предисл. П. М. Топера; Пер. со словац. И. А. Бернштейн, И. С. Чернявской; Отв. ред. Н.А. Кондрашов. – М. : Высш. школа, 1980. – 199 с.
127. Потебня А.А. Мысли и язык: Собр. тр. / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 268 с.
128. Прюво Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения / Ж. Прюво, А.П. Седых, Л.М. Бузинова // Научный результат. Серия Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Белгород, 2018. – Т.4, №3. – С. 21 - 35.
129. Психология французского народа / А. Фульье // Пер. с фр. Н. Кончевской. – Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1998. – 310 с.

130. Пташник М.И. Коммуникативная реноминация как алгоритмически организованный процесс / М.И. Пташник // Научная мысль Кавказа – Ростов-на-Дону, 2010. – № 1 – С. 139 -142.
131. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 328 с.
132. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
133. Рязанова С.В. Религиозные образы и идеи и их превращения в русской литературе / С.В. Рязанова // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – СПб, 2015. – С. 202-211 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-obrazy-i-idei-i-ih-revrascheniya-v-russkoy-literature>.
134. Савчук В. Св. Паисий Величковский и возрождение исихастской традиции в Румынской Церкви в XIX–XX веках / В. Савчук. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/sv-paisij-velichkovskij-i-vozhzhdenie-isihastskoj-traditsii-v-rumynskoj-tserkvi-v-19-20-vekah/.
135. Сагнаева У.Л. Концептосфера этнокультурной доминанты и методы ее изучения / У.Л. Сагнаева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2007. –Том 5. вып. 1. – С. 31-39.
136. Серебрянников Б.А. Общее языкознание / Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1970. – 404 с.
137. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие / З.В. Сикевич – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 203с.
138. Соловьева Е.А. Метафора в профессиональной коммуникации французских военнослужащих начала XX в. / Е.А. Соловьева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2018. – № 2. – С. 219-224. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-219-224>.

139. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 – Иностр. яз. / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Academia, 2005. – 296. с.
140. Сорокин Ю.А. Художественный перевод и его фиктивная реальность / Ю.А. Сорокин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – № 10. – С. 33-37. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11790561>.
141. Сорокин Ю.А. Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь (попытка расширения понятийного аппарата) / Ю. А. Сорокин // Вопросы психолингвистики. – М.: Московская международная академия, 2010. – № 11. – С. 28-33.
142. Сорокина И.В. Реалии в структуре языковой картины мира мексикано-индейцев (на материале литературы Чикано) / И.В. Сорокина // Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях Сб. научн. трудов. – Гродно, 2011. – С. 34- 38.
143. Степанов Ю.С. Константы мировой культуры: алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия / Ю.С.Степанов, С.Г.Проскурин. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
144. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
145. Стернин И.А. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование / И.А. Стернин, Г.В. Быкова. – М.: ИЯ РАН, 1998. – С. 55–67.
146. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика / И.А. Стернин. – М.:«Восток-Запад», 2006. – 206 с.
147. Стернин И.А. Выявление скрытых смыслов текста и лингвистическая экспертиза / И.А. Стернин // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве. – Ярославль, 2012. – Т.2. – С. 270-272.

148. Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы / И.А. Стернин // изд. 2-е. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 1077 с.
149. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская // Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Реформатский; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
150. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.
151. Тайави Я.М.Т. Лингвокультурные реалии во французских туристических путеводителях: автореф. дисс. ... канд. филол. наук 10.02.05 / Я.М.Т. Тайави. – Воронеж, 2017. – 24 с.
152. Телия В.Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В.Н. Телия, Е.О. Опарина // Культурология. – Москва, 2011. – № 1 (56). – С. 145-148.
153. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г.Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
154. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учеб.пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
155. Тернова Т.А. Христианские мотивы в балладе И. Друцэ «Вечный пахарь» / Т.А. Тернова, Е.В. Корноголуб // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Материалы 4-й Международной научно-методической конференции. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 315-318.
156. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз./ Г.Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.

157. Тюрин П.М. Особенности реноминации зарубежных кинофильмов и сериалов в социальных сетях (на материале социальной сети «В контакте») / П.М. Тюрин, М. Ли // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 9 (75): в 2-х ч. ч. 2. – С. 158-161.
158. Уланович О.И. Реалии как единицы художественного перевода в контексте теории реноминации / О.И. Уланович // Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы Межд. науч.-практ. конф, Минск, 22-23 окт. 2015 г.; редколл. О.И. Уланович [отв. ред.] и др. – Минск: Издатель А.Н. Вараксин. – С. 150 -156.
159. Уланович О.И. Реноминация реалий в процессе лингвокультурной адаптации текста при переводе / О.И. Уланович // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: Сб. науч. статей; редколл. Э.А. Усовская (отв. ред.) и др. – Минск: Колорград, 2016. – С. 421-428.
160. Уржа А.В. Функциональные компаративные исследования переводов: место встречи научных теорий, языков, текстов / А.В. Уржа // Текст в зеркалах интерпретаций: Сб. статей; Отв. ред. Уржа А.В. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 7-22. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/docs/Tekst_v_zerkalah_interpretaziy_2017.pdf.
161. Уфимцева Н.В. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / Н.В. Уфимцева. – Москва: Наука, 1986. — 240 с.
162. Федоренко В. Русская история в контексте художественного мировоззрения Иона Друцэ / В. Федоренко // Русин: Международный исторический журнал / Общественная организация "Русь" – Кишинев: Издательский дом "Татьяна", 2008. – № 1-2 (11-12). – С. 185-191.
163. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. — 5-е изд. / А.В. Федоров – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.:ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

164. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: автореферат дисс. ... доктора филол. наук / Н.А. Фененко. – Воронеж, 2006. – 36 с.
165. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – №2. ч.1. – С. 5-9.
166. Фененко Н.А. Авторский реаликон Н.В. Гоголя сквозь призму перевода / Н.А. Фененко // Новые технологии в обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. конф. (Москва, 15–16 мая 2008 г.). – М.: РУДН, 2008. – С. 435–443.
167. Фененко Н.А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н.А.Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2014. – №12. – С. 151-172.
168. Фененко Н.А. К проблеме лингвистической типологии реалий / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017а. – № 4. – С. 10-15.
169. Фененко Н.А. Русское просторечие во французских переводах рассказов М. Зощенко / Н.А. Фененко, Е. Лапаева // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2017б. – № 15. – С.51-59. – Режим доступа: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/518-2017-10-08-13-58-11.html>.
170. Фененко Н.А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия» / Н.А. Фененко // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. – Москва: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. – С. 279-284.
171. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки / Т.А. Фесенко // С любовью к языку: Сб. науч. тр.: Посвящ. Елене Самойловне Кубряковой /

[Редкол.: В. А. Виноградов (отв. ред.) и др.]. – Москва; Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 65-71.

172. Фечорий плаюлуй нистрян: Индиче биобиблиографик / Алк. ши селек. Л.И.Синяк. – Тираспол: Изд-во Приндестровского университета, 2005. –160 п.

173. Фирсова Н.М. Отражение национально-культурной специфики в художественном тексте (на материале испаноязычной литературы) / Н.М. Фирсова, Ю.А. Карасева // Современные научные исследования и инновации. Электронный научно-практический журнал. – Москва, 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/02/7920>.

174. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фоякова. – Ленинград: ЛГУ. 1990. – 103 с.

175. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / Н.А. Фененко // [и др.]; под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретов. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.

176. Хитчинс К. История и идентичность в романах Иона Друцэ / К. Хитчинс // Русин: Международный исторический журнал / Общественная организация "Русь" – Кишинев: Издательский дом "Татьяна", 2008. – № 1-2 (11-12). – С. 192-198.

177. Хутиыз И.П. О когнитивной природе формирования и интерпретации прагматического значения / И.П. Хутиыз, Т.В. Духовная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 1. Ч. 2. – С. 390-392.

178. Цвик И.И. Друцэ и А. Солженицын - опыт литературного сравнения / И.И. Цвик // Мир перемен. – 2008. – №4 – С. 161-167.

179. Ченуша Ф.Е. Аспекты прозы и литературной публицистики Бессарабии 50–60-х годов XX века / Ф.Е. Ченуша // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2015. – № 11(23). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2727>.

180. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В.М. Шаклеин. – Москва: Флинта, 2012. – 301 с. – Режим доступа: https://lib.rin.ru/book/lingvokulturologija-tradicii-i-innovacii_viktor-mihajlovich-shaklein/text/.
181. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
182. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 432 с.
183. Чекалина Е.М. Лексикография французского языка: Учебное пособие / Е.М. Чекалина, Т.М. Ушакова. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 236 с.
184. Чуковский К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – Москва: Советский писатель, 1968. – 384 с.
185. Юнал К. Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / К. Юнал. – Бирск, 2004. – 20 с.
186. Baker M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator / M. Baker – Target, 2000. – Vol. 12, № 2. – p.p. 241-266. <https://hathanhhai.files.wordpress.com/2012/11/towards-a-methodology-for-investigating-the-style-of-a-literary-translator.pdf>.
187. Ballard M. Les stratégies de traduction des désignateurs de référents culturels / M. Ballard // La traduction, contact de langues et de cultures. – Artois Presses Université Arras, 2005. – p.p. 126.
188. Bantuş A. Gheorghe Vodă: între solitudine și solidaritate / A. Bantos // Revista Limba Română, Nr. 12, anul XIV, 2004. – Режим доступа: <http://limbaromana.md/index.php?go=articole&n=1949>
189. Brandolini Ch. La traduction des Realia dans deux romans de Côte-d'Ivoire et de Martinique / Ch. Brandolini // Ela. Études de linguistique appliquée 2011/4 (n°164). – p. p. 479-489.

190. Benvéniste É. Problèmes de linguistique générale Tome I / É. Benvéniste. – Paris : Éditions Gallimard, 1966. — 356 p.
191. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle : une relation paradoxale / P. Charaudeau // Référence à compléter, 2009. – Режим доступа: <http://www.patrick-charaudeau.com/Identite-linguistique-identite.html>.
192. Cimpoi M. O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia. / M. Cimpoi // Ed.a 2-a, revăz. și adăug . – Chișinău : ARS, 1997. – 431p.
193. Ciobanu-Tofan A. Spiritus loci. Variațiuni pe o temă /A. Ciobanu-Tofan. – Chișinău: Gunivas, 2001. – 208 p.
194. Cocieru M. Constituente etnofolclorice în proza scriitorilor români din Republica Moldova (1960-1980): Teză de doctor în filologie (622.04) / M. Cocieru – Chișinău, 2016. – 179 p.
195. Cordonnier J.-L. Aspects culturels de la traduction: quelques notions clés / J.-L. Cordonnier // Meta 471. – 2002. – p. p. 38-50.
196. Dumas F. Traduire un texte roumain de spiritualité orthodoxe en langue française/ F. Dumas // Atelier de traduction. – Suceava: Editura Universitatii, 2008. – № 9. – p.p. 73-89.
197. Fournier-Guillemette M.-P. La traductologie: entre littérature et linguistique / M.-P. Fournier-Guillemette // Postures, Dossier «Interdisciplinarités / Penser la bibliothèque», №13. – 2011. – Режим доступа: <http://revuepostures.com/fr/articles/fournier-guillemette-13>.
198. Galisson R. De la langue à la culture par les mots / R. Galisson. – Paris : Clé international. 1991. – 234 p.
199. Gambier Y. Traduire l'autre. Une subversion / Y. Gambier // Ela. Études de linguistique appliqué 2008/2 (n° 150). – p.p. 177-194.
200. German O. Romanul lui Vladimir Besleaga (Lumea artistica, personaje, tehnici narrative): Teza de doctor in filologie / O. German. – Chșinău. 2015. – 145 p.

201. Gohard-Radenkovic A. Pourquoi l'analyse de l'altérité et des identités dans les littératures en français ? / A. Gohard-Radenkovic // *Altérité et identités dans les littératures de langue française, Le français dans le monde. Recherches et applications.* – CLE International, 2004. – p.p. 6-13.
202. Guiraud P. *La stylistique* / P. Guiraud. – Paris: Presses Universitaires de France, 1967. – 120 p.
203. Ladmiral J.-R. La traduction prolifère? — Sur le statut des textes qu'on traduit / J.-R. Ladmiral // *Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, volume 35, № 1, mars. – 1990. – p. 102–118. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7202/003370ar>.
204. Lado R. *Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers* / R. Lado, A. Arbor. – Univ. of Michigan Press, 1957. – 141 p.
205. Lederer M. L'interprétation, manifestation élémentaire de la traduction / M. Lederer // *Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, vol. 30, № 1, 1985. – p.p. 25-29. – Режим доступа: <http://www.erudit.org/revue/meta/1985/v30/n1/003440ar.pdf>.
206. Lederer M. *La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif* / M. Lederer. – Paris: Hachette FLE, 1994. – 224 p.
207. Lederer M. Quelques considérations théoriques sur les limites de la traduction du culturel. Les limites du traduisible / M. Lederer // *Forum Vol.3 №2.* – Paris: Presses de la Sorbonne. 2004 – p.p. 73 – 94. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/292952159_Quelques_considerations_theoriques_sur_les_limites_de_la_traduction_du_culturel.
208. Lefere R. La traduction archaisante: Cervantes d'après M. Molho. / R. Lefere // *Meta Vol. 39 N. 1*, 1994. – pp. 241– 249.
209. Lombez Ch. L'étude des textes littéraires traduits: un nouvel objet d'investigations en littérature comparée? / Ch. Lombez // *Revue de littérature comparée* № 343, 2012. – pp. 261-271.

210. Lungu-Badea G. Remarque sur le concept de culturème / G. Lungu-Badea // *Translationes* – Vol. 1, 2009. – pp. 15-78. – Режим доступа: <https://docplayer.fr/85819950-Remarques-sur-le-concept-de-cultureme-1.html>.
211. Luțev O. Valoarea estetică a operei lui Nicolae Esinencu / O. Luțev // *Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători*. – Chișinău: Tipogr., „Biotehdesign”, 2018. – Ediția a VII-a / Volumul II. – p.p. 58-62.
212. Manoli I. Stylistique de la langue française: problèmes de théorie et pratique/Stilistica limbii franceze: probleme de teorie și practică: Cours de leçons / I. Manoli. // ULIM, Inst. de Recherches Philologiques et Interculturelles (ICFI). – Chișinău: ULIM, 2012. – 171 p.
213. Manoli I. Dictionnaire des termes littéraires: Étymologie. Définition. Exemplification. Théorie / I. Manoli // Univ. Libre Intern. de Moldova, Fac. des Lettres, Inst. de Recherches Philologiques et Interculturelles (ICFI). – Chișinău, 2017. – 630 p.
214. Marouzeau J. Précis de stylistique française / J. Marouzeau. – Paris: Masson. 1969. – 191 p.
215. Quéffélec A. Emprunt ou xénisme: les apories d’une dichotomie introuvable? / A. Quéffélec // *Contacts de langues et identités culturelles*, Québec: Presses de l’Université Laval – Agence Universitaire de la Francophonie, 2000. – pp. 283-300.
216. Radu Z. Multidimensionalitatea activității profesorului Victor Banaru și problema traducerii textelor drușiene / Z. Radu, A. Vulpe // *Du texte au contexte. Défis et perspectives d’une approche interdisciplinaire du texte littéraire = De la text la context. Provocări și perspective în abordarea interdisciplinară a textului literar*, Tome 4: Actes du Colloque scientifique avec participation internationale, Chișinău, le 13 octobre 2016 / com sci.: Ion Guțu [et al.]. – Chișinău: CEP USM, 2017. – 234 p.
217. Rastier F. La mesure et le grain. Sémantique de corpus / F. Rastier. – Paris: Champion, *Lettres numériques*, 2011. – 280 p.

218. Ungureanu V. Teoria traducerii / V. Ungureanu. – 2013. – Режим доступа: <http://dspace.usarb.md:8080/jspui/bitstream/123456789/999/1/traducere.pdf>.
219. Variot E. La traduction d'auteurs de «Bessarabie», reflet des contacts entre les peuples et les cultures / E. Variot // Intertext. – Chişinău, 2014. – № 1/2. – p.p. 67-74.
220. Vinay J.-P. Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. // Nouvelle édition revue et corrigée. – Paris: Didier, 1971. – 332 p.
221. Vîntu V. Arte poetice în poezia postbelică din Republica Moldova (reabilitarea esteticului): Autoreferatul tezei de doctor în filologie (622.01) / V. Vîntu – Chişinău, 2015 – 28 p.

Список лексикографических источников

222. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. // 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
223. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. (Электронная версия). – Режим доступа: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>.
224. Большая российская энциклопедия – Режим доступа: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2223292>.
225. Большой толковый словарь русского языка. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф>.
226. Большой энциклопедический словарь русского языка. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/modern/Dragosh-dragos-vodje-8057.html>.
227. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь./ В.Г. Гак, К.А. Ганшина – М.: Рус. яз., 2000. – 1195 с.
228. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 669 с. – Режим доступа: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RU SSE_DES_MOTS_DORIGINE_ETRANGERE-KOMLEV.pdf.

229. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева // 2. изд., доп. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – 707 с.
230. Махонина А.А. Англо-русский тематический словарь безэквивалентной лексики: более 6000 словарных статей / А.А. Махонина, М.А. Стернина. – Москва: Флинта, 2019. – 476.
231. Покровский Д.Л. Словарь церковных терминов / Д.Л. Покровский. – Режим доступа: <http://slovo.yaхy.ru/65.html>.
232. Похлебкин В.В. О кулинарии от А до Я: Словарь-справочник. / В.В. Похлебкин. – Мн.: Полымя, 1988. – 224 с. – Режим доступа: <https://sheba.spb.ru/za/pohliobkin-slovar-1988.htm>.
233. Румыно-русский словарь – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф>.
234. Словарь духовной культуры – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/>.
235. Словарь турецких терминов – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XV/14601480/Mechmed_II/Kanun-name/glossar.htm.
236. Толковый словарь румынского языка – Режим доступа: [<https://dexonline.ro/definitie/pr%C4%83v%C4%83lie>].
237. Толковый словарь румынского языка – Режим доступа: <https://www.dex.md/definitie/Andrei>.
238. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. – Режим доступа: http://slovo.yaхy.ru/dic_oj_and_ch/12.html.
239. Толковый словарь французского языка Режим доступа: [<http://www.cnrtl.fr/definition/office>].
240. Французско-русский словарь – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/fr-ru/ecriture>.
241. Французско-русский и русско-французский словарь – Режим доступа: <https://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=4&l2=2&CL=1&a=0>.
242. Dictionnaire de l'Académie française. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/definition>.

243. Dictionnaire français-roumain – Режим доступа:
<https://dictionnaire.reverso.net/francais-roumain/maison>.

244. Dicționar de Simboluri și Credințe Tradiționale Românești - Режим доступа: <http://cimec.ro/Etnografie/Antonescu-dictionar/Dictionar-de-Simboluri-Credinte-Traditionale-Romanesti-p.html>.

245. Dictionar onomastic romanesc – Режим доступа:
<https://www.slideshare.net/gruiarul/dicionar-onomastic-romnesc-constantinescu-nicolae-a>.

246. Dicționare ale limbii române – Режим доступа:
<https://www.dex.md/definitie/pomeni>.

247. Larousse – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.

Электронные ресурсы

248. Moldovenii. – Режим доступа: <http://moldovenii.md/md/city/details/id/342>

249. Православие. – Режим доступа:
<https://days.pravoslavie.ru/Life/life6782.htm>

250. Православие. – Режим доступа:
<http://www.pravoslavie.ru/put/shagi/pervieshagi08.htm>

251. <http://nume.casata.md>

252. <https://eglise.catholique.fr/>

Список источников примеров

253. Bechliaga V. Le vol brisé = Крик стрижа: Roman / V. Bechliaga // Traduit du russe par Jean-Marie Pieri. – Kichinev: Literatura artistică, 1987. – 192 p.

254. Beșleagă V. Zbor frânt: Roman / V. Beșleagă. – Chișinău: Lumina, 1966. – 310 p.

255. Botsou P. Sougour-Mougour = Чугур-Мугур: Récits / P. Botsou // Traduit du moldave par El. Hotineanu. – Kichinev: Literatura artistică, 1987. – 84 p.

256. Boțu P. Ciugur-mugur: Povestiri / P. Boțu. – Chișinău: Cartea Moldovenească, 1961. – 82 p.

257. Droutsă I. Dons = Подарки / I. Droutsă // Traduit du moldave par Victor Banarou. – Kichinev: Literatura artistică, 1985. – 48p.
258. Droutse I. Histoire d'une fourmi / I. Droutse // Traduit du moldave par Eléonore Khotineanu. – Kichinev: Literatura artistică, 1988. – 27 p.
259. Droutsé I. L'église blanche / I. Droutsé // Trad. du russe par Françoise Baqué-Louge – Paris: Messidor / Temps actuel, 1985. – 288 p.
260. Druța I. Daruri / I. Druță // Prez. Grafică de E. Childescu. – Chișinău: Literatura artistică, 1983. – 48 p.
261. Esinencu N. Portocala / N. Esinencu. – Chișinău: Cartea Moldovenească, 1970. – 79 p.
262. Essinencou N. L'Orange = Апельсин / N. Essinencou // Traduit du moldave par V. Grigoryev. – Kichinev: Literatura artistică, 1988. – 72 p.
263. Vodă Gh. Bunicii mei: Povestiri / Gh. Vodă. – Chișinău: Literatura artistică, 1982. – 39 p.
264. Voda Gu. Mes grands-pères / Gu. Voda // Traduit du moldave par V. Banarou. – Kichinev: Literatura artistică, 1986. – 43 p.
265. Бешлягэ В. Крик стрижа / В. Бешлягэ // Пер. с молдавского: В. Бжезовский, предисловие: А. Лупан. – Москва: Художественная литература, 1981. – 576 с.
266. Друцэ И. Белая церковь. Бремя нашей доброты. / И. Друцэ. – Москва: Молодая гвардия, 1985. – 576 с.

Диаграмма 1:

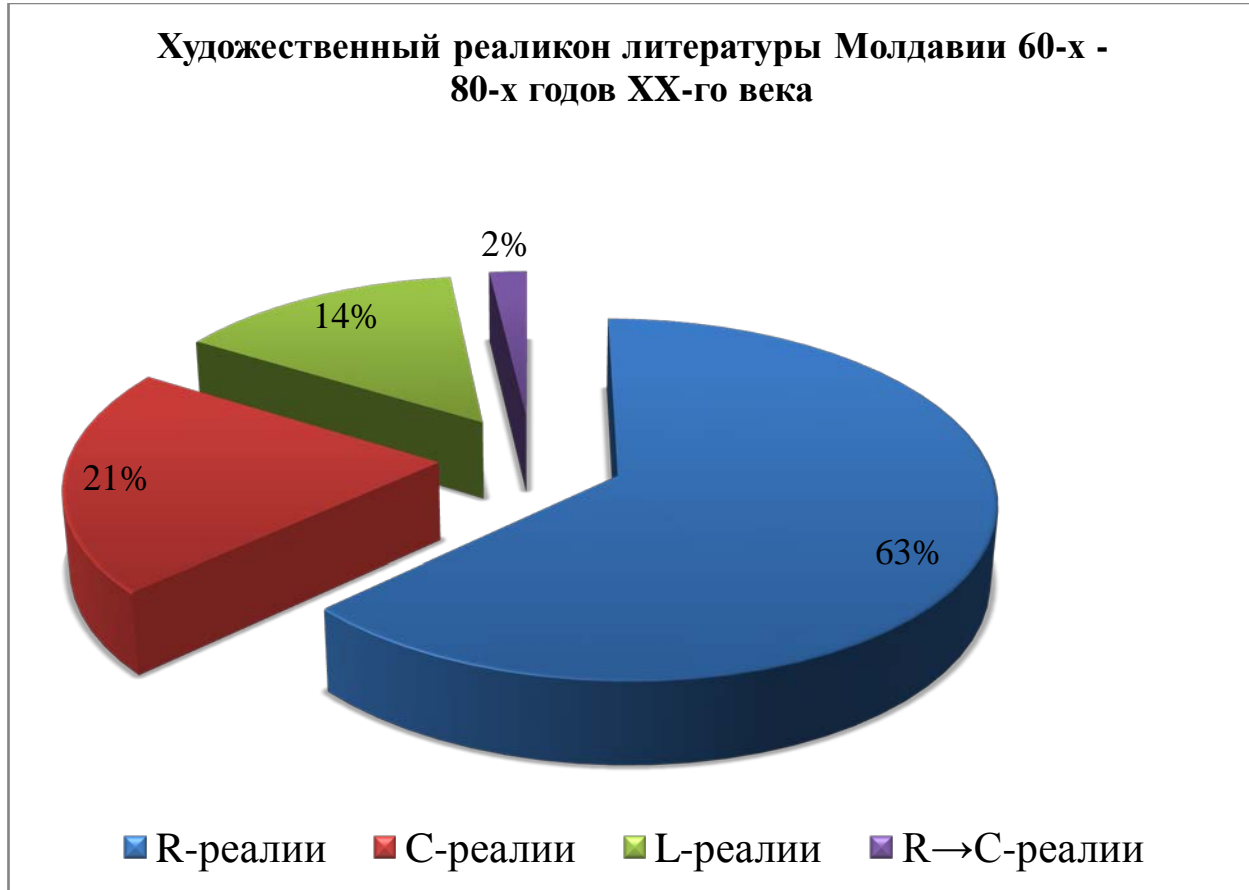

Диаграмма 2:

Диаграмма 3:

Диаграмма 4: Реноминативный реаликон молдавской культуры во французских художественных переводах

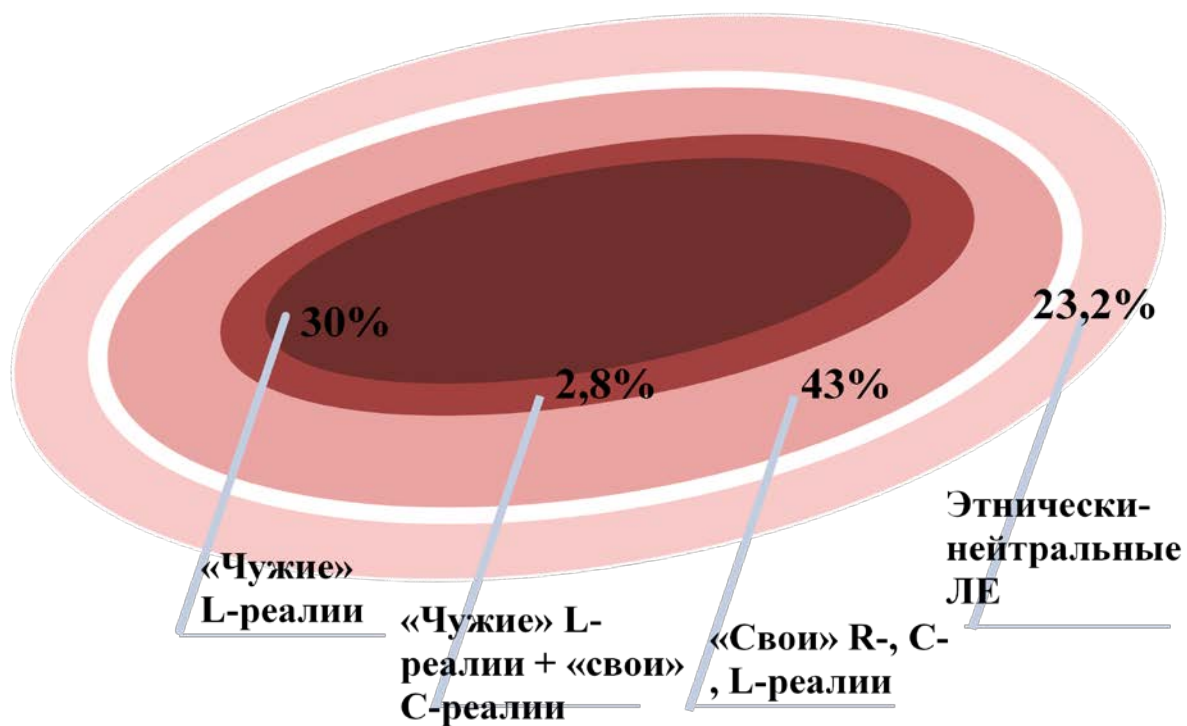

Таблица 1: Корреляция реноминативных форм «чужих» реалий и степени сохранения «чужого» национального колорита во французском переводном художественном тексте

Реноминативные формы реалий ядра художественного реаликона литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века

Тип реалии ИТ	Реноминативная форма «чужой реалии» во французском тексте	Степень сохранения национального колорита	ПРИМЕРЫ
«ЧУЖАЯ» R-РЕАЛИЯ			
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ R-РЕАЛИИ	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<p>... <i>le fouet sous le bras, chemine le chef de famille, le hospodar, comme ils s'intitulent eux-mêmes.</i></p> <p><i>Le maître de la maison et son hôte dégustèrent longuement le café, fumèrent le tchoubouque ...</i></p> <p><i>Elle ne voulait pas les confier au kolkhoze ?</i></p> <p><i>Voilà, j'ai gagné quelques lei.</i></p> <p><i>Le père Calin qui montait la garde au soviet du village, a regardé la lettre du coin de l'oeil, a ri dans sa barbe...</i></p>
	«Чужая» L-реалия + «своя» с-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<p>... <i>d'une ruelle obscure déboucha une longue télègue moldave – une karoutsa.</i></p> <p><i>Aussitôt une doina* ondulante et pleine de charme s'en échappait, tantôt lente et douce, tantôt précipitée comme le départ d'une eau d'averse.</i></p> <p><i>*Chanson populaire moldave.</i></p> <p><i>Sans sel la zama* ne vaut rien, le poisson, non plus d'ailleurs.</i></p> <p><i>* Met national moldave, potage dans lequel on fait cuire la volaille ou le poisson.</i></p>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»	<p>... <i>que tu l'as raconté toi-même, que tu étais resté enfermé dans la cave en tout et pour tout une petite heure ...</i></p> <p><i>C'est un gars comme toi.</i></p> <p><i>Quelques jours plus tard maman me prépara mon balluchon ...;</i></p> <p><i>On jouait dans les auberges, dans les relais de poste ...;</i></p> <p><i>Le poêle, où il était censé jeter de temps en temps des bûches, s'était refroidi.</i></p> <p><i>Papa et maman vont se marier, ils nous ont pris comme filles et garçons d'honneur ...</i></p> <p><i>Le vieillard apparaissait rarement dans le champ restait plutôt à fainéanter à la maison, sur la terrasse.</i></p> <p>... <i>Poussinet se pelotonne à l'extrémité de la cheminée</i></p> <p>...</p>
	«Своя» R-реалия +		... <i>on avait fait des poignées pour le moulinet, de tout</i>

	«Своя» С-реалия		<i>temps c'était avec des moulins de ce genre que l'on broyait les grains de maïs ...;</i> ... sur la pente de la colline s'alignait une série de petites tavernes dans les caves desquelles les nuits se passaient à boire ...;
	«Своя» L-реалия		... s'il avait vu aujourd'hui ses Russkofs (c'est ainsi qu'il appelait les soldats, à l'ancienne manière, ceux qui était dans la maison) ...
	«Своя» С-реалия		<i>C'est Stéphan qui avait attaché les cages à étourneaux aux cimes des peupliers en face de l'école. Près de leur porte passe un groupe animé de jeunes filles.</i> Et par-dessus tout, rentrer avec une mauvaise note ou un zéro pointé qu'on le traîne à peine avec soi.; De nouveau l'on descend chercher le vin à la cave, et prépare des feuilles de chou farcies .; Sur la table destinée aux offrandes, on déposait ...; En tournant autour de l'armée en campagne avec son eau-de-vie de prune souvent la veille du jour de l'An lorsque nous allions réciter des vers dédiés et souhaiter heureuse année à la vieille dont la cour abritait le grand-père Pommier.
	«Своя» С-реалия + «Своя» С-реалия		... par une chaleur pareille, de vous asseoir un moment quelque part sur un banc de terre *, à l'ombre, avec un gobelet de vin frais. *Remblai formant saillie le long des murs extérieurs de la maison, destiné à conserver la chaleur et utilisé comme banc.
	Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита	<i>Tante Justine, sa mère, est sortie.</i> La maison ne s'échauffait pas encore et le foyer était morose et froid. Au fond de la pièce une femme âgée était assise sur un banc , triant les haricots. Mais une fois il n'obéit pas aux injonctions de ses chefs . Il se dépêche, car le train va partir et sa petite corbeille est à moitié vide seulement. Sortez-moi de la voiture .
ОНОМАСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<i>Hé, Gavriila, que comptes tu faire la nuit</i> Nikouchor se tourna et se retourna pendant toute la nuit. Hé, toi, là-bas, Ion , dis donc, c'est vrai que tu vas à la chasse cette nuit-ci? Holà, Chtéphane , tu ne t'es pas encore endormi là-bas? crie Onia par-dessus la haie. Les jeunes filles de la brigade de jardiniers d'Anika Toukan redoublent de zèle en cueillant les pommes. Androucha a du travail par-dessus la tête.
	«Чужая» L-реалия + «Своя» С-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<i>Le nom de famille du prêtre était Guèinè, ce qui signifie "volaille", et derrière son dos les villageois l'appelaient en effet "vieille volaille" ...;</i> ... et tandis que les Autrichiens assiégeaient le fameux Khotine * * Khotine : ville sur Dniestr, près d'Otchakov, théâtre de nombreuses batailles

			<p>... menaçait la maîtresse de la maison de la mettre entre les mains de Chechkovski * ...</p> <p>* Bourreau privé de la tsarine</p>
	«Своя» L-реалия + «чужая» L-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<p>- Je ne veux pas mourir à Iassy, lui dit Grégoire Alexandrovitch.</p> <p>Nous nous assiérons, si Dieu le veut, de l'autre côté de Prout, grommela Pierre Alexandrovitch...</p> <p>De la princesse Catherine Dolgoroukov...</p> <p>... et Alexandre Vassiliévitch réunit son conseil de guerre...</p>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»	<p>Certes Séгур avait raison mais il perdait de vue le fait...</p>
	«Своя» L-реалия		<p>Mais Mathieu n'ignorait pas quel danger elles cachait.</p> <p>Père Nicéphore essuie son front ruisselant de sueur.</p> <p>Vous serez meunier sur la Colline des Pierres.</p> <p>Hé, le fiston de Catherine, tu es sourd ou quoi?; ... que tu es novice chez nous, et le père Ignace ne parle toujours de toi ...</p>
ИСТОРИЧЕСКИЕ R-РЕАЛИИ	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<p>... volait comme l'éclair entre le quartier général du commandant en chef et la maison du boïar Stamati ...</p> <p>Tout au début du siècle le hospodar de Moldavie...</p> <p>L'avait-on ainsi baptisé quand il besognait comme berger chez le boyard Quantchea.</p>
	«Чужая» L-реалия + «своя» C-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<p>... ces régiments de volontaires moldaves, appelés arnaoutes, qui participaient aux combats aux côtés de l'armée russe.</p> <p>... servi comme dragomane, c'est à dire comme interprète auprès du sultan...</p> <p>Quelques jours plus tard maman me prépara mon balluchon et les opintchi*.</p> <p>* <i>Opinca</i> — sandale de paysan confectionnée d'un morceau de peau rectangulaire retenue au pied par des cordons.</p> <p>Lorsque Gogou s'approche, un pol* jeté par la fenêtre tombe à ses pieds en sonnant et s'enfonce dans la poussière mêlée de sable.</p> <p>* vingt lei (équivalent d'un napoléon)</p>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»	<p>... la porte s'ouvre et maître Ochlobanou, nouveau professeur arrive ...</p> <p>Il cachait alors la tête sous sa vareuse ...</p> <p>Sur son pourtour s'alignaient les petites isbas tout de guingois des aubergistes ...</p> <p>Ce sou, je l'ai trouvé au bord de la route, et on ne peut même pas vraiment l'appeler un sou.</p> <p>... voilà trois recrues, fais-m'en un bon soldat.</p> <p>... avalant la poussière, s'avançaient des régiments de grenadiers et de mousquetaires.</p>
	«Своя» C-реалия		<p>Nous nous rassemblâmes sur un terrain vague.</p> <p>Sur lequel se tenait les frères Kruntu, deux soldats russes et un roquin</p> <p>... du matin au soir des petits paquets, des sous de</p>

			<p><i>cuivre, des pièces de toile tissées à la maison ...</i> La grande route est là, à deux pas. ... là encore à distance respectueuse, les marchands de boissons avec leur chargement d'oubli Et de derrière le poêle hollandais apparaît la silhouette trouble d' un gamin.</p>
Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита		<p>- <i>Mais justement. Tu me dois un litre de vin!</i> <i>Dans les poches de son pantalon j'ai découvert du sable de mer.</i> <i>Ils hélaient leurs voisins pour ne pas s'endormir ...</i> ... <i>qu'un petit verre vous fait tout de suite voir la vie en rose.</i> ... <i>celle-ci comptait moins d'un million d'habitants ...</i> <i>En bien! Qu'as tu à nous dire, camarade Tchernéga...</i></p>
«ЧУЖАЯ» С-РЕАЛИЯ			
«Чужая! L-реалия	Полное сохранение национального колорита		<p><i>Heureux de te voir, mèria ta...</i></p>
«Чужая» L-реалия + «своя» с-реалия	Частичное сохранение национального колорита		<p><i>Aussitôt une doina* ondulante et pleine de charme s'en échappait , tantôt lente et douce, tantôt précipitée comme le départ d'une eau d'averse.</i> <i>*Chanson populaire moldave.</i></p>
«Своя» L-реалия + «своя» С-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»		<p><i>Les dragons de la table voisine lancèrent un “hourra”, puis entonnèrent Longue vie* .</i> <i>* Chant traditionnel que l'on entonne à l'occasion d'un anniversaire, d'une fête, etc.</i></p>
«Своя» С-реалия			<p><i>C'est ainsi qu'ils furent gratifiés du sobriquet «zama » et jamais ne s'en fâchaient, décidés de le porter avec dignité jusqu'à la fin de leur vie.</i> ... <i>viendrait un beau jour survoler notre contrée ensemble avec leur mère voir son village natal.</i> — <i>Et que dirait-on si cette colombe-là faisait des petits en papier quadrillé c'était comme si tout le peuple, toute notre nation s'était réunie ...</i> ... <i>lorsque les cerises mûrissent dans leurs vergers, les gens semblent avoir changé leur manière d'être.</i> ... <i>personne n'avait parlé avec lui pour dire : « Bonne journée, grand-père ! » ou « Que la matinée vous soit agréable ! »</i> ... <i>les femmes commémoraient en prononçant sur le pain les noms de ceux qui n'étaient pas revenus de la guerre...</i> <i>Après on a repris la route de son pays, de son foyer.</i> ... <i>alors il fallait aussi l'ôter aux mots de “Seigneur, aide-moi!” quand on commençait à travailler.</i></p>
«Своя» С-реалия + «своя» С-реалия			<p><i>Le pays revenait péniblement à soi après le grand ébranlement qui portait le nom du personnage*.</i> <i>*Le terme russe «pougatchevtchina » désigne la révolte qui, en 1773, sous la conduite du cosaque du Don Emelian Pougatchev, souleva contre Chaterine II</i></p>

			<i>cosaques et paysans des provinces de l'est de la Volga. Pougatchev fut finalement livré à Souvorov et décapité à Moscou en 1775.</i>
	Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита	<i>... les misiciens jouaient danse après danse tous les jeunes du village — cent et quelques couples dansaient maintenant sur la petite parcelle de terrain foule devant la maison.</i> <i>Allons, lève-toi, vieillard nous avons des hôtes.</i> <i>Le pauvre, il n'avait pas le sens de l'humour.</i> <i>... car il n'y avait que moi qui avait la chance d'avoir un grand-père comme grand-père Cerisier.</i> <i>«Ne vous en faites pas, maman, la réconfortait le professeur, vous allez voir quelles pommes il va faire l'année qui vient!».</i>
« ЧУЖАЯ» R→C-РЕАЛИЯ			
	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<i>... mon père disait qu'étant encore enfant le grand-père Cretchoune l'avait déjà connu et l'avait toujours vu couché sur un flanc et aussi nouveau comme il l'est maintenant.</i> <i>Je le reconnaissais à ses épaules de montagnes, à ses bras de Kodrou à ses pas de taureau.</i>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»	<i>... il vivra encore bien longtemps pour faire grandir les enfants sur ses branches pour continuer à écouter des contes, pour faire tourner des rondes aussi belles et grandes que sa couronne...</i> <i>... une maison sans palissade, c'est comme un homme dépourvu de vêtement ...</i> <i>Mais pour l'instant, grand-père, donne-moi ton bâton</i> <i>...</i>
	«Своя» C-реалия		<i>... que j'ai la voix trop aigüe ...</i> <i>... les langues inactives ne manquaient pas l'occasion de cancaner un tantinet.</i> <i>Movilè s'agitait, se demandant comment faire sortir la roue de l'ornière.</i> <i>Et nous entendîmes d'abord quelque chose qui ressemblait à un souffle léger ...</i>
	Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита	<i>Quelle était la joie et quel boucan il faisait alors que les commerçants venaient pour «acheter» les mûres du grand-père Mûrier.</i> <i>Allons, mon gaillard, le véhicule de monsieur arrive!</i> <i>“Eh! jeune homme, quand j'ai amené dans la maison ...”</i> <i>Il vous plaît à vous laisser toujours aller à la paresse mais puisque nous avons un inspecteur, il faut s'y mettre, que diable.</i>

Реноминативные формы реалий периферии художественного реаликона
литературы Молдавии 60-х – 80-х годов XX-го века

Тип реалии ИТ	Реноминативная форма «чужой реалии» во французском тексте	Степень сохранения национального колорита	Примеры
РЕЛИГИОЗНЫЕ R/C-РЕАЛИИ			
	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<p><i>... la neige, des passages de la liturgie, des psaumes, des acathistes.</i></p> <p><i>On dirait un pope, dit l'un des moujiks, remarquant parmi les haillons une grande croix</i></p> <p><i>Quoi, il n'est même pas archimandrite?</i></p> <p><i>... en tant que gens d'Eglise, mais en tant que chef, exarque de l'Eglise moldave ...</i></p> <p><i>... icône miraculeuse conservée en l'église principale du monastère...</i></p> <p><i>Outre le gouverneur s'y trouvaient également le métropolit de Moldavie ...</i></p>
	«Чужая» L-реалия + «своя» C-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<p><i>Est-ce moi que vous appelez, matouchka*? (*nom donné familièrement à la femme du prêtre)</i></p>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого» национального колорита «своим»	<p><i>Toujours vêtu de sa vieille tunique, tout a ses travaux...</i></p> <p><i>L'oratoire de Potemkine était une pièce toute en longueur ...</i></p> <p><i>...d'endosser la chasuble brodée d'or...</i></p> <p><i>... de la bouche d'un novice transylvanien, lui avait beaucoup plu.</i></p> <p><i>... tous les murs d'enceinte étaient garnis de cellules improvisés...</i></p> <p><i>... il fut accueilli, suivant l'usage des églises orthodoxes, par le chapitre au grand complet...</i></p>
	«Своя» L-реалия		<p><i>... que vous avez, vous seriez hiéromoine un jour, archimandrite le lendemain, et de là au Capuchon Blanc, il n'y a pas loin.</i></p>
	«Своя» L-реалия + «своя» C-реалия		<p><i>A-t-il la Capuche Blanche*? (*il s'agit d'une sorte de capuchon monastique, noir les moines et les évêques, blanc pour les métropolit)</i></p>
	«Своя» C-реалия		<p><i>A la mémoire de nos ancêtres, de ceux qui ont fondé, pour ainsi dire...</i></p> <p><i>Quand ont-ils leur fête paroissiale?</i></p> <p><i>Le père Païssi, qui avait lui-même chanté des petits Noëls dans son enfance, ... pourquoi la Nativité du Christ se situe au début de l'hiver...</i></p> <p><i>Comment assurer les services religieux si l'on n'emporte pas tout ça?</i></p> <p><i>C'était bientôt l'heure de l'office nocturne, que l'on célèbre au coeur de la nuit, ... toute la confrérie, épuisée</i></p>

			<p><i>par le grand carême ...</i> <i>... faire tomber des murs tout ce qu'il y avait: des images saintes, des photographies, des serviettes brodées ...</i> <i>Puis se sont les pérégrinations de monastère en hermitage, les longues années à mendier ...</i> <i>... si l'on n'avait pas invité à l'office des morts quelqu'un d'étranger ...</i> <i>Est-ce tous les jours Jeudi Saint, mon capitaine?</i></p>
	«Своя» С-реалия + «своя» С-реалия		<p><i>... elle a inscrit pour toujours dans ses canons le service du milieu de la nuit, c'est-à-dire l'office que nous devons obligatoirement célébrer au plus profond de la nuit.</i> <i>... il n'avait meme plus le droit de franchir les Portes saintes * (*Dans l'église orthodoxe, seuls les prêtres ont le droit de franchir l'iconostase (portes «saintes» ou «royales») séparant la nef du sanctuaire où se trouve l'autel), or sans cela il ne saurait y avoir d'office!</i> <i>... et c'est Potemkine en personne qui a obtenu de l'impératrice la permission de peupler les régions méridionales de ces schismatiques* (*schismatiques, ou "vieux croyants", tenants de la "vieille foi" qui rejettent les réformes introduites dans l'église russe à partir de 1653 par le patriarche Nikone. Condamnés par le concile de 1666, ils furent durement persécutés) réprouvés.</i></p>
	Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита	<p><i>Le monastère suffoquait sous la pression de la foule.</i> <i>... vieillard d'aspect maladif, supérieur du monastère ..</i> <i>... c'est mon mari que je n'arrive pas à faire sortir de l'église...</i></p>
«ВНЕШНЯЯ» L-РЕАЛИЯ			
	«Чужая» L-реалия	Полное сохранение национального колорита	<p><i>... lui recourbant la pointe à la manière d'un yatagan qu'il avait vu dans le manuel d'histoire.</i> <i>Eh bien, elle a dit comment tu jouais de la balalaïka ...</i> <i>... les janissaires bien au chaud dans leurs touloupes ...</i> <i>... ils eurent reconstruit l'église et refait la toiture en relevant le toit de trois archines ...</i> <i>En russe ça s'appelle un «piatak», c'est-à-dire cinq kopecks.</i></p>
	«Чужая» L-реалия + «своя» С-реалия	Частичное сохранение национального колорита	<p><i>... et il atteignait par endroits quatre sagènes* de haut.</i> <i>*Sagène: 2,13 m.</i> <i>...s'ébrouent énergiquement dans la nuit glaciale; les yatagans — leurs redoutables sabres recourbés —</i> <i>Le rempart principal de la forteresse d'Izmaïl avait une longueur totale de six verstes* ...</i> <i>*Verste: 1,06 km.</i> <i>L'église Saint-Jean l'Evangeliste, à Tchernigov, était renommée pour la cloche énorme, lourde de sept cents pouds* ...</i> <i>* Presque une tonne.</i></p>
	«Своя» R-реалия	Замена «чужого»	<p><i>Et puis grand-père avait parlé avec un chef, lui avait</i></p>

		национального колорита «СВОИМ»	<p><i>demandé pourquoi on avait pris son gars ...</i></p> <p><i>... lorsque dans votre bonté vous l'avez prise, si jeune, comme demoiselle d'honneur.</i></p> <p><i>Les gars, c'est le Dniestr !</i></p>
	«Своя» L-реалия		<p><i>... grand-père lui avait raconté pour quelle action il avait reçu ses deux croix de Saint-Georges ...</i></p>
	«Своя» С-реалия		<p><i>Le jeune homme, âgé d'une vingtaine d'années, gisait entièrement nu sur la paille d'un large traîneau paysan</i></p> <p><i>...</i></p> <p><i>... se présenta au palais du gouverneur, de la part du représentant turc, un messenger indolent ...</i></p> <p><i>... et proposait au commandant en chef des Turcs, Aidozla, de livrer la forteresse sans combattre.</i></p> <p><i>... deux grandes puissances auront-elles raison du sabre recourbé des Musulmans?</i></p>
	Этнически-нейтральные ЛЕ	Полное отсутствие колорита	<p><i>... dans les casernes, sur les vaisseaux, dans les prisons.</i></p> <p><i>... de s'indigner hautement d'une décision de son souverain ...</i></p>